

ВОРОНЕЖ НАРОДНИКОВЕДЧЕСКИЙ

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Исторический факультет

Воронеж народниковедческий

Сборник статей

ББК 63.3(2Рос–4Вор)
В 75

В 75 Воронеж народниковедческий : Сборник статей/ Под ред. Г. Н. Мокшина. – Воронеж: издательство «Истоки», 2012. – 196 с.

ISBN 978-5-88242-906-4

В настоящее время Воронеж – один из немногих провинциальных научных центров нашей страны, где продолжается изучение народнической проблематики.

Авторы сборника – преподаватели воронежских вузов – развивают современные подходы к осмыслению народнического радикализма и реформизма, анализируют теорию и практику народнических и неонароднических организаций, разрабатывают новые исторические, историографические и источниковедческие сюжеты, в том числе связанные с народническим движением в Воронежском крае.

Для научных работников, аспирантов, студентов и всех интересующихся историей России нового времени.

ББК 63.3(2Рос–4Вор)

ISBN 978-5-88242-906-4

© Издательство «Истоки», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Кирчанов М. В. Русское народничество и национализм: национальное движение в донациональную эпоху	9
Квасов О. Н. Российский терроризм второй половины XIX века: народнический аспект	27
Сафронов О. С. Исторические взгляды идеологов русского анархизма как исследовательская проблема	47
Перегудов А. В. От осведомителя до провокатора – один шаг: из истории борьбы жандармов и революционеров на рубеже 1870–1880-х гг.	57
Савицкая Е. А. Развитие идеологии революционного народни- чества в 80–90-х гг. XIX в.	78
Мошкин Г. Н. От теории «малых дел» к широкой «культурной работе»: эволюция легального народничества в 1880–1890-е гг. ...	98
Ключникова Н. Л., Мошкин Г. Н. Литературные воспоминания Л. Е. Оболенского как источник по истории народничества	115
Пеньков А. И. К вопросу о роли В. П. Воронцова в народниче- ском движении 70–90-х гг. XIX столетия	125
Куцеволов А. А. Деятельность партии социалистов-революцио- неров среди крестьянства Воронежской губернии (90-е гг. XIX в. – 1917 г.)	139
Карпачев М. Д. Воронежские неонародники 1920-х гг. о путях развития русской деревни	160
Список сокращений	174
Сведения об авторах	175
Библиография воронежского народниковедения	176

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее время Воронеж – это один из немногих провинциальных научных центров нашей страны, где сохраняется традиция изучения народнической проблематики.

Данному обстоятельству способствуют следующие факторы.

Во-первых, Воронежская губерния, где преобладало крестьянское население, оказалась тесно связанной с историей народнического движения. В свое время в Воронежском кадетском корпусе учились многие будущие народники, например, С. Н. Кривенко и Г. В. Плеханов. В эпоху «действенного» народничества Воронежский край стал одним из центров «хождения в народ», включая создание здесь землевольческих поселений. В 1879 г. в Воронеже прошел съезд «Земли и воли», упоминание о котором вошло во все учебники по истории России. В начале XX века в городе и губернии активно действовали эсеры и энесы. Уже при большевиках в 1918 г. левые эсеры организовали в Воронеже вооруженное восстание.

Во-вторых, в Воронеже, как самом крупном городе Черноземного края, в советское время было открыто несколько вузов, где преподавали и занимались наукой сотни ученых-гуманитариев. На сегодняшний день воронежскими историками, филологами и экономистами защищено три десятка народниковедческих диссертаций (в том числе 4 докторских). Половина из них выполнена сотрудниками и выпускниками кафедры истории России Воронежского государственного университета.

В-третьих, изучение народнической тематики воронежскими исследователями стимулировал общий подъем научного интереса к народникам. Как известно, его пик пришелся на 1960-е – начало 1980-х гг. В это время в Москве в Институте истории АН СССР активно работала Группа по изучению общественного движения в пореформенной России (преимущественно революционного), с которой у воронежцев сложились прочные научные связи. Неслучайно становление воронежской школы народниковедческих исследований, у истоков которой стоял проф. истфака ВГУ Л. Б. Генкин, происходит именно в конце 60-х – первой половине 70-х гг.¹

Первые работы по истории народничества появились в Воронеже еще в 20–30-е гг. прошлого века. Это книги и брошюры известных воронежских краеведов В. Н. Алексеева и А. Н. Татарчукова².

В основном они касались революционно-народнического движения в Воронежском крае. Главное их достоинство – введение в научный оборот значительного по объему фактического материала, в том числе из местных архивов.

В 40–50-е гг., как и по всей стране, воронежские историки русской общественной мысли вынуждены были переключиться на революционных демократов 1840-х – начала 1860-х гг., а фактически «отцов» русского народничества. Примечательно, что попытка заведующего кафедрой политэкономии ВГУ В. Н. Замятина защитить в 1952 г. докторскую диссертацию о «либерал-народниках» завершилась необоснованными репрессиями против ученого³.

Серьезное изучение истории народничества начинается в ВГУ с конца 60-х гг. Тогда под руководством заведующего кафедрой истории СССР досоветского периода проф. Л. Б. Генкина приступили к разработке актуальных проблем истории и историографии революционного народничества его аспиранты Ю. Н. Иванов, Г. М. Дмитриев и М. Д. Карпачев⁴.

В 1966 году Л. Б. Генкин выступил с инициативой о проведении в ВГУ межвузовской научной конференции «Революционное и общественное движение в России XIX в.», приуроченной к 50-летию университета в 1968 году. Свои тезисы прислали такие авторитетные исследователи истории российского освободительного движения, как В. А. Дьяков, Э. С. Виленская, Н. М. Пирумова, В. А. Твардовская, Н. А. Троицкий, А. Н. Цамутали. Всего предполагалось заслушать около 50 научных докладов и сообщений. К сожалению, из-за отсутствия средств на проведение конференции организаторам пришлось ограничиться изданием сборника из подготовленных к ней материалов⁵.

В 70–80-е гг. главными инициаторами народниковедческих исследований в Воронеже выступали историк М. Д. Карпачев, специалист по англоязычной историографии русского народничества и филолог А. А. Слинько, посвятивший свои труды литературно-народническому движению второй половины XIX – начала XX в. Став профессорами ВГУ, они подготовят десяток специалистов по различным народниковедческим проблемам, сумев передать им свою любовь к альтруистической народнической интеллигенции.

С начала 1990-х гг. воронежское народниковедение получает новый импульс для своего развития. Кризис марксистской методологии прежде всего способствовал расширению тематики исследований.

Появляются труды по истории нечаевщины (А. Ю. Минаков), анархизма (О. С. Сафронов), правого народничества (Г. Н. Мокшин, О. П. Дорофеева) и неонародничества (В. Л. Савченко, А. А. Куцеголов), народнической беллетристике и литературной критике (Г. А. Шпилева, М. А. Денисова). Развиваются новые направления, например, террология (Н. Д. Литвинов, А. Н. Литвинова, О. Н. Квасов). Общее количество народниковедческих публикаций в Воронеже за последние двадцать лет увеличивается по сравнению с советским периодом почти в два раза.

В 2002–2004 г. в ВГУ при поддержке Воронежского межрегионального института общественных наук было организовано несколько конференций и научных семинаров. Народническая тематика преобладала на семинаре, посвященном 90-летию со дня рождения известного народниковеда, проф. МГУ М. Г. Седова⁶. Почтить его память в январе 2003 г. на истфаке ВГУ собрались ученые из Москвы, Саратова и Воронежа (В. В. Блохин, О. В. Будницкий, В. В. Зверев, И. А. Гордеева, М. Д. Карпачев и др.)⁷. В ноябре 2004 г. на конференции «Актуальные вопросы истории общественного движения и общественной мысли в России в предреформенные и пореформенные эпохи» работала секция «Проблемы истории легального народничества». С докладами выступили А. И. Юдин (Тамбов), В. В. Блохин (Москва), В. В. Зверев (Москва), С. Н. Касаторнов (Орел), И. А. Гордеева (Москва) и Г. Н. Мокшин (Воронеж).

У воронежских исследователей сложились определенные подходы и приоритеты в изучении народнической идеологии и практики. Прежде всего, это интерпретация явления народничества как идейного самоопределения и самовыражения части дворянско-разночинной интеллигенции, которая пыталась найти свое место в модернизирующемся российском обществе; поиск новых подходов к осмыслению народнического радикализма и реформизма; тесная связь между изучением движения народнической интеллигенции в общероссийском масштабе и в Воронежском крае.

Данный сборник продолжает сложившиеся традиции. Его авторы – преподаватели известных воронежских вузов – исследуют народничество на всем протяжении его истории и во всех основных течениях, как радикальных, так и умеренных. При этом анализируются не только история и идеология народничества и неонародничества, но и некоторые новые историографические и источниковедческие сюжеты.

Сборник открывает статья *Максима Кирчанова*, посвященная малоизученной проблеме «народничество и национализм». Автор постарался преодолеть «идеологически отформатированную» традицию изучения русского народничества, как наднационального движения. По убеждению Кирчанова, основанному на анализе текстов И. И. Каблицы и других ярких представителей народничества, оно было национальным, но в атипичной форме, т.е. без развитой националистической программы. И на это были особые причины.

Террорологический взгляд на народнический террор, способный придать новый импульс изучению российского революционного движения, развивается в статье *Олега Квасова*. Новый подход позволяет не только выявить специфику народнического террора (его главные отличия от современного терроризма), но глубже понять предпосылки возникновения и длительной популярности в определенных кругах российской интеллигенции этой формы политической борьбы.

В последние два десятилетия резко увеличился поток публикаций по истории русского анархизма. Анализ исследований по одной из актуальных проблем современного анарховедения – историческим взглядам М. А. Бакунина, П. А. Кропоткина и их последователей в первой половине XX в. – представлен в работе *Олега Сафронова*.

Революционно-народническая тематика отражена в статьях *Александра Перегудова* и *Елизаветы Савицкой*. Первый автор обратился к очень деликатному вопросу о соотношении понятий «provokator» и «осведомитель» на примере С. П. Дегаева и Н. В. Клеточникова. Елизавета Савицкая, завершающая кандидатскую диссертацию по истории революционного народничества 1880–1890-х гг., сосредоточила свое внимание на выявлении основных тенденций в идейной эволюции позднего народничества.

Больше всего статей в данном сборнике посвящено идеологии и идеологам правого (реформаторского, легального) народничества последней трети XIX века. *Геннадий Мокшин* анализирует историю «культурничества» как самостоятельного направления развития правонароднической мысли со своими специфическими общественными задачами, стратегией и тактикой общественных преобразований. Во второй его статье совместно с *Натальей Ключниковой* раскрывается значение для понимания истории народничества литературных воспоминаний одного из практически забытых его теоретиков Л. Е. Оболенского. И еще один молодой исследователь *Александр Пеньков* попытался разобраться в сложном вопросе о месте и

роли в народническом движении 1870–1890-х гг. В. П. Воронцова – автора популярной тогда народнической теории о «мертворожденности» русского капитализма.

Как уже отмечалось, в начале XX века Воронежская губерния стала ареной активной деятельности партии социалистов-революционеров. В исследовании *Андрея Куцеволова* устанавливается, как воронежские эсеры «завоевывали» крестьянство и какие особые обстоятельства обеспечили революционной интеллигенции поддержку деревни.

Завершает сборник статья самого известного воронежского народниковеда – *Михаила Карпачева*. На этот раз он обратился к воронежским неонародникам. Речь идет об отношении А. Н. Минина, Н. П. Макарова, Н. И. Щукина и др. местных профессоров к крестьянской политике советской власти в годы НЭПа, породившей у них много горьких иллюзий.

В приложении к сборнику приводится библиография основных трудов воронежских исследователей по народнической тематике.

¹ Подробнее см.: *Мокшин Г. Н.* Народниковедческие исследования на кафедре истории России ВГУ (1961–2011) // Ист. записки: Науч. тр. ист. ф-та ВГУ. Воронеж, 2012. Вып. 15.

² См. библиографию основных трудов воронежских исследователей в приложении к сборнику.

³ Реабилитирован в 1953 г. В 1957 г. защитил докторскую диссертацию об экономических взглядах Н. Г. Чернышевского.

⁴ Сам Л. Б. Генкин готовил монографию по историографии народничества. Тяжелая болезнь и смерть ученого в 1970 г. помешали осуществлению этих планов.

⁵ См.: Революционное и общественное движение в России XIX в.: Тез. докл. и сообщ. на науч. конф. Воронеж, 1968.

⁶ В 1970-е гг. М. Г. Седов неоднократно бывал в Воронеже, выступая в ВГУ с лекциями для студентов истфака. После кончины Л. Б. Генкина он стал научным руководителем канд. дис. М. Д. Карпачева.

⁷ Материалы семинара опубликованы в сб. ст. «Общественная мысль и общественное движение в России пореформенного времени» (Воронеж, 2005).

**Русское народничество и национализм:
национальное движение в донациональную эпоху**

В 1990–2000-е годы в условиях снятия идеологических табу и ликвидации цензурных барьеров российская историография обратилась к той проблематике, изучение которой в советский период было невозможно или протекало в условиях значительной политизации. До 1991 года проблемы исследования национализма и народнического движения были в значительной степени идеологизированы. В отношении национализма доминировали преимущественно негативные оценки. В рамках советского научного дискурса национализм воображался и позиционировался, как правило, в качестве реакционного, буржуазного и контрреволюционного движения. Народничество, наоборот, позиционировалось как идеологически правильное движение. В советский период возникла идеологически отформатированная традиция изучения народничества¹. Усилиями советских интеллектуалов в рамках народнического движения преувеличивались или сознательно актуализировались «правильные», прогрессивные, революционные черты.

В советский период российские интеллектуалы были не склонны видеть связь и проводить параллели между народничеством и национализмом. Методологические и теоретические трансформации в отечественной исторической науке создали качественно новые условия для изучения проблем российской истории второй половины XIX века, в том числе и национализма. На протяжении 1990–2000-х годов российскими учеными, которые занимаются проблемами развития национализма, были созданы оригинальные и интересные исследования, посвященные различным националистическим движениям. В конце 2000-х годов в изучении национализма в Российской империи, с одной стороны, стали заметны новые тенденции: российские исследователи предприняли попытки национализации исторического прошлого – поисков проявления национализма в различных политических движениях XIX столетия. В частности, интересными, но спорными и дискуссионными, следует признать попытки интерпретации декабристского движения как националистического², а также оригинальные западные попытки изучения и сравнительного анализа русского национализма, в том числе и народничества³.

Рассматривая современную российскую историографию народничества, автор вынужден констатировать, что движение продолжает изучаться и интерпретироваться как преимущественно социально-экономическое, хотя имеют место и спорадические попытки его изучения в рамках интеллектуальной истории⁴ или проблем развития политических идеологий и идентичностей⁵. К сожалению, подобные исследования единичны и не в состоянии радикально изменить историографический ландшафт народничества.

Народничество следует признать как переходный этап в предистории русского национализма, рассматривая в качестве предшественника, как правых⁶, так и левых проявлений националистической идеологии⁷. С другой стороны, не следует исключать возможность и потенциал сравнительного изучения народничества в европейском контексте⁸. В отечественной историографии до настоящего времени, к сожалению, не было попыток применения западных теорий национализма и сложившихся методологических подходов (уже апробированных на изучении истории национальных движений народов Российской империи и частично русского национализма XIX столетия) для анализа истории и идеологии народнического движения. Автор статьи полагает, что политическая идеология народничества является «забытой» страницей в истории русского национализма: публикации на русском языке, за исключением переводов⁹, в которых народничество интерпретировалось бы как национальное движение, практически отсутствуют.

На пути изучения народничества как формы национализма или националистического движения исследователь неизбежно сталкивается с рядом трудностей.

Во-первых, это аморфность самого явления «народничество». Неопределенность, широкий характер и аморфность идеологии народничества, вероятно, свидетельствует о том, что для второй половины XIX века нация, как политический институт, была чужда Российской империи¹⁰. Под народничеством автор статьи склонен понимать донационалистическое политическое движение¹¹, которое актуализировало широкий круг преимущественно социально-экономических и частично национальных проблем. В понимании и определении национализма автор придерживается позиции Эрнеста Геллнера, разделяя его предположение о том, что национализм является «прежде всего политическим принципом, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны

совпадать»¹². В первой половине 1980-х годов, анализируя развитие национализма, Эрнест Геллнер писал, что «национализм является случайным, искусственным, идеологическим измышлением, которого могло бы и не быть, если бы эти европейские мыслители не состряпали его и не впрыснули в кровь доселе нормально функционирующих политических сообществ»¹³.

Поэтому автор полагает, что народничество (как идеология самобытной модернизации России¹⁴) было атипичным национализмом, национализмом без национализма, без развитой идентичности, без политического и националистического воображения. То, что русское народничество не имело националистической программы в классическом понимании национализма, вероятно, свидетельствует о правоте Э. Геллнера, об атипичной модели развития национализма в империи и случайности последующего появления национализма в политическом пространстве России.

Во-вторых, размытость хронологических границ истории народнического движения.

В-третьих, значительная инерция, унаследованная от идеологически выверенной советской историографией и связанная со склонностью историков видеть в народничестве социально-экономическое и политическое, а не национальное и тем более – не националистическое – движение. Автор настоящей статьи, принимая во внимание спорность и дискуссионность настоящей проблематики, предпримет попытку проанализировать некоторые аспекты интеллектуальной истории народнического движения в контексте теорий национализма на примере текстов И. Каблица, а также литературных и публицистических произведений П. Л. Лаврова и Г. И. Успенского, которые традиционно воспринимались в отечественной историографии как идеологи народничества или народнические писатели, а не теоретики русского национализма.

Анализируя саму проблему «народничество и национализм», во внимание следует принимать то, что сами идеологи народничества мало интересовались проблемами национализма, национальным вопросом и национальными отношениями в Российской империи. Национальное в текстах теоретиков движения растворено в широкой социально-экономической проблематике. Например, И. И. Каблиц-Юзов¹⁵, с одной стороны, ограничивался только общими констатациями того, что имеет место «рост национального сознания», а вопросы «национальной самобытности» не следует игнорировать,

уделяя больше внимания «самобытному пути развития»¹⁶. С другой стороны, тот же Каблиц-Юзов, критикуя общий недемократический характер российской государственности, писал о необходимости национальной консолидации через преодоление сословных и религиозных ограничений¹⁷.

Проявления своеобразного национализма нашли отражение в поэтических текстах Петра Лаврова – одного из главных теоретиков народничества. Национальные мотивы у Лаврова крайне разнообразны. Особый интерес представляют восточные образы. В этом отношении показательным следует признать стихотворение «Бедуин». Текст стихотворения чрезвычайно богат на образы, которые своим происхождением обязаны интересом русского общества к Востоку. В тексте мы находим нарративы восточной стихии:

«Скажи мне, сын пыльных пустынь, бедуин,
Куда ты спешишь средь родимых равнин?
Не глас ли воскресший пророка зовет
Вновь к битвам, где слава, где рай тебя ждет?
Не хочешь ли снова ты хлынуть ордой
И царства низринуть могучей рукой?
Не снова ль собираются дети степей
Повергнуть полмира десницей своей,
Среди Исфагана воздвигнуть свой трон...»

мусульманского прошлого Запада:

«...Не снова ли будет из стран Альджезира
Властитель Багдада светильником мира?
Не снова ль увидят Альгамбры сады
Могучие абенсераджей ряды
И звучные песни любви огласят
Златые покои гренадских палат?...»

и восточного, преимущественно – мусульманского, протеста против западного, европейского доминирования на Востоке:

«Нет! смолкла слава халифата;
Пришли другие племена,
И среди славного Багдада

Не ваши веют знамена.
Арабов сила позабыта;
Гарунов время протекло;
И, вместе с властью разбитой,
В пыли их гордое чело...»¹⁸

Текст «Бедуина», вероятно, возможно рассматривать как проявление российской ориенталистской традиции¹⁹. В рамках подобного восприятия Лавров не только русский народник, но и русский националист, который стал одним из форматоров образов «Другого». В поэтическом дискурсе Лаврова образы инаковости связаны с восточными мотивами. Вероятно, русские народники, с одной стороны, внесли свой вклад в формирование и развитие в России восточных образов как проявлений и форм универсальной чуждости. С другой стороны, несмотря на оппозиционность существовавшему политическому режиму народники внесли немалый вклад в формирование русского имперского мифа, вероятно сами не полностью того осознавая, принимали участие в легитимизации русской экспансии на Восток.

Несмотря на то, что Российская империя, которая, используя терминологию Э. Геллнера, представляла собой «общество, основанное на сельском хозяйстве... для которого характерно довольно стабильная технология»²⁰, для текстов Лаврова характерны и элементы политического, гражданского национализма. Лавров, как противник существовавшего в России политического режима, культивировал в своих текстах нарратив о необходимости перемен. По мнению Лаврова, эти перемены должны были привести к свержению самодержавия и утверждению свободы:

«Пусть преклоняются пред палкою народы!
Пусть попран и презрен закон!
Пусть равенство, и братство, и свободу
Считают за нелепый сон!
Бессмертна истина! Не поколеблют люди
Ее несокрушимый храм;
Ее огонь зажжет опять их груди
И поселится там...»²¹

Аналогичные настроения характерны и для некоторых текстов П. Н. Ткачева, создавшего весьма неприглядные образы народного

праздника как средоточия архаики, отсталости, политической несознательности и бесправия русского народа:

«Я видел: тешился народ.
Но странно тешутся рабы!
Вокруг жандармов целый взвод,
Кишит полиция внутри!»²²

В этом контексте во внимание следует принимать, что теоретики народничества, с одной стороны, несмотря на характерный для них интерес к народу, народной и традиционной культуре практически всегда оставались носителями т.н. «высокой культуры», т.е. представителями образованных и, как следствие, в той или иной степени политически и экономически доминирующих классов. С другой стороны, подобная риторика русских народников привела к выработке у них своеобразного политического комплекса ответственности за судьбы народа, что вылилось в попытки «хождения в народ». Эти хождения стали формой принудительной социализации, попыткой модернизации крестьянства, которое существовало в условиях доминирования традиционализма.

Лавров сделал очень много для демонизации монархии как архаичной и политически неправильной формы государственного устройства, для формирования политической нации, основанной на отторжении деспотизма и выдвижении идей свободы и ценностей демократии:

«Меня поставил бог над русскою землею», –
Сказал нам русский царь. –
«Во имя божие склонитесь предо мною,
Мой трон – его алтарь.
Для русских не нужны заботы гражданина –
Я думаю за вас;
Усните – сторожит глаз зоркий властелина
Россию всякий час»²³.

Неприятие монархии в текстах Лаврова сочетается с попытками предложения новой идентичности, которая предстает как одновременно революционная и демократическая:

«Отречемся от старого мира!
Отряхнем его прах с наших ног!
Нам враждебны златые кумиры;
Ненавистен нам царский чертог!»²⁴

Лавров в своих текстах глорифицировал революционную борьбу, пытаясь превратить именно протест и насилие в системообразующие элементы идентичности. Протест против политического строя в текстах Лаврова имеет и определенный, но недостаточно выраженный, национальный, точнее – религиозно-этнический, подтекст. Вероятно, не следует исключать из числа возможных интерпретаций и антисемитский контент²⁵ приведенного выше фрагмента, особенно – в той его части, где Лавров негативно оценивает экономическое измерение («златые кумиры») политических процессов. Таким образом, Лавров, вероятно, сам того не понимая способствовал формированию новой преимущественно политической (точнее – политизированной) идентичности. В этом отношении националистические элементы в текстах Лаврова позволяют предполагать его близость к западной, европейской политической традиции, системообразующими элементами которой стали ценности политической солидарности, гражданских прав, а не этнической, языковой или религиозной близости. В поэтических текстах Лаврова монархия воображается как основное препятствие для политической модернизации, как важнейший барьер на пути к прогрессу и утверждению гражданской (политической) нации как нации граждан, а не подданных императора.

В этом контексте Лавров был одним из предшественников русского политического гражданского национализма, который в центр своих концепций ставил не этническое, а гражданское понимание нации. В политическом воображении Лаврова образующими нацию принципами были не язык и кровное родство, а приверженность ценностям свободы и демократии. В этом отношении тексты Лаврова в значительной степени опередили свое время, способствуя политической модернизации общества империи на неформальном уровне, возникнув в домодерновом государстве с крайне неразвитой политической системой, с полным отсутствием представительных политических институтов.

Тексты Лаврова интересны и в контексте формирования образов «Другого». Категория инаковости в литературном наследии одного

из теоретиков народничества имеет различные проявления от национально-религиозных до социально-политических. Классическими «Другими», с одной стороны, в поэзии Лаврова были политические противники. Монарх, царь, «деспот» – синтетический образ инаковости в поэтическом дискурсе Лаврова. С другой, в текстах Лаврова мы находим и в определенной степени этнически маркированные образы инаковости, что относится к евреям, которые фигурируют как «жиды-торгаши»²⁶. При этом нельзя исключать того, что отторжение евреев как Других было формой неприятия евреев не как этнических и религиозных, но как социально-экономических «Других».

В своих работах Лавров особое внимание уделял проблемам нации, став одним из первых теоретиков и исследователей национального вопроса в Российской империи. В работах Лаврова нация (хотя он предпочитал использовать термин «национальность») фигурирует как историческое явление, которое возникает в силу объективных обстоятельств: «многообразные условия местности, климата, исторических обстоятельств сближают в продолжение длинного периода потомства родовых союзов разного происхождения. Большею частью все эти союзы усваивают один и тот же язык, разнящийся лишь оттенками наречий, усваивают более или менее сходные психические наклонности, некоторые сходные привычки и предания; история выделяет образовавшуюся таким образом группу от других подобных же групп при исчезании переходных ступеней; образуется исторический продукт нарождения и культуры, особая национальность»²⁷.

Другие теоретики народничества нередко сводили нацию почти исключительно к крестьянству, в значительной степени его идеализируя. Г. И. Успенский, в частности, полагал, что именно крестьянство является основой русского народа, источником его энергии и залогом жизнеспособности: «творчество в земледельческом труде, поэзия его, его многосторонность составляют для громадного большинства нашего крестьянства жизненный интерес, источник работы мысли, источник взглядов на все окружающее его, источник едва ли даже не всех его отношений частных и общественных. Множество явлений русской жизни, русской действительности оказываются необъяснимыми или объясняются фальшиво, ложно и досадно терзают вашу наблюдательность потому только, что источник этих явлений отыскивается не в особенностях земледельческого труда, соткан-

ного из непрерывной сети на первый взгляд ничтожных мелочей, а в чем-либо другом»²⁸. Народники нередко идеализировали русское крестьянство, преувеличивая степень его традиционности и приписывая ему несуществующие качества.

Позднее подобная идеализация сыграла негативную роль в развитии народничества как формы национализма, если, конечно, признавать народническую идеологию в качестве националистической. Идеализация крестьянства и ориентир на воображаемые самими народниками идеальные качества крестьянина не позволила народничеству трансформироваться в национализм западного типа. Вероятно, крестьянство было чрезвычайно узкой социальной базой народничества, которая их не принимала, а нередко и отторгала. Нельзя исключать то, что именно крестьянский фактор привел к постепенной маргинализации народничества, не позволив ему трансформироваться в национализм с «полной» социальной базой.

С другой стороны, Лавров не рассматривал нацию как самостоятельную категорию. В политической концепции Лаврова национальное не имело самостоятельного значения. Он полагал, что национальные противоречия в современном мире вторичны в то время, как основную роль в вызревании и протекании конфликтов играет политический фактор: «если бы не происходило столкновения национальностей во имя случайных интересов их правителей или во имя животного начала взаимного поедания, то на этом и остановился бы вопрос о значении национального элемента в прогрессе. Но сейчас указанные обстоятельства придают историческое значение прочности и материальной силе национальной организации. Национальный вопрос на практике вызывает вопрос государственный»²⁹. Анализируя подобные идеи Лаврова, во внимание следует принимать не только их оригинальность, но и значительную смелость выводов и заключений русского народника, которого, вероятно, можно рассматривать как одного из предшественников конструктивистской традиции в изучении национализма, возникшей во второй половине XX века и основанной на восприятии нации как политического феномена, связанного в большей степени не с абстрактными ценностями нации, а с принципами государственности и политического суверенитета.

Следует особо подчеркнуть, что «Национальность» воспринималась Лавровым как временная и внешняя форма организации общества: «всякая национальность может при счастливых обстоятельст-

вах сделаться историческим прогрессивным двигателем. Чем лучше она поймет современные требования человечества, чем полнее воплотит их в формы своей культуры и в заявления своей мысли, тем вероятнее будет для нее достижение этого исторического положения»³⁰. Не рассматривая нацию как самостоятельную категорию Петр Лавров ставил под сомнение и необходимость политики ассимиляции, в случае Российской империи – русификации нерусских народов: «стремление поедать чужие национальности, уничтожая их особенности, есть факт антипрогрессивный. Человек, ставящий себе подобный идеал, имеет столь же мало прав на название патриота, как человек, проповедующий пользу уподобления общественной человеческой культуры нравам стаи волков или стада баранов, не имеет права на название человеческого мыслителя»³¹.

Вероятно, Лавров не понимал потенциал и возможности русификации в контексте формирования политической нации. Это было связано с тем, что формирование мировоззрения русского народника прошло в ту эпоху, когда понятия «нации» не существовало, а национальное едва ли входило в число основных политических координат русского общества. Столь скептическое отношение к нации и недооценка национального фактора в истории была вызвана рядом факторов. Во-первых, Российская империя периода деятельности Лавров была донациональным государством, в котором процесс формирования нации еще не вступил в активную фазу. Поэтому Петр Лавров и другие народники (а среди них и Глеб Успенский в текстах посвященных жизни русской деревни – например, в «Народном гулянии в Всесвятском», «В деревне», «Деревенских встречах»³²) не смогли избежать идеализации архаичности и традиционализма, что в наибольшей степени проявлялось в жизни крестьянства, которое вело «основательное, подлинно крестьянское, то есть исключительно земледельческое, хозяйство...»³³. Во-вторых, традиционное общество, в котором был вынужден жить Лавров, не понимало универсальность национального принципа. Последний будет осознан только после первой мировой войны и распада многонациональных континентальных империй. В-третьих, в той политической системе координат, в которой был вынужден действовать Лавров принципы нации / национальности были слабы и, поэтому, не могли конкурировать с, как казалось значительной части современников, универсальными принципами лояльности церкви и монархии.

История Запада рассматривалась Петром Лавровым как история естественного и неизбежного противостояния и противоборства различных наций: «большая часть истории национальностей прошла во взаимной резне и во взаимном поедании, то явилось учение ложного патриотизма, учение, по которому гражданин ставил себе в достоинство желание, чтобы его национальность поела все прочие. Так как в политической истории принцип национальностей играл немаловажную роль, то явилась политическая теория разделения земли на государственные территории по национальности»³⁴. В этом контексте работы Лаврова представляют особый интерес, так как он пытался связать принципы нации и политической организации общества, чем, с одной стороны, предвосхитил преимущественной политической интерпретации нации, которые имели место в XX веке, а, с другой, опередил общественную мысль России последней четверти XIX в., так как большинство его современников, занимавшихся национальным вопросом, оперировали преимущественно фактическим примордиалистским методологическим инструментарием.

Завершая настоящую статью, автор выдвигает несколько дискуссионных положений.

Первое, народническое движение можно рассматривать как отдаленных исторических предшественников такого явления как «русская партия». Народники, с одной стороны, столь активно увлекались «народной» и, следовательно, национальной фразеологией, что сами, того не осознавая, сделали очень много для развития русской национальной идентичности и политической актуализации русского фактора. С другой стороны, автор полагает, что народничество как политическое и интеллектуальное движение было не только очень широким, но и чрезвычайно аморфным. Вероятно, следует признать справедливым предположение В. Д. Жукоцкого и З. Р. Жукоцкой о том, что народничество стало «разновидностью научно-утопического сознания»³⁵. Народничество чрезвычайно сложно определить как чистое националистическое движение потому, что оно слабо соотносится с классической дефиницией национализма, данной Эрнестом Геллнером. Э. Геллнер полагал, что под национализмом следует понимать «политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единица должны совпадать»³⁶. Эта дефиниция феномена национализма представляется почти неприменимой для народничества: Россия периода народнического движения не знала четких определений самого феномена «нации».

Российское общество было домодерновым и донациональным, сама русская нация не имела ни политических границ в контексте других национальных групп, ни политических институтов, которые представляли бы ее национальные интересы. Национальное содержание было растворено в преимущественно политических концептах народников, которые, тем не менее, были среди первых авторов и политиков, которые поставили на повестку дня национальные проблемы. Но делали они это столь отвлеченно, что народничество в отличие от движений-современников в национальных регионах Российской империи не трансформировалось в национализм в классическом понимании.

Второе, народников можно интерпретировать как предшественников русского национализма начала XX в. Несмотря на аморфность и расплывчатость народнической идеологии, движение, вероятно, следует рассматривать как один из ранних этапов в генезисе русского национализма начала XX столетия. В частности, один из теоретиков русского национализма и консерватизма Лев Тихомиров, критик демократии, ярый сторонник русификации, противник национальных культур и теоретик самодержавия, свою политическую карьеру начинал как народник по той причине, что именно народничество оказалось той стартовой площадкой, которая актуализировала как потенциально правые, так и левые политические тренды и течения.

Третье, принимая во внимание широкий и аморфный характер анализируемого движения, народничество можно интерпретировать как важный этап в генезисе коммунизма, если, конечно, воспринимать последний как форму русского национализма. Полагая, что некоторые народники сыграли особую роль в генезисе русского национализма, автор полагает, что генезис русского коммунизма так же не обошелся без участия народников. Анализируя роль народников в предыстории русского коммунизма и левой политической идеологии в целом, во внимание следует принимать и фактор более позднего советского исторического воображения, в рамках которого народническое движение фигурировало не только как прогрессивное, но и как предшествующее революционной социал-демократии и коммунизму. В этом контексте неслучайно то, что советский историографический канон стимулировал анализ подобной проблематики, связанной с трансформацией народничества в марксизм.

Четвертое, народничество было частично национальным движением в донациональном и домодерном обществе, теоретики которо-

го не только были не в состоянии осознать важность национального фактора и компонента в российской государственности, но и стали основоположниками негативной динамики в последующем развитии русского национализма. Народники были своего рода дефектным или неполным национальным движением. Они не смогли осознать мобилизационный потенциал национального партикуляризма, который мог трансформироваться в сепаратизм. Народников почти не волновала российская история и, в отличие от представителей других национальных движений, они оказались не в состоянии предложить обществу версии национальной истории, написанные в этнической системе координат. Русские народники были не в состоянии сформировать образ «Другого». Последний фактор, вероятно, был наиболее деструктивным и привел к крайне негативным результатам: русские националисты на протяжении всего XX века так и не смогли выделить русскую идентичность как самостоятельную категорию. Поэтому на протяжении длительного времени русские националисты боролись с воображаемыми вызовами, отрицая украинскую или беларускую нацию, культивируя искусственную близость и несуществующее братство, вместо того, чтобы признать их в качестве «Других».

Пятое, народничество, несмотря на значительную уникальность и национальную специфику движения, вероятно, можно сравнивать с аналогичными националистическими движениями Европы второй половины XIX столетия. Сравнение народничества с современными ему национальными движениями практически не позволяет выделить общие черты. Мы можем, вероятно, констатировать существование только особенностей и уникальных национальных черт. Невозможность полностью интегрировать народничество в исторический европейский контекст актуализирует дефектность народнического движения как национализма. Тем не менее, если попытаться принудительно (т.е. искусственно) «втиснуть» народничество в европейский националистический контекст, то автор полагает возможным сравнивать народничество с движением «фелькише» в Германии. И тогда следует признать, что русское народничество породило такую девиантную и тупиковую форму политической идеологии как большевизм. Точно так же как немецкое «фелькише»-движение породило национал-социализм.

Современные русские националисты, которых, казалось бы, можно рассматривать в качестве наследников «исторических» национа-

листов, в том числе и народников, отказывают народничеству в праве быть одним из ранних этапов в истории русского национализма. В. Межуев, например, подчеркивает: «*националист*, как я понимаю, тем и отличается от *народника*, выдающего себя за националиста, что ценит и защищает в своем народе не только его общее сходство, но заключенное в нем богатство индивидуальных различий и возможностей, пусть в чем-то расходящихся, а то и конфликтующих между собой. Он не стремится подвести всех под одну черту, а, наоборот, ратует за реализацию всего индивидуального многообразия, содержащегося в данном народе»³⁷. Олег Неменский вообще стремится вывести народничество за пределы русской националистической традиции, полагая, что оно, наоборот, стало важным стимулом для развития украинского национализма, а не русского³⁸. Вероятно, подобная дискретность в развитии национальной идеи в России свидетельствует о том, что народническое движение в силу своей специфики пребывало вне пределов националистического дискурса в Российской империи.

Подводя итоги настоящей статьи, во внимание следует принимать ряд факторов. Народничество было чрезвычайно аморфным движением, что в значительной степени усложняет его анализ как формы национального / националистического движения. Народничество возникло, развивалось и прошло в упадок в стране, в которой существовала чрезвычайно архаичная, отсталая для XIX века политическая и экономическая система. В Российской империи традиция доминировала над изменениями: крепостное право было отменено только в 1861 году, независимые институты общественного и политического представительства отсутствовали, политический режим имел ярко выраженные авторитарные черты. Именно в такой ситуации во второй половине 1860-х годов в России возникает феномен народничества.

Что представляло собой это чрезвычайно неоднородное движение? Можем ли мы определить его как национальное или националистическое движение, хотя понятия «национальное» и «националистическое» в данном случае, вероятно, равноценны?

Автор полагает, что народничество, с одной стороны, не может быть интерпретировано как национализм в классическом понимании, несмотря на наличие в идеологии российских общественных деятелей народнического направления некоторых проявлений или элементов националистической идеологии, что, например, в боль-

шей степени относится к формированию образов «Другого». С другой стороны, народничество, вероятно, можно рассматривать как своеобразный протонационализм или национализм в предпарадигмальной стадии. В пользу этого предположения свидетельствует то, что национальная проблематика не доминировала в идеологии народничества, которая в большей степени была политической и / или социально-экономической. Национальная тема была растворена в широком спектре социальных и экономических вопросов, которые интересовали теоретиков и идеологов народнического движения.

Проблемы социальных и экономических трансформаций российского общества, формирование нации, образы «Другого» – вот лишь некоторые проблемы, доступные в текстах идеологов народнического движения, которые позволяют интерпретировать народничество как протонационализм. Народничество может быть интерпретировано в общеевропейском контексте. В частности, возможными представляются параллели с движением «фелькише» в Германии, хотя близость может оказаться мнимой, построенной на созвучии названий и ложном родстве этих в принципе различных политических движений.

В целом, автор полагает, что народничество сыграло особую роль в трансформации интеллектуальной традиции в России во второй половине XIX столетия. Вероятно, народничество было первым широким политическим движением с определенным национальным / националистическим содержанием, которое стало историческим предшественником как правых (различные консервативные течения, черносотенное движение, русский национализм начала XX столетия), так и левых (социал-демократия) идеологий в Российской империи конца XIX – начала XX века. Столь широкий характер народнического движения, размытость его идеологической программы и несомненная роль в последующем политическом и интеллектуальном развитии России свидетельствует о том, что народничество нуждается в дальнейшем изучении.

¹ О советском восприятии народничества см.: *Генкина Э. Б.* Ленин о революционном народничестве и народовольчестве // Пролетарская революция. 1930. № 2–3; *Троицкий Н. А.* Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг. М., 1978; *Карпачев М. Д.* Русские революционеры разночинцы и буржуазные фальсификаторы. М., 1979; *Он же.* Очерки истории революционно-демократического движения в России. Воро-

неж, 1985; *Вахрушев И. С.* Очерки истории русской революционно-демократической печати 1873–1886 гг. Саратов, 1980.

² *Сергеев С.* Восстановление свободы. Демократический национализм декабристов // Вопросы национализма. 2010. № 2. Критика работ С. Сергеева представлена в текстах А. Севастьянова. См.: *Севастьянов А.* Дворяне, декабристы, националисты (Возражения С. М. Сергееву и другим по поводу его статей). – (<http://www.sevastianov.ru/prochie-statji/dvoryane-dekabristy-natsionalisty.html>).

³ Подробнее см.: *Лакер У.* Россия и Германия: наставники Гитлера. Вашингтон, 1991; *Он же.* Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994. См. также: *Хоскинг Дж.* Россия и русские. М., 2003. Кн. 1–2.

⁴ *Блохин В. В.* Очерки истории народнической мысли второй половины XIX века. М., 2009; *Мошкин Г. Н.* Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж, 2010.

⁵ *Касторнов С. Н.* Народники-реформисты о социальных и общественных проблемах России второй половины XIX – начала XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2002. Диссертация С. Н. Касторнова отражает восприятие русскими народниками национальных проблем, в частности – украинского вопроса (С. 123–124, 132–135). Автор данной статьи полагает, что изучение народничества в контексте национализма ставит больше вопросов, нежели ответов. Вероятно, перспективной темой может стать сравнительное изучение русского народничества и «українського народництва», русского народничества и младолатышского движения в Латвии (теоретиков и идеологов которого пытались оценивать как местных народников – см.: *Кирчанов М. В.* *Zemnieki, latvieši, pilsoņi*: идентичность, национализм и модернизация в Латвии. Воронеж, 2009), а также «неонароднических» движений в государствах (таутинински, ляудининки в Литве), которые возникли в результате распада Российской Империи. Литовские слова «tautininkas» и «liaudininkas» можно перевести как «народники», хотя в слове «tautininkas» больше «национального», а не «народного» содержания.

⁶ В советский период изучение трансформации народничества в русский консерватизм и национализм было невозможно в силу идеологических причин. Народники, которые отошли от революционного народничества, став монархистами, консерваторами и националистами, превратились в объекты glorification и героизации современного русского национализма. См.: *Тихомиров Л.* Критика демократии. Статьи из журнала «Русское обозрение» 1892–1897 гг. М., 1997.

⁷ Левая природа народнического движения активно культивировалась в советской историографии. См. подробнее: От народничества к марксизму. Воспоминания участников революционного движения в Петербурге (1883–1894 гг.). Л., 1987.

⁸ Вероятно, народничество сравнимо с немецким национализмом (подробнее см.: *Данн О.* Нации и национализм в Германии 1770–1990. СПб., 2003), но результаты такого сравнительного анализа будут заведомо спорными.

⁹ Переводов книг зарубежных исследователей о народничестве и национализме не так много. См. например: *Мондри Г.* Писатели-народники и евреи. Г. И. Успенский и В. Г. Короленко (по следам «Двести лет вместе»). СПб., 2005.

¹⁰ Некоторые американские исследователи полагают, что в России не завершен процесс формирования нации и идентичности. В частности, подобной точки зрения придерживается Джеймс Биллингтон. См.: *Биллингтон Дж.* Россия в поисках себя. М., 2005. См. также: *Billington J. H.* Russia in search of itself. Washington-L., 2004.

¹¹ В 2006 году автором была защищена диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук «История развития латышского национального движения в XIX – начале XX века» по специальности 07.00.03 «Всеобщая история», несмотря на то, что Латвия в анализируемый период входила в состав Российской Империи. Поэтому, работая над текстом настоящей статьи, был велик соблазн перенести на почву российской истории XIX в. теоретические и методологические подходы, которые признаны классическими при изучении всеобщей истории, в частности – теории национализма. В этой ситуации автор отдает себе отчет, что выводы статьи могут показаться искусственными, а сама тема – надуманной трансплантацией западных историографических подходов.

¹² *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991. С. 24.

¹³ Там же. С. 127.

¹⁴ *Зарубина Н. Н.* Самобытный вариант модернизации // Социологические исследования. 1995. № 3. С. 50; *Зверев В. В.* Народничество // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 323.

¹⁵ О деятельности и роли И. Каблица-Юзова в развитии народничества см.: *Харламов В. И.* Из истории либерального народничества в России в конце 70-х – начале 90-х годов XIX века. Общественно-политические воззрения И. Каблица (Юзова): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.

¹⁶ *Юзовъ I.* Націоналізмъ, его приверженцы и враги // Русское богатство. 1882. № 7. С. 60–64.

¹⁷ *Юзовъ I.* Что такое народничество? // Неделя. 1880. № 31. С. 981–984. О взглядах И. Каблица-Юзова на национальный вопрос см.: *Харламов В. И.* Идеология правого народничества в публицистике Каблица-Юзова (1880-е гг.) // Вестник МГУ. Сер. Ист. 1982. № 1. С. 33–35.

¹⁸ *Лавров П. Л.* Бедуин // Библиотека для чтения. 1841. № 5. С. 5.

¹⁹ Под ориентализмом традиционно понимают исследовательский подход предложенный Эдвардом Вади Саидом, который положил начало постколониальному анализу (см.: *Саид Э. В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006). Народничество не исследовано в контексте развития русского ориентализма и формирования образов Востока в русской идентичности. Проблема «Русское народничество и ориентализм» заслуживает того, чтобы стать темой отдельного, самостоятельного исследования.

²⁰ *Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М., 2002. С. 147.

²¹ *Лавров П. Л.* Пророчество // Голоса из России. 1857. Т. 4. С. 33.

-
- ²² *Ткачев П. Н.* Народное гулянье // *Встань, человек!* М., 1986. С. 83.
- ²³ *Лавров П. Л.* Русскому народу // *Вперед!* 1875. 19 июня (1 июля). С. 361.
- ²⁴ *Лавров П. Л.* Новая песня // *Голоса из России.* 1857. Т. 4. С. 39.
- ²⁵ Антисемитизм народнической идеологии является дискуссионной проблемой. Подробнее см.: *Мондри Г.* Указ. соч.
- ²⁶ *Лавров П. Л.* Пророчество.
- ²⁷ *Лавров П. Л.* Исторические письма. М., 1905. С. 198.
- ²⁸ *Успенский Г. И.* Крестьянин и крестьянский труд // *Успенский Г. И.* Собр. соч. М., 1956. Т. 5. С. 37.
- ²⁹ *Лавров П. Л.* Исторические письма. С. 199.
- ³⁰ Там же. С. 201.
- ³¹ Там же. С. 202.
- ³² *Успенский Г. И.* Собр. соч. М., 1955. Т. 1.
- ³³ *Успенский Г. И.* Крестьянин и крестьянский труд. С. 7.
- ³⁴ *Лавров П. Л.* Исторические письма. С. 204.
- ³⁵ *Жукоцкий В. Д., Жукоцкая З. Р.* Русская Реформация XX века: статьи по культурософии советизма. М., 2008. С. 85.
- ³⁶ *Геллнер Э.* Нации и национализм. С. 23.
- ³⁷ *Межуев В.* Народники и националисты // (<http://www.apn.ru/publications/print11221.htm>).
- ³⁸ *Неменский О.* Национализм городской и сельский // (<http://www.apn.ru/publications/article22868.htm>).

Российский терроризм второй половины XIX века: народнический аспект

Терроризм как форма политической борьбы имеет многовековую историю, генезис и перспективы развития, которые напрямую связаны с политической спецификой, ходом национальной истории, характером общественно-политических и социальных процессов. Отмечаемая подавляющим большинством исследователей главная особенность политического терроризма, заключается в стремлении при помощи организуемых актов насилия решать некие важные политические задачи. Привлекательность терроризма, в первую очередь, связана с возможностью при минимальном использовании ресурсов добиться конкретных поставленных целей, правда, далеко не всегда с прогнозируемыми и ожидаемыми последствиями. Кроме того, предпочтение террористических методов борьбы обусловлено высокими тактико-стратегическими возможностями маневра террористов и особой психологической ангажированностью террористических действий. Очевидно, что насилие как фактор политического процесса существовало издревле, равно, как и всегда будет стремление решать сложные проблемы при помощи механизмов силового подавления. Поэтому люди прибегали к террористическим методам на протяжении всей своей истории и, маловероятно, что в обозримом будущем от этого откажутся.

Дальнейшие исследования террорологической проблематики революционного движения расширят наше представление о характере политических процессов, специфике и взаимосвязи конкретных эпизодов противостояния, приблизят к более полному пониманию содержания и сути революционного процесса. Кроме того, в отношении российского терроризма второй половины XIX века из-за обилия разночтений существует необходимость фактического уточнения дат и фигурантов террористических акций, а содержание некоторых акции до сих пор остается не ясным. Террорологический взгляд на народнический террор, по нашему мнению, позволит освежить и придать новый импульс исследованию народовольчества и в целом российского революционного движения.

Выделяют несколько этапов исторического развития терроризма. Это, во-первых, тираномахия (монархомахия, тираницид) или

убийство высших лиц государства. Известная персонификация и авторитаризм политической власти в Древнем и Средневековом мире, как в определенной мере и сейчас, создает предпосылки для решения политических задач при помощи физического уничтожения первых лиц государства. Для этого не требуются сколько-нибудь многочисленные организации, а достижение цели зачастую приводит к кардинальным политическим последствиям. Во-вторых, этап индивидуальных покушений на политических деятелей (аттентат), что сопряжено с начавшейся в Новое время деперсонализацией политического процесса, появлением института массовых партий, углубляющейся политизацией общества. И, в-третьих, собственно, терроризм, как форма деятельности, ориентированная на совершение упорядоченного насилия в отношении противников, что осуществляется уже при помощи организации планомерных действий специальных подразделений и боевиков.

К многочисленным обоснованиям террористической деятельности преимущественно относят следующие. Во-первых, достижение возможных при помощи террористических акций уступок от правительства или дезорганизации власти и ее структур. Реализация этих целей может иметь формы цареубийства, «самозащиты» от правительственных репрессий, борьбы с провокаторством и прочие. Во-вторых, регулятивная цель террора, которая подразумевает прямую взаимозависимость, осуществляемых под нажимом террористических акций правительственных реформ, их последовательности и террористической активности революционеров. В рамках этой обширной цели появились концепции ситуационного использования террора и даже «педагогического» запугивания власти. Третий аргумент терроризма базируется на эксцитативном (возбуждающем, агитационном) значении террора и обосновывает последовательную активизацию и экстремизацию масс с помощью повышения уровня насилия. Эта теория нашла свое отражение в марксистском поступательном росте осознанности политической борьбы масс, в анархистской «аккумулирующей» теории протестных действий, в полицейской классификации форм политических протестов (от устной и письменной пропаганды, через «террор единичный и массовый, партизанские выступления и экономический террор» к общему вооруженному восстанию). В-четвертых, отдельная аргументация основывалась на «неуязвимости» террористов для правоохранительных органов. Малочисленность террористических бойцов и их сторонников

превращалась в конспиративное преимущество, неуловимость боевиков и панический страх перед ними. В-пятых, возбуждающая жестокость терактов, как ни странно, в теориях террористов трансформировалась в гуманистический фактор. Вместо обилия народной крови в ходе революции и массовых столкновений, террористы предлагают ограничиться «кровопусканием» только представителей власти и ее активных сторонников. Таким образом, террор становится альтернативой революционным потрясениям и «предохранительным клапаном» народных возмущений. Названные аргументы упоминаются наиболее часто, но не исчерпывают всего множества террористических обоснований, которые продолжают развиваться и находят своих приверженцев и в современном мире.

Террористический экстремизм народовольцев имел политических и социальных предшественников. Неоднократные планы царубийства были у декабристов, а одной из практических целей восстания 14 декабря 1825 г. являлось убийство всего царствующего семейства, что лишало бы династию прямого наследования престола. Причем в этих планах, ярко проявились тираноборческие представления. Убийство должен был осуществить один человек, орудием покушения был выбран кинжал и, по всей видимости, как и подобает в традициях тираноборческого самопожертвования, в дальнейшем преступника ждал суд за формальное убийство.

К социальному, т.е. не имеющему организационных форм, но широко распространенному крестьянскому экстремизму, проявляющемуся на протяжении всего XIX в., можно отнести многочисленные убийства помещиков и управляющих имениями. Дореволюционный исследователь вопросов социально-политической агрессии И. А. Малиновский приводит следующие показатели уровня крестьянского насилия в русских губерниях: «В течение 19 лет (1836–1854 гг.) было, по официальным сведениям, 75 случаев покушений на убийство помещиков и помещиц, т.е. в среднем по 4 покушения ежегодно. Убийств же помещиков, по официальным сведениям, за 20 лет (1835–1854 гг.) было 144, т.е. 7 в год; за то же время было 29 убийств управляющих. В течение 9 лет (1835–1843 гг.) сослано было в Сибирь за убийство помещиков 298 крепостных крестьян и 118 крестьянок, всего 416 человек». В числе проявляемых жестокостей был и такой прецедент: «...в 1840 г. ярославский помещик Щепочкин был взорван во время сна порохом, подложенным под спальню дворовыми людьми»¹. При упоминании этого случая напрашивается

аналогия с взрывом Зимнего дворца С. Н. Халтуриным в 1880 г. Одно из таких преступлений, легло в основу изобличительного стихотворения молодого Н. А. Добролюбова «На смерть помещика Оленина, убитого крестьянами за жестокое обращение с ними»².

В ежегодных отчетах III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии и Корпуса жандармов причины преступлений крестьян характеризовались стереотипно: «...из мщения за побои или для избежания наказаний, или от преднамеренного желания крестьян освободиться от господской власти, желания, вынужденного продолжительными притеснениями, жестокостью и развратным поведением владельцев и управителей»³ (1844), «...в намерении освободиться от крепостного состояния, в мщении за строгое обращение или в видах корысти»⁴ (1845), «причина этого рода преступлений относится наиболее к строгому обращению или взыскательности за проступки виновных и к личному мщению за притеснения»⁵ (1847). Просвещенными людьми понималась взаимосвязь этих случаев единичного насилия, ужасов пугачевщины и помещичьего гнета, однако механизмы выхода из этого замкнутого круга насилия виделись по-разному.

Правильно оформленный терроризм демонстрировало польское национально-освободительное движение. Именно в лице поляков, в первую очередь, видело внутренних противников и самодержавие. Польские заговорщики планировали покушение на императора Николая I в Варшаве 29 апреля 1829 г. и в Париже 7 сентября 1843 г.⁶ Покушения и убийства представителей русской администрации осуществлялись постоянно, что объясняется наличием обширной национальной оппозиции, как в крае, так и за границей в лице польской эмиграции. В полицейских отчетах отмечается организованная по «тройкам» и «десяткам» тайная сеть радикальной оппозиции. Резкий рост националистических убийств предварял массовые выступления. Так, число жертв нападений к осени 1863 г. в городах Царства Польского, Западного и Юго-Западного краев достигло 600 человек⁷. В числе этих преступлений варшавские покушения 1862 г.: тяжелое ранение 15 июня наместника А. Н. Лидерса, 21 июня касательное пулевое ранение нового польского наместника вел. кн. Константина Николаевича, два неудачных покушения (26 июля и 8 августа) на начальника гражданского управления Польши графа А. Велепольского, убийство 26 октября управляющего секретным отделением канцелярии наместника надворного советника Фелькнера и др. Если учесть, что Польша в это время была частью Российской

империи, а акции польских националистов являлись разновидностью внутреннего терроризма, то необходимо согласиться с мнением, что первым террористическим актом в России было покушение на польского наместника А. Н. Лидерса, осуществленное подпоручиком А. А. Потебней⁸. Польские националисты осуществили и первую для России экспроприацию – в 1863 г. на нужды польского восстания из Варшавского казначейства была изъята огромная сумма в 25 млн. злотых⁹. Причем с подавлением Польского восстания 1863–1864 гг., количество террористических акций хоть и значительно уменьшилось, но не прекратилось. При этом продолжал культивироваться националистический оппортунизм, нередко приобретающий массовые воинствующие формы.

В дальнейшем, несмотря на взаимное недоверие, неустойчивость и сложность контактов¹⁰, опыт организации польского движения будет воспринят российскими террористами. Кроме того, стоит учитывать, что в это же время активно действуют итальянское, греческое, начинается балканское национально-освободительные движения, в ходе которых будут совершены неоднократные акции, современной юриспруденцией относимые к актам международного терроризма. Так, итальянский карбонарий Ф. Орсини 14 января 1858 г. в Париже бросил бомбу в кортеж императора Наполеона III. Французский император не пострадал, а количество жертв среди публики достигло 164 человек. Десять лет спустя, 27 мая 1867 г., во время посещения Всемирной выставки в Париже Александром II, польский фанатик А. Березовский крайне неуклюже попытался застрелить императора. Таким образом, именно за национально-освободительными движениями, вероятно, стоит признать пальму первенства в организации террористических кампаний и подразделений.

Весной-летом 1862 года по всей Российской империи прокатились разрушительные городские пожары. Как отмечали современники, выгорали целые кварталы и улицы, в том числе в столице и ряде губернских городов. При всей тривиальности этого несчастья для деревянной России и уже имевшихся случаях таких масштабных пожаров¹¹, в этот раз особо указывали на многочисленность возгораний, одновременные пожары сразу в нескольких местах городов и упоминаемые предупредительные письма. Несмотря на обширные следственные действия, причины происшествий так и не проясняются, а версии продолжают появляться и сейчас. В бульварных газетах и обывательской молвой муссировались две основные версии –

«польская» и «студенческая». Первая обвиняла поляков в лице Польской революционной партии, в подтверждение чего были и покушения в крае, вторая – студентов, под которыми подразумевали уже социалистических пропагандистов. Вероятно, истинную подоплеку этих событий не знает никто или она производная от многих случайных, а может быть и злонамеренных, но единичных происшествий. Характерно то, что возникшую на основе массовых страхов истерию, использовали или попытались это сделать и власть, уже-сточая режим, вводя чрезвычайное законодательство и натравливая обывателей на социалистических пропагандистов, и сами революционеры – на углубление паники и истерии была рассчитана печально известная прокламация П. Г. Зайчневского «Молодая Россия», написанная в апреле 1862 года.

Истериичность, нелепость и парадоксальность характеризуют два следующих знаковых события в развитии экстремистских тенденций революционного движения – покушение Д. В. Каракозова 4 апреля 1866 г. и убийство членами нечаевской организации 21 ноября 1869 г. студента И. И. Иванова. Оба преступления произведены вопреки коллективной воле членов; и то, и другое несуразны по организации, подготовке и осуществлению; неврастеничность и болезненность Каракозова отмечали современники, фантасмагория и обман лежали в основе организаторских действий Нечаева. При всей впечатляющей конструкции и пугающих названиях, ни ишутинский «Ад», ни тем более нечаевский «Катехизис революционера» в практической деятельности себя не проявили, оставшись на бумаге и в головах своих авторов. Однако при всей несуразности этих двух преступлений именно от них берут начало революционная «охота на императора» и практика убийств «шпионов и предателей».

Неоднократно озвученная мысль народников, демократической интеллигенции и советской историографии о «непропорционально» жестокой реакции царизма на революционную пропаганду, как в царский период, так все чаще и в современных условиях, подвергается сомнению. Достаточно очевидно, что каждая из сторон имеет весомые доводы и основания для категоричных суждений. Однако так как терроризм является субъективным фактором политического процесса, то и его успешность, равно как и государственной борьбы с ним, во многом определяются не количественными показателями (число и статус жертв терактов, осужденных и казненных, и прочие), а субъективными моментами, формирующими вокруг обширного

комплекса теракта его общественное восприятие. Создание морального превосходства один из важнейших факторов в террористической борьбе. И если после каракозовского покушения и нечаевской истории моральное преимущество было на стороне царизма, то после начавшихся казней, политических судилищ и оправдания В. Н. Засулич, общественные «душевные симпатии и порывы» перешли на сторону революционеров. Чему способствовала и обширная пропагандистская работа народнической печати. Эту ситуацию пытался изменить начальник Верховной распорядительной комиссии генерал-адъютант М. Т. Лорис-Меликов, вступив в диалог с общественностью и предлагая реформаторскую инициативу. Это почувствовали Л. Н. Толстой и В. С. Соловьев, рекомендуя Александру III помиловать первомаевцев, тем самым, лишив их складывающегося мученического ореола. Однако император решил проявить «твердость воли, духа и силы» и, одержав физическую победу над народовольцами, потерпел моральное поражение. В конечном итоге, при всех аргументах объективных и мифических (претензии современных «великодержавников», версии о зарубежных корнях террора) «историческая правда» остается на стороне народников, которые в своих действиях руководствовались высокими идеалами и отстаивали их не щадя своих жизней. То, что эти идеалы и средства их достижения подвергаются современному переосмыслению вполне закономерно. Задача исторической науки сделать это переосмысление продуктивным, не умаляющим перспектив и будущего нашего народа и страны.

Полемика о народническом терроре все больше напоминает дискуссию о красном и белом терроре Гражданской войны, которая бесперспективно приобрела идеологический характер и уперлась в вопрос о том, кто первым начал. В нашем случае, на этот вопрос ответить проще. Призывать к политическому насилию, его организовывать и осуществлять первыми стали народники. Однако спровоцировала это насилие именно имперская власть и, в первую очередь, нежеланием и неумением вести дискуссии со своими политическими оппонентами. Это свойство российской власти наблюдается на протяжении всей ее истории. И если революционные оппоненты царизма использовали терроризм как тактическую форму борьбы, то репрессивное насилие для имперского режима в отношении политических противников было стратегией¹². Реализовывалась она созданием единой взаимосвязанной системы, объединявшей жандарм-

ские управления, общую полицию и охранные отделения. Это вело к слиянию дознания, следствия и наказания в одних руках и позволяло бесконтрольно использовать административное и уголовное преследование к противникам режима. В конечном итоге, главную опасность для самодержавия в «возможном слиянии народовольческого террора со стихийным движением масс» охране в XIX веке удалось предотвратить¹³.

Как неоднократно заявляли сами народники, их первые насильственные акции носили «оборонительный» характер и были направлены против «шпионов» и «предателей», которые давали откровенные показания на следствии. В первую очередь, это коснулось фигурантов «хождения в народ», в отношении которых жестокие следствие и приговор были построены во многом на показаниях «откровенников». Так, 11 июня 1876 г. несколько членов киевского кружка «Южных бунтарей» совершили нападение на предателя Н. Е. Гориновича, который не только дал ранее в полиции показания, но и под чужим именем вновь попытался внедриться в организацию¹⁴. Рядом со смертельно раненым предателем была оставлена записка с надписью: «Такова участь всякого шпиона»¹⁵. Уверенные в смерти Гориновича боевики, облили серной кислотой лицо предателя, что опять же было модной в начале 70-х годов формой националистической борьбы в Польше¹⁶, однако тот сумел выжить. Вкупе с нечаевской историей, эта акция активно использовалась властью для контрпропаганды революционного движения. «Переживя нечеловеческие страдания, несчастный остался жив, хотя от лица у него ничего не осталось, кроме зарубцевавшейся на костях кожи с отверстиями для дыхания и принятия пищи. Чтобы не пугать своим видом людей, он всю остальную свою жизнь вынужден был носить на голове и на лице черный мешок с отверстиями для носа и рта»¹⁷. Фотография несчастного получила в конце XIX века известное распространение и на самом деле вызывает массу неоднозначных чувств и к Гориновичу, и к преступникам¹⁸.

Практика самосуда по отношению к предателям стремительно приобрела широкое распространение. При этом формальные рамки доказательства измены бывало игнорировались. Учитывая официальное предупреждение о намерениях в отношении предателей, многочисленные прецеденты и организационные усилия при совершении таких преступлений, убийство предателей с полным основанием относят к террористическим акциям. Инициатива и совершение

убийств исходили от отдельных революционных кружков, входящих как в революционные объединения («Всероссийская социально-революционная организация», «Земля и воля», «Народная воля»), так и бывших формально самостоятельными. Землевольцы выделили и специальную дезорганизаторскую группу, состоявшую из «боевых троек», которая и осуществляла возмездия. Кроме нападения на Н. Е. Гориновича известно 15 покушений, совершенных разными революционными группами на предателей. Среди них: 5 сентября 1876 г. в Одессе на предателя В. А. Тавлеева, 19 июля 1877 г. на агента полиции Н. Ф. Шарашкина (Г. Финогенов), 1 февраля 1878 г. в Ростове-на-Дону на предателя А. Г. Никонова, 26 февраля 1879 г. на агента полиции Н. В. Рейнштейна, в марте 1879 г. на предателя Т. Курилова, 26 марта 1879 г. в Киеве на агента полиции В. Барановского, 5 февраля 1880 г. в Петербурге на предателя-черноперельца А. Я. Жаркова, 29 июня 1881 г. на предателя-народовольца С. И. Прейма, 8 января 1884 года под Харьковом на «изменника» Ф. А. Шкрябу. Кроме того, в 1878 году революционеры убивают «шпионов» Розенцвейга и Фетисова¹⁹. Известно о планировании и других покушений, не осуществленных, но в судебных обвинениях фигурируемых.

В дальнейшем «оборонительный» (внутренний) террор будет постоянно сопровождать левые организации всех течений. При этом революционная субкультура сколько-нибудь существенной разницы между понятиями «provokator», «шпион», «осведомитель», «агент» не фиксировала. Насколько близко оборонительное и мстительное основание террора соприкасались, показала деятельность киевского кружка во главе с В. А. Осинским и Д. А. Лизогубом. За чрезмерную активность при дознании и следствии, в Киеве 23 февраля 1878 г. было совершено покушение на прокурора М. М. Котляревского²⁰, а 27 мая 1878 г. ударом кинжала убит адъютант начальника Киевского ГЖУ штабс-капитан Г. Э. Гейкинг²¹. Его убийца, Г. А. Попко, убегающий от многочисленных преследователей, смог скрыться в ночной темноте, убив дворника и ранив городского. Позже к оборонительному террору стали относить сопротивление при арестах и обысках, что становилось обыкновением с 1878 г., а также действия, нацеленные на освобождение арестованных или заключенных революционеров. Так, 1 июля 1878 года на окраине Харькова группа землевольцев под руководством А. Д. Михайлова и М. Ф. Фроленко предприняла вооруженную попытку отбить у жандармского конвоя

видного участника «хождения в народ» П. И. Войнаральского. Несколько боевиков, открыв с обочины дороги стрельбу из револьверов, планировали остановить полицейскую повозку, застрелить двух жандармов и скрыться с освобожденным Войнаральским. «Исполнению замысла помешала недостаточная продуманность плана и несогласованность в действиях участников предприятия»²². Кроме того, не хватило обыкновенной точности при стрельбе, что указывает на далеко не лучшую подготовку боевиков²³. В дальнейшем, даже если учесть факторы огромного везения и случайности при неудачных покушениях на Александра II, обращает на себя внимание низкая квалификация террористов, которую они старались компенсировать огромной самоотдачей, целеустремленностью и удивительной энергией. В конечном итоге, главная цель царевубийства будет достигнута, но не за счет опыта и профессионального превосходства террористов над полицией, а за счет экстенсивного растранижения людских, материальных и организационных возможностей, за счет пожертвования всех ресурсов партии и ущемления иных форм революционной деятельности.

Разочарование в мирных способах политической деятельности, месть и стремление обратить внимание общественности на правительственные беззакония и жестокости приговоров подтолкнули революционеров к агрессивным-эпатажным действиям. Поводом стала, осуществленная по приказу петербургского градоначальника генерал-адъютанта Ф. Ф. Трепова, противозаконная экзекуция 13 июля 1878 г. над землевольцем А. П. Боголюбовым (А. С. Емельянов). История получила широкую огласку и резонанс. О планах отомстить Трепову высказались сразу несколько революционных групп, в том числе и дезорганизаторская группа «Земли и воли». Однако, «в виду происходившего в то время процесса 193-х, революционеры воздерживались от мести из опасения, как бы покушение не отразилось на приговоре по этому делу»²⁴. В. Засулич и М. Коленкина независимо от других групп, спланировали покушения на Трепова и прокурора «процесса 193-х» В. А. Желеховского. На следующий день после оглашения жестокого приговора, на приеме посетителей 24 января 1879 г. Засулич выстрелила из револьвера в Трепова, после чего, не оказав сопротивления и попыток к бегству, была арестована. Коленкина на прием к прокурору попасть не смогла, и ее теракт не состоялся. Как известно, судебные власти сочли целесообразным разбирать это дело в рамках общей подсудности. 31 марта суд при-

сяжных оправдал Засулич, что одним дает основание считать это данной обществом революционерам санкцией на террор, другим, критически оценивать последствия всей судебной реформы, а третьим – видеть близорукость, дилетантизм или даже злонамеренность отдельных представителей судебной власти, в частности председателя суда известного правоведа А. Ф. Кони.

Местью за жестокий приговор на «процессе 193-х» объясняли и покушение на шефа жандармов Н. В. Мезенцева. 4 августа 1878 г. земледелец С. М. Кравчинский (Степняк) ударом кинжала смертельно ранил Мезенцева, а в сопровождавшего его подполковника Макарова, который сделал попытку преследовать преступника, выстрелил А. И. Баранников. С места покушения террористы скрылись на подготовленном экипаже и полицией обнаружены не были. Успех теракта был широко использован в пропагандистских целях, в том числе с помощью брошюры, написанной Кравчинским «Смерть за смерть!»²⁵. Чуть позже вышла обширная прокламация «Правительственная комедия или призыв к обществу», которая была распространена осенью 1878 г.²⁶ Брошюра стала фактически террористической программой землевольцев, в которой отразились причины покушения, программа действий и требования террористов.

Опять же ответом на казни стало смертельное ранение 9 февраля 1879 г. харьковского генерал-губернатора князя Д. Н. Кропоткина, осуществленное Г. Д. Гольденбергом. Поводом к покушению явились многочисленные жестокости в местных тюрьмах и суровые меры к участникам студенческих волнений. В Одессе в марте убивают жандармского полковника Кнопа. Стандартные обвинения в жестокости вызвали покушение 13 марта 1879 г. на нового шефа жандармов генерал-адъютанта А. Р. Дрентельна. Слабая организация, недостаток подготовленных боевиков и отсутствие более-менее реальных планов покушений заставляли землевольцев пользоваться услугами инициативных, но подчас случайных в террористической деятельности людей. К таким терактам можно отнести нападение на шефа жандармов студента Л. Ф. Мирского, который верхом на лошади на полном скаку два раза выстрелил безрезультатно в окно кареты Дрентельна²⁷ или покушение Марии Кутитонской 16 сентября 1882 года на приеме легко ранившей выстрелом из револьвера забайкальского военного губернатора Л. И. Ильшевича²⁸. Иногда такие покушения осуществлялись без официальной санкции революционных организаций, по личной воле, на собственные страх и риск – это

покушения 20 февраля 1880 г. И. О. Млодзецкого на «вице-императора» М. Т. Лорис-Меликова²⁹ и 13 ноября 1881 г. Н. М. Санковско-го на товарища министра внутренних дел П. А. Черевина³⁰.

Переход от мстительных обоснований терроризма к дезорганизаторским, произошел еще до появления «Народной воли». Громкие, смелые угрозы по отношению к власти, ряд удачных террористических акций и болезненная реакция царской администрации на революционное движение, посеяли панику и страх в политической элите страны. При этом объективных причин для этого не было. Народники опытным путем искали оптимальные способы террористического воздействия. Удачные акции во многом объяснялись отсутствием каких-либо мер охраны и элементарной безопасности даже у самых высокопоставленных персон. Необходимость соблюдения таких мер сталкивалась с неповоротливостью административного аппарата, отсутствием навыков и техники персональной охраны, с предрассудками дворянского этикета. Силовым структурам приходилось, не ущемляя привычного образа жизни охраняемых особ, обеспечивать их безопасность, что было предельно сложно. Поэтому ряд террористических акций был осуществлен фактически без подготовки, без значительных временных и финансовых затрат.

К таким акциям можно отнести и третье покушение на Александра II. 28 мая 1879 г., примыкавший к землевольческой федерации А. К. Соловьев, выразил желание произвести покушение на царя. Совершенное при благоприятных условиях, – отличный стрелок Соловьев без помех с близкого расстояния четыре раза выстрелил в императора³¹, – это покушение еще раз продемонстрировало низкое качество кадрового состава боевиков. При всем многообразии версий неудачи покушения, все они сходятся на личности Соловьева. Вообще, уровень квалификации и подготовки террористов, в том числе и психологической, являлся одним из самых уязвимых мест народнического террора, что и было причиной провала большинства акций. Так, в последний момент отказалась от покушения Людвиг Гильберт, пришедшая 24 мая 1879 г. в дом временного генерал-губернатора Санкт-Петербурга И. В. Гурко и сдавшаяся охране³². Кроме того, следует учесть относительно высокое число откровенных показаний, которые давали следствию арестованные народники-террористы. Позже народовольцы перестанут полагаться на инициативу и изъявляемое желание рядовых революционеров стать террористом и будут отдавать предпочтение только проверенным

кадрам, среди которых все-таки окажутся предатели и ренегаты (С. Дегаев, Л. Тихомиров). Критично можно оценить и конспиративные навыки первых российских террористов. Несмотря на все требования взаимной бдительности и осторожности, большинство провалов будут не вследствие агентурной и оперативной работы полиции, а из-за конспиративной халатности и небрежного отношения к компрометирующим материалам.

Отделение террора от иных форм революционной деятельности, постепенное взаимное втягивание в «воронку насилия» правительства и революционеров, необходимость всецело посвящать себя терроризму и невозможность совмещать его с другой деятельностью, для народников закончились партийным расколом. Формально не абсолютизируя терроризм, считая его только одной из форм партийной деятельности, народовольцы вынуждены были, в первую очередь, из-за тактических соображений и, во-вторых, из-за недостаточных ресурсов, полностью сконцентрироваться на цареубийстве.

Весной 1879 г. в Петербурге был основан Исполнительный комитет «Русской социально-революционной партии», лидеры которой «единственно действенным средством борьбы с царизмом» определяют террор. А. Д. Михайлов и А. А. Квятковский при содействии Н. А. Морозова в мае под Петербургом организовали подчиненную комитету группу «Свобода или смерть». О короткой истории этой группы мало что известно, и ее полный состав не выяснен до сих пор. Нет ни одной исследовательской работы, ей посвященной³³. По всей видимости, эта группа играла переходную роль, консолидируя сторонников террористической тактики. Созданная летом 1879 г., партия «Народная воля» сразу вынесла приговор императору Александру II. Для лидеров организации эта цель превратилась в *idée fixe*. Неудачи предыдущих покушений подвигли народовольцев к использованию взрывных устройств, которые давали больший шанс на успех, а зависимость результата покушения от ошибки одного человека была значительно меньше. За короткий период было подготовлено восемь покушений, из которых три осуществлены.

С постепенным переходом от случайных акций к организованному терроризму и необходимости цареубийства, стали все более себя проявлять финансовые проблемы организации. Кроме трат на конспиративные и транспортные нужды, требовались большие расходы на изготовление взрывных устройств и взрывчатых веществ, подготовку сложных в техническом плане и соответственно денежно

затратных покушений на царя. Народники переходят к экспроприациям: 3 июня 1879 г. ограблено Херсонское казначейство, в июле почта под Киевом, в декабре 1880 г. предпринят подкоп под Кишиневское казначейство. Попытки грабежа будут и позже: два неудачных вооруженных нападения на почтовые разъезды под Харьковом (10 и 24 октября 1883 г.), неудачная попытка грабежа почты под Воронежем 17 ноября 1884 г. и др. Однако даже при успешных акциях, ведя аскетический образ жизни и экономя на всем, народники постоянно испытывали финансовый голод.

1 марта 1881 г. цель была достигнута, император умер. Однако для партии это стало «пирровой победой». Идеиная конструкция всей террористической деятельности народовольцев с гибелью императора и отсутствием должной реакции народных масс рухнула. Организационная система с полицейскими арестами развалилась, кадровые ресурсы народовольцев исчерпаны. Оставшимся на свободе, несмотря на проникшую в организацию провокацию (С. Дегаев), по инерции удалось осуществить несколько терактов, имевших мстительную основу. 18 ноября 1882 г. С. Н. Халтурин и Н. А. Желваков застрелили военного прокурора Одессы генерал-майора В. С. Стрельникова³⁴. 16 декабря 1883 г. народовольцами В. П. Конашевичем и Н. П. Стародворским при помощи провокатора Дегаева убит инспектор тайной полиции Г. П. Судейкин. 8 августа 1884 г. Мария Калюжная стреляет в начальника Одесского ГЖУ А. М. Катанского. Однако это была уже агония народнического терроризма.

История подготовки и осуществления покушений на царя многократно исследовалась, публиковались документальные материалы. Достаточно детально изучены биографии известных народовольцев, идейные и политические позиции противников, взаимосвязь терактов и действий царской администрации. При этом сохраняется ряд моментов, которые не только вызывают конструктивные вопросы, но и создают почву для конспирологических теорий. К таковым можно отнести слабую изученность взаимодействия народнических организаций между собой и с другими террористическими организациями, неопределенность материально-технической, кадровой и организационной базы терроризма, туманность контактов народовольцев с представителями придворного окружения и пр. На этой почве появляются смелые версии злонамеренного содействия народническому террору со стороны зарубежных держав (Великобритания)³⁵. Например, Н. Д. Литвиновым представлена

«гипотеза» не просто содействия, а полного руководства народническим террором со стороны Великобритании и Германии³⁶. Не имея на то ни одного документального подтверждения и даже не пытаясь это как-либо объяснить, основываясь единственно на многочисленных фактах пребывания революционеров за границей, Литвинов смело предлагает свое видение народнического террора, которое он именует «террорологическим» взглядом на историю. Однако взамен террорологического анализа и объективного исследования, используя полный отказ от принципов историзма и «современное переосмысление» известных фактов, а нередко просто хамское³⁷ допущение в интерпретации малоизученного, автор создает злобный памфлет на революционное движение. При этом необходимо учитывать, что во второй половине XIX века ни одно государство не имело подразделений подрывного, диверсионного или специального назначения.

Охота народовольцев на императора неразрывно связана с противоречивыми тенденциями развития террористических идей в самом революционном движении второй половины XIX века. Террористическая тактика, к которой пришли революционеры, стала коллективным продуктом переосмысления всех трех основных направлений движения. В огромной печатной пропагандистской работе, сопровождавшей террористические акции народовольцев, отразилось революционно-либеральное («пропагандистское») направление, анархистское («бунтарское») направление представлено иллюзиями по поводу народной поддержки и массового выступления после цареубийства, социально-революционными («заговорщическими») по обоснованию оказались террористические действия руководителей «Народной воли».

Наиболее ярким приверженцем радикализма являлся Н. А. Морозов, но его позиция максимально широкого использования терроризма «как систематического приема борьбы» не находила поддержки в руководстве народовольцев. Изданная в 1880 г. в Женеве его брошюра «Террористическая борьба» явилась одним из мировых террористических манифестов. Террор здесь трактуется как стратегическая форма борьбы, как «террористическая революция». Но именно эта заикленность на силовых акциях и не была принята народовольцами, которые понимали несовместимость массовой революционной партии и террористической тактики, и не хотели себя ограничивать рамками «бланкизма».

Основными объектами террористических покушений (15 акций) народников с 1866 по 1884 гг. стали провокаторы и предатели, в результате чего были убиты 12 человек. Восемь покушений состоялось на императора Александра II, 7 покушений на жандармских офицеров разного уровня, 5 — на градоначальников и генерал-губернаторов, 2 покушения на прокуроров, кроме того, было совершено 6 экспроприаций. Случайные жертвы насчитывают почти 100 человек убитых и раненых, большая часть которых (77 человек) жертвы взрыва Зимнего дворца 5 февраля 1880 г. Данные цифры дают основание считать общей направленностью народнического террора самозащиту и цареубийство. Вполне вероятно, что со временем могут проявиться не включенные в это число местные акции и покушения народовольцев. Однако на общие тенденции анализа это существенно не повлияет.

Первоначально основным оружием террористов являлось исключительно холодное и огнестрельное оружие, а покушение осуществлялось с близкого расстояния при контакте с жертвой. В дальнейшем стали активно использовать изготовленные в лабораторных условиях взрывные устройства, с помощью которых пытались взрывать инженерные сооружения (железные и городские дороги, здания) в которых находился император. Успешной оказалась акция, при которой самодельная бомба была приведена в действие террористом-смертником в непосредственной близости от императора.

Общее число террористов не стоит ограничивать только исполнителями, которых было не более трех-четырех десятков. Террористическая деятельность имеет сложный механизм и организацию, в которой кроме исполнительной части, имеются оперативно-разведывательные, кадровые, материально-хозяйственные и прочие структуры, совсем не обязательно обслуживаемые одними и теми же людьми. И хотя универсальная функциональность народовольцев была очень высокой, общее число народнических боевиков было на порядок выше количества исполнителей терактов.

Поражение народников не дискредитировало этот способ борьбы в глазах революционного движения. Несмотря на критику, как со стороны культурной общественности, так и марксистских сподвижников, терроризм на почве российских социально-политических и экономических условий продолжил свое развитие и в теоретическом, и в практическом плане. Народнические идеи цареубийства пытались повторно реализовать в 1887 г. «вторые первоапрельцы»,

в 1888–1889 гг. С. М. Гинсбург и польские социалисты, в 1895 г. группа И. Распутина. Терроризм активно проявился в армянском национально-освободительном движении, которое с 80-х годов XIX в. будет использовать в борьбе с Османской Турцией, как формы индивидуального терроризма, так и партизанско-диверсионную борьбу, а с начала XX в. это движение затронет и российское государство.

Революционный терроризм начала XX века во многом продукт переосмысления народовольческой борьбы. Опыт этой борьбы будет использован в организации структур и управления террористических групп периода Первой российской революции, в решении материально-технических вопросов этих подразделений, подготовке и обучении террористов. Тактико-стратегические идеи народовольцев вновь и опять же неудачно, попытаются реализовать революционные партии в начале XX века.

То, что российский терроризм был обусловлен целым комплексом факторов, подтверждает и последовавший через 20 лет новый, еще более кровавый, террористический всплеск Первой российской революции. В числе наиболее важных причин появления российского революционного терроризма известный исследователь этой темы О. В. Будницкий выделил следующие: во-первых, персонификация российской власти, ведущая к искушению одной силовой акцией разрешить политическую проблему; во-вторых, незавершенность российских реформ, их половинчатость, оставлявшая большое количество социально-экономических и политических противоречий, на базе чего формировался высокого уровня социальный экстремизм; в-третьих, патриархальная пассивность большей части населения, не имеющего традиций и опыта политической деятельности и оставляющего политическую оппозицию один на один с царской властью; в-четвертых, противоречивая стратегия и тактика действий власти в отношении террористических актов и угроз, метания от репрессий к «либерализму», что частью революционного актива воспринималось как «эффективность и рациональность террористической тактики»³⁸.

К этим факторам необходимо добавить и пятый, – предельно ограниченный выбор конвенциональных форм политического участия российских подданных, вследствие чего большая часть россиян не имела политических прав, а другая часть могла использовать лишь одобренные формы участия, в ином случае рискуя попасть под критическую реакцию самодержца.

Потрясения народовольческого террора оказались настолько глубоки для светских слоев, что даже в несчастных происшествиях многим мерещились злонамеренные происки – устойчивые домыслы ходили вокруг крушения царского поезда 10 октября 1888 г. у станции Борки³⁹, а скоротечная болезнь и смерть императора Александра III вызвали сомнения в ее естественности.

Народнический терроризм был ярко выраженным политическим явлением, не имеющим сколько-нибудь крупной социальной поддержки. Политическая слабость народничества, проявившаяся в недостаточных организационных и кадровых ресурсах, не позволила продуктивно воспользоваться дезорганизаторскими успехами террористов в борьбе с властью. Попытки использовать терроризм для пропаганды политической активности масс столкнулись с патриархальным отторжением крестьянства и политической слабостью пролетариата, а националистическое движение поляков на совместные действия с русскими революционерами, по многим причинам, было не готово. В целом, социально-политическая база террористической деятельности народников имела ограниченные возможности. Однако предпосылки этой деятельности были не устранены – системный государственный кризис еще более углубился, революционные идеи оказались жизнеспособны, а террористический опыт преемствен, что проявится уже в более масштабной деятельности неонародников начала XX века.

¹ Малиновский И. А. Кровавая месть и смертные казни. Вып. 1. Томск, 1908. С. 168.

² Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публицистика. М., 1997. С. 71–73.

³ Россия под надзором. Отчеты III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии и Корпуса жандармов // Свободная мысль-XXI. 2003. № 1. С. 119.

⁴ Там же. № 2. С. 121–122.

⁵ Там же. № 3. С. 120.

⁶ Календарь русской революции издательства «Шиповник». 2-е изд. Петроград, [1917]. С. 118, 231.

⁷ Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 73.

⁸ Революционный радикализм... С. 47–48; Головков Г. З. Бунт по-русски: палачи и жертвы. М., 2005. С. 443.

⁹ Гетманский А. Э. Политика России в польском вопросе (60-е годы XIX в.) // Вопросы истории. 2004. № 5. С. 39.

¹⁰ Революционная Россия и революционная Польша (вторая половина XIX века). М., 1967; Снытко Т. Г. Русское народничество и польское общественное

движение. 1865–1881 гг. М., 1969; Общественное движение на польских землях. Основные идейные течения и политические партии в 1864–1914 гг. М., 1988.

¹¹ О похожих пожарах в Костроме в 1847 г. указывается в отчете III Отделения, причем как отмечается: «... Между встревоженными жителями возникла молва, что поджоги происходят от поляков». См.: Россия под надзором. С. 118.

¹² Спор между «разоблачителями» и «апологетами» народнического терроризма нашел свое выражение в полемике между историками Н. А. Троицким и Г. С. Канном, представленной в разделе «Рецензии и полемика» на сайте «Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 года» ([http://www. socialist.memo.ru](http://www.socialist.memo.ru)).

¹³ Овченко Ю. Ф. Московская охранка на рубеже веков. 1880–1904 гг. Монография. М., 2010. С. 91.

¹⁴ Морозов К. Н., Морозова А. Ю. Границы и трактовки предательства в российской революционной субкультуре // Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 года ([http://www. socialist.memo.ru/firstpub/y04/morosov4.htm](http://www.socialist.memo.ru/firstpub/y04/morosov4.htm)).

¹⁵ Дебагорий-Мокриевич В. К. Воспоминания. СПб., 1906. С. 268–269.

¹⁶ Снытко Т. Г. Русское народничество... С. 69.

¹⁷ Козлинина Е. И. За полвека. 1862–1912 гг. Воспоминания, очерки и характеристики. М., 1913. С. 479.

¹⁸ Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917. М., 1997. С. 123.

¹⁹ Карелин А. Анархисты в народническом движении 70-х годов // Очерки истории анархического движения в России: Сб. ст. М., 1926. С. 203.

²⁰ Процесс социалистов Валериана Осинского, Софии Лешерн-фон-Герцфельд и Варфоломия Волошенко. [Женева], 1879.

²¹ Лион С. Е. От пропаганды к террору. Вып. 1. М., 1925. С. 40–42.

²² Твардовская В. А. Н. А. Морозов в русском освободительном движении. М., 1983. С. 79.

²³ Фроленко М. Ф. Попытка освобождения Войнаральского // Собр. соч.: в 2 т. М., 1939. Т. 1. С. 276–287.

²⁴ Календарь русской революции... С. 33–34.

²⁵ Кравчинский С. Смерть за смерть (Убийство Мезенцева). С приложением стихотворения А. А. Ольхина «У гроба» (посвящается поразившему Мезенцова) и со вступ. статьей В. Петровского. Пг., 1920.

²⁶ Революционное народничество семидесятых годов XIX века. М.; Л., 1965. Т. 2. С. 66–70.

²⁷ Прокламация «Покушение на жизнь Дрентельна» (Земля и воля. 13.03. 1879 г. Автор Н. А. Морозов) // Революционный радикализм... С. 412–413.

²⁸ Ивановская П. С. М. И. Кутитонская // Каторга и ссылка. 1927. № 6 (35). С. 177–192.

²⁹ Снытко Т. Г. Русское народничество... С. 163; Итенберг Б. С., Твардовская В. А. Граф М. Т. Лорис-Меликов и его современники. М., 2004. С. 111–112.

³⁰ Переписка о покушении на главного начальника охраны его императорского величества генерал-майора П. А. Черевина. 1881 г. – РГИА (СПб.). Ф. 1328. Оп. 2. Д. 81.

³¹ Дело о возбуждении следствия о покушении А. К. Соловьева на Александра II. 03.04.1879–08.03.1880 гг. – РГИА (СПб.). Ф. 1282. Оп. 1. Д. 492. Л. 113; Кункль А. А. Покушение Соловьева. М., 1929.

³² Гвоздев М. Г. «Красный террор» против Санкт-Петербургского временно-го военного генерал-губернатора И. В. Гурко // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2009. № 1. С. 125–126.

³³ Пелевин Ю. А. Александр Дмитриевич Михайлов // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 59.

³⁴ Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи за время, с 1 января по 1 мая 1882 г., по делам о государственных преступлениях. [Б. м. и г.] С. 16, 51; Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи за время, с 1 мая по 1 сентября 1882 г., по делам о государственных преступлениях. [Б. м. и г.] С. 44, 54, 60.

³⁵ Смирнов В. Н. Политический терроризм в Харьковской губернии (вторая половина XIX столетия). Харьков, 2007; Стариков Н. В. От декабристов до моджахедов. СПб., 2008.

³⁶ Литвинов Н. Д., Суровцев И. С. Объект покушения – царь всея Руси. Воронеж, 2006; Литвинова А. Н., Литвинов Н. Д. Первая кровь России. Зарождение революционно-террористического движения в Российской империи. 1861–1879 гг. Воронеж, 2006.

³⁷ Чего стоят «предположения», что А. К. Соловьев «страдал импотенцией либо какой-то неизлечимой в то время венерической болезнью» и за него «роль супруга в первую брачную ночь исполнял А. Михайлов». Или утверждение об использовании в вербовке террористов «сексуального фактора» и «сексуальных игр». См.: Литвинов Н. Д., Суровцев И. С. Указ. соч. С. 76, 165, 220.

³⁸ История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону, 1996. С. 5–22; Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX века). М., 2000. С. 30–44.

³⁹ Богданович А. Три последних самодержца. М., 1990. С. 91–92, 109, 113, 151; Изнар Н. Н. Записки инженера. Воспоминания // Вопросы истории. 2004. № 5. С. 80–82; Таубе М. А. «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917). М., 2007. С. 26–29. Терактом эту катастрофу считали Н. В. Муравьев (министр юстиции в 1894–1905 гг.), В. А. Сухомлинов (военный министр 1909–1915 гг.), вел. кн. Александр Михайлович. Стоит сказать, что железнодорожная трагедия под Борками была не исключительной и не самой трагичной. Так, 29–30 июня 1882 г. в результате крушения почтового поезда близ д. Кукуевка (ныне Тульская обл.) недалеко от ст. Бастыево Московско-Курской дороги погибло 42 человека и 35 было ранено («кукуевская катастрофа»).

Исторические взгляды идеологов русского анархизма как исследовательская проблема

Исторические взгляды М. А. Бакунина, П. А. Кропоткина и их последователей в первой трети XX в. являются важной составляющей идейно-теоретического наследия русского анархизма. Считая исторические знания мощным идеологическим оружием в войне против самодержавной власти, они заложили методологическую основу своеобразной анархической исторической концепции. Ее обстоятельный анализ может способствовать более глубокому пониманию не только оценок русскими анархистами важнейших событий российской и всеобщей истории, но и причин устойчивости анархической традиции в современной России.

Взгляды идеологов российского анархизма давно привлекали к себе внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Но в основном изучались их политические, философские и юридические концепции. Собственно исторические воззрения наших выдающихся теоретиков антиэтатизма исследованы крайне фрагментарно. Как заметил современный исследователь Е. В. Старостин, «статьи и книги Кропоткина, в которых он, так или иначе, затрагивал историю России, особенности ее исторического пути, историю революционного движения и т.п., не стали предметом внимательного изучения»¹. То же самое можно сказать и о других русских анархистах.

В данной статье мы попытаемся разобраться с причинами недостаточной изученности исторических концепций российских анархистов и определить основные исследовательские задачи, которые нуждаются в разрешении.

Отечественную историографию по изучению исторических взглядов идеологов антиэтатизма целесообразно разделить на три периода: дореволюционный, советский и современный.

Для дореволюционного периода характерны: многополярность исследовательских концепций, мировоззренческий плюрализм, наличие разных идейных ориентаций. С другой стороны, общественно-политические и исторические взгляды идеологов анархизма

анализировались заведомо тенденциозно, так как подчинялись задачам идеологической борьбы.

Марксистский подход был обоснован в работах К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова и В. И. Ленина. Из русских марксистов наиболее взвешенная критика анархизма (например, отрицание позитивной роли пролетариата в буржуазных революции и парламентаризме) дана в произведениях Ленина².

Либеральный подход представлен работами Н. И. Кареева, А. М. Васютинского и Е. В. Тарле. Эти ученые впервые обратили внимание на исторические взгляды Петра Кропоткина, проанализировав его фундаментальный труд «Великая Французская революция 1789–1793 гг.». Были подвергнуты справедливой критике воззрения автора на деятельность Робеспьера, указано на необходимость четкого классового деления на горожан, крестьян и буржуазию³.

Сами русские народники, включая анархистов, об исторических воззрениях Бакунина и Кропоткина писали мало, больше интересуясь их революционной деятельностью⁴.

В целом, дореволюционные исследователи проделали большую работу по изучению идейного наследия идеологов анархизма. Были собраны основные факты из биографий Бакунина и Кропоткина, проанализированы их политические взгляды, теории революции и т.д. Однако вне поля зрения оказалось множество вопросов, связанных с рациональными положениями их исторического мировоззрения. Практически не было попыток рассмотреть философию истории идеологов анархизма, а также вопросы, связанные с интерпретацией истории нашей страны теоретиками неонархизма первой трети XX в.

С 1917 года начинается советский период изучения истории русского анархизма. Основным критерием для определения степени научности исследования на долгие годы становятся труды классиков марксизма-ленинизма. Но это вовсе не означало, что наследие отечественных анархистов было предано забвению.

В 20-е годы сохранялся, хотя и в урезанной форме, политический и идейный плюрализм. Именно тогда на волне общественного интереса ко всему революционному идет интенсивная публикация произведений Бакунина⁵. Появляются его подробные биографии, написанные Ю. Стекловым, А. Корниловым и В. Полонским, правда в основном апологетического характера⁶.

Больше стали писать и о Кропоткине⁷. Например, А. А. Боровой, анализируя философию истории Кропоткина, справедливо критиковал Петра Алексеевича за идеализированное восприятие Средневековья, за его романтическое представление догосударственных форм общественной организации, за его предвзятые взгляды на историческую роль государства в общественном развитии⁸.

Значительный интерес для анализа взглядов Бакунина и Кропоткина имеют коллективные сборники по истории анархистского движения и антиэтатистской идеологии 1920-х гг., подготовленные русскими неоанархистами⁹.

Марксистский подход получил отражение в трудах таких авторов как Н. М. Лукин, С. Д. Куниский, В. П. Позняков, Я. М. Захер¹⁰. Вклад Кропоткина в развитие отечественной исторической науки они оценивали довольно пристрастно. Лишь Лукин, анализируя взгляды Кропоткина на Французскую революцию, со знанием дела доказывал, что отсутствие анализа экономического состояния дореволюционной Франции в его монографии является серьезным упущением.

В целом можно констатировать что, в 20-е гг. XX века началось систематическое и планомерное изучение истории русского анархизма. Однако исторический аспект идеологии антиэтатизма был затронут крайне слабо. Практически ничего не было сделано по освещению исторических взглядов Бакунина. Изучались лишь взгляды Кропоткина и то в основном в разделе всеобщей истории.

В 30–50-е годы интерес к анархистской тематике переживает спад, обусловленный политикой власти. Это касается и числа публикаций, и качества научного анализа. Только В. П. Бузескул в своем обобщающем историографическом труде поставил труд Кропоткина по истории Французской революции в один ряд с крупными монографиями выдающихся знатоков всеобщей истории¹¹. Однако типичным выразителем марксистского отношения к анархистам стал горьковский педагог В. Г. Кустов. Он дал тенденциозную оценку упомянутой работе Кропоткина, обвинив его в извращении истории Французской революции. Причем это извращение было «на руку идеологам буржуазии»¹².

Исследования анархистской доктрины заметно активизировались лишь после XX съезда КПСС, когда стало возможным не только критиковать, но и объективно анализировать. Суть «объективистского» подхода сводилась к попыткам ученых изучать идеи теоретиков

русского анархизма без сознательного их искажения или упрощения, но оставаясь в рамках марксистско-ленинской идеологии.

Среди исследователей анархизма в 60-80-е гг. в первую очередь следует назвать Н. М. Пирумову. Ее монографическая трилогия о Бакунине заложила прочный фундамент в деле беспристрастного изучения наследия родоначальника русского анархизма¹³. Такой же высокой оценки достойна и написанная Пирумовой биография Кропоткина, которая стала надежным ориентиром для последующих поколений исследователей¹⁴.

Крупный вклад в осмысление философии русского анархизма внесли А. Д. Косичев, В. А. Малинин и П. И. Моисеев¹⁵. Впервые была предпринята попытка исследовать истоки анархистских воззрений Бакунина и Кропоткина, причины их аполитизма и федерализма. Что касается исторических воззрений анархистов, то здесь больше повезло Кропоткину. Его понимание истории Великой французской революции продолжали изучать Е. В. Старостин, А. В. Гордон и В. М. Далин¹⁶. Е. А. Ибрагимова подняла вопрос о влиянии Кропоткина на творчество известного историка Н. И. Кареева¹⁷. В. Н. Данилов исследовал роль народа в историческом процессе в интерпретации Кропоткина¹⁸.

Но, несмотря на увеличение количества публикаций об идеологах российского анархизма, остался значительный пласт проблем, незатронутых авторами. Прежде всего, это понимание Бакуниным и Кропоткиным причин и движущих сил исторических событий, направленности исторического процесса, происхождения и эволюции государства, а также интерпретация ими основных этапов истории России.

С 1991 г. берет свое начало современная историография темы. Распад Советского союза коренным образом отразился и на процессе изучения общественно-политических взглядов Бакунина, Кропоткина и теоретиков анархизма первой трети XX века. Ликвидация идеологической цензуры, кризис марксистско-ленинской методологии истории способствовали появлению новых исследовательских парадигм и в рассматриваемой области. Доминирующим подходом стал либеральный, акцентирующий свое внимание на борьбу с большевизмом. Возродился и анархический подход, сторонники которого выступали за возвращение идеологов антиэтатизма в число выдающихся мыслителей XIX–XX веков.

Знаковым явлением для 90-х гг. стало создание в Институте экономики РАН Комиссии по изучению творческого наследия Кропоткина¹⁹, а также проведение международных научных конференций, приуроченных к 150 и 160-летию со дня рождения этого выдающегося мыслителя²⁰.

В области изучения исторического наследия Кропоткина следует отметить работу А. В. Гордона. Автор рассмотрел ряд категорий философии истории идеолога анархизма, и пришел к выводу, что у Кропоткина «нравственность соединяет цель и способ существования идеального общества, поскольку законы замещаются обычаями, наказание – воспитанием, администрирование – привычками»²¹. Заслуживает внимание и статья С. А. Гомаюнова, посвященная рассмотрению общеисторических взглядов Кропоткина. Основное внимание исследователя привлекла тема соотношения взглядов Кропоткина и российской научной мысли конца XIX – начала XX века²².

Изучение проблематики всеобщей истории в понимании Кропоткина продолжил А. В. Гордон. Он провел анализ взглядов Кропоткина на Великую французскую революцию. Автор приходит к выводу, что в современных условиях «приобретает особую актуальность этическая устремленность сочинений Кропоткина, и в этом контексте может быть востребована его рецепция Великой французской революции»²³.

Новую тему в исторических взглядах Кропоткина на всеобщую историю открыл А. Г. Иванов. Он первым охарактеризовал взгляды идеолога анархизма на историю Канады. Определяя роль исторического опыта Канады в идейной эволюции Кропоткина, автор приходит к выводу о соразмерном влиянии на него, как истории Франции, так и истории Канады. Однако, «если исторический опыт Франции давал ему революционные модели, то история Канады исключительно эволюционные, реформистские»²⁴.

В XXI веке идеология русского радикального анархизма продолжает привлекать внимание исследователей. С 2001 г. ежегодно проходят международные «Прямухинские чтения», посвященные Бакунину. В 2002 г. прошла международная конференция «Петр Алексеевич Кропоткин и проблемы моделирования историко-культурного развития цивилизации», собравшая ведущих отечественных и зарубежных кропоткиноведов²⁵. В 2007 г. увидел свет библиографический словарь-справочник, содержащий выходные данные более чем 8 тыс. работ по анархизму в России. Подготовленная

известными анарховедами В. Д. Ермаковым и П. И. Талеровым библиографическая работа стала ценным подспорьем в деятельности историков²⁶.

Наиболее близким к теме «исторические взгляды идеологов русского анархизма во второй половине XIX – первой трети XX веков» стал доклад Е. В. Старостина, прочитанный им в 2002 г. в Санкт-Петербурге. Автор наметил основные ориентиры изучения исторических взглядов Кропоткина по истории России. Ученый подчеркивает, что «его (П. А. Кропоткина. – О. С.) оригинальная концепция развития общества, базирующаяся на цикличности цивилизаций, должна стать достоянием отечественной исторической науки»²⁷.

Идейное наследие теоретиков анархизма первой трети XX века получило лишь частичное освещение в работах авторов. В частности, в кандидатской диссертации В. В. Кривенького, посвященной деятельности анархистов в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. дается краткая характеристика направлений русского анархизма²⁸. Заслуживает внимание исследовательская работа А. Л. Никитина об анархистах 20-х гг. XX столетия²⁹, а также монография С. Ф. Ударцева о политической и правовой теории анархизма (ее четвертая глава содержит анализ политической теории постклассического анархизма)³⁰.

В последнее время появились исследования, посвященные историческим взглядам теоретиков анархизма первой трети XX века. Так, Г. В. Новоселов подверг анализу исторические воззрения теоретика анархо-индивидуализма А. А. Борового, сравнив их с взглядами Бакунина и Кропоткина³¹. В дальнейшем Новоселов предпринял попытку охарактеризовать в целом исторические воззрения теоретиков анархизма начала XX века³².

В традиции анархического подхода, наиболее близко к интересующей нас теме, работает философ и участник современного анархического движения П. В. Рябов. Исследователь сумел открыть новые сюжеты, посвященные анализу исторических взглядов идеологов анархизма. В частности, его привлекла тема, связанная с философией истории Бакунина³³ и Кропоткина. Выделив пять структурных элементов мировоззрения Кропоткина, автор пришел к выводу, что, несмотря на достоинства его философии истории, «историософия Кропоткина столь же противоречива, как и все его учение»³⁴.

Таким образом, в начале XXI века продолжился анализ исторических взглядов теоретиков анархизма. Впервые стали предметом

изучения историософские взгляды Бакунина и Кропоткина. Проявился интерес исследователей и к историческим взглядам теоретиков неоанархизма первой трети XX века. Однако, в целом, тема исторических взглядов идеологов русского анархизма во второй половине XIX – первой трети XX веков в указанный период не была раскрыта и требует систематического изучения.

Анархистское наследие Бакунина, Кропоткина, теоретиков анархизма первой трети XX века изучали и зарубежные исследователи, среди которых доминировали анархистский и либерально-демократический подходы³⁵. Их оценки, как и у русских авторов, колеблются в широком диапазоне – от апологии до негативного отношения. Однако мы вынуждены констатировать, что зарубежные ученые, исследуя анархистскую теорию, совсем не обращались к анализу их исторических взглядов. Основная исследовательская деятельность разворачивалась вокруг их политической теории, а также вокруг биографического описания жизненного пути известных революционеров.

Итак, за последние сто лет отечественными и зарубежными авторами проделана большая работа по изучению анархистского наследия идеологов русского анархизма второй половины XIX – первой трети XX веков. Ученые проанализировали некоторую часть вопросов теории революции и футурологической концепции идеологов антиэтатизма, предприняли попытку разобрать философию истории Кропоткина. Однако вклад Бакунина и Кропоткина в арсенал мировой исторической мысли явно недооценен, т.к. их историософия, по признанию ряда исследователей, таит в себе массу позитивных тезисов, до конца не осмысленных исторической наукой. Вопросы же связанные с интерпретацией идеологами антиэтатизма истории России в лучшем случае были только обозначены, но не решены. Поэтому у нас есть все основания констатировать: проблема специфики исторических взглядов русских анархистов еще не становилась предметом специального теоретического и конкретно-исторического анализа, хотя отдельные аспекты этой проблемы затрагивались в работах отечественных и зарубежных специалистов.

Потребность в реконструкции исторических взглядов идеологов русского анархизма ставит перед исследователями целый комплекс взаимосвязанных проблем. Среди них:

- выявление источников их мировоззрения;
- анализ теоретико-методологических принципов исторической гносеологии;

– оценка теории прогресса и представлений о движущих силах исторического процесса;

– систематизация и оценка взглядов идеологов русского анархизма по проблемам всеобщей и отечественной истории.

¹ *Старостин Е. В.* П. А. Кропоткин – историк России // Петр Алексеевич Кропоткин и проблемы моделирования историко-культурного развития цивилизации: материалы международной научной конференции. СПб., 2005. С. 10.

² См.: *Ленин В. И.* О национальной гордости Великороссов // *Ленин В. И.* Избр. произведения: в 3-х т. Т. 1. М., 1980; *Он же.* Две тактики социал-демократии в демократической революции // Там же.

³ *Кареев Н. И.* Новая книга по истории Французской революции // Голос минувшего. 1913. № 1; *Васютинский А. М.* Кропоткин как историк Французской революции // Голос минувшего. 1913. № 1; *Тарле Е. В.* Рабочий класс Франции в эпоху революции. СПб., 1911.

⁴ См.: *Драгоманов М. М.* А. Бакунин о правде в революции // Вольное слово. Женева, 1882. № 26; *Шенрок В.* Михаил Александрович Бакунин: Биографический очерк // Рус. старина. 1896. Т. 88. № 12; *Иванчин-Писарев А. И.* Побег князя П. А. Кропоткина // Былое. 1907. № 1/13; *Сватиков С. Г.* Студенческое движение 1869 года: (Бакунин и Нечаев) // Наша старина. 1907. № 1.

⁵ Анархистское издательство «Голос Труда» в тяжелых условиях Гражданской войны смогло опубликовать собрание сочинений Бакунина. См.: *Бакунин М. А.* Избр. соч.: в 5 т. Пг.; М., 1919–1921.

⁶ *Стеклов Ю.* Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность (1814–1876): в 3 ч. М.; Л., 1920–1927; *Корнилов А. А.* Годы странствий Михаила Бакунина. Л.; М., 1925; *Полонский В. П.* М. А. Бакунин в эпоху 40-х – 60-х годов. М., 1921.

⁷ См.: *Боровой А. А.* Анархизм. М., 1918; *Гроссман-Рощин И.* Октябрьская революция и тактика анархо-синдикалистов // Голос Труда. 1919. № 1; *Гордин А. Л.* От юридического анархизма к фактическому. М., 1920.

⁸ См.: *Боровой А. А.* Указ. соч.

⁹ Петр Кропоткин. Сб. ст., посвященный памяти П. А. Кропоткина. Пг.; М., 1922; Михаилу Бакунину. 1876–1926. Очерки истории анархического движения в России. М., 1926; Михаил Бакунин. 1876–1926. Неизданные материалы и статьи. М., 1926.

¹⁰ См.: *Лукин Н. М.* П. А. Кропоткин. Великая Французская революция 1789–1793 // Научные известия Академического центра Наркомпроса. Т. 1. М., 1922; *Куниский С. Д., Позняков В. П.* Общинные земли в эпоху Великой Французской революции. М., 1927; *Захер Я. М.* Бешеные. Л., 1930.

¹¹ *Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Л., 1931.

¹² *Кустов В. Г.* Кропоткин как историк Французской революции конца XVIII века // Труды Горьковского гос. пед. ин-та. 1939. № 3. С. 185.

¹³ *Пирумова Н. М.* Михаил Бакунин: Жизнь и деятельность. М., 1966; *Она же.* Бакунин. М., 1970; *Она же.* Социальная доктрина М. А. Бакунина. М., 1990.

-
- ¹⁴ *Пирумова Н. М.* Петр Алексеевич Кропоткин. М., 1972.
- ¹⁵ См.: *Косичев А. Д.* Анархисты // История философии в СССР. Т. 4. М., 1971; *Малинин В. А.* Философия революционного народничества. М., 1972; *Моисеев П. И.* Критика философии М. Бакунина и современность. Иркутск, 1981.
- ¹⁶ См.: *Старостин Е. В.* К истории изучения П. А. Кропоткиным Великой Французской революции конца XVIII века // Французский ежегодник за 1967 год. М., 1968; *Гордон А. В.* Кропоткин читает Жореса // Великая Французская революция и Россия. М., 1989; *Далин В. М.* Кропоткин – историк Великой Французской революции // Историки Франции XIX–XX веков. М., 1981.
- ¹⁷ *Ибрагимова Е. А.* Н. И. Кареев и П. А. Кропоткин: (К вопросу об одном из идейных источников творчества Н. И. Кареева) // Вопросы всеобщей истории и историографии. Томск, 1983.
- ¹⁸ *Данилов В. Н.* П. А. Кропоткин о роли народных масс в историческом процессе // Тезисы научно-технической конференции профессорско-преподавательского состава Всесоюзного заочного электротехнического ин-та связи. М., 1967. Вып. 2.
- ¹⁹ Председателем комиссии был избран академик Л. И. Абалкин, заместителем председателя – доктор исторических наук Е. В. Старостин.
- ²⁰ Труды международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П. А. Кропоткина. Вып. 1. М., 1995; Вып. 2. М., 1997; Вып. 3. М., 2001; Вып. 4. М., 2002.
- ²¹ *Гордон А. В.* Кропоткин – теоретик // Труды комиссии по научному наследию П. А. Кропоткина. Вып. 1. С. 33.
- ²² См.: *Гомаюнов С. А.* Философско-исторические взгляды П. А. Кропоткина в контексте отечественной мысли конца XIX – начала XX в.: несостоявшийся диалог // Труды международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П. А. Кропоткина. Вып. 1. С. 56–72.
- ²³ *Гордон А. В.* Кропоткин в российской рецепции Великой французской революции // Там же. С. 89–90.
- ²⁴ *Иванов А. Г.* Исторический опыт Канады глазами П. А. Кропоткина: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2005. С. 23.
- ²⁵ Петр Алексеевич Кропоткин и проблемы моделирования историко-культурного развития цивилизации. СПб., 2005.
- ²⁶ См.: Анархизм в истории России: от истоков к современности: библиографический словарь-справочник. СПб., 2007. 724 с.
- ²⁷ *Старостин Е. В.* П. А. Кропоткин – историк России. С. 20.
- ²⁸ *Кривенький В. В.* Анархисты в революции 1905–1907 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990.
- ²⁹ *Никитин А. Л.* Заключительный этап развития анархистской мысли в России // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 89–101.
- ³⁰ *Ударцев С. Ф.* Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. М., 1994. С. 3.
- ³¹ *Новоселов Г. В.* Исторические воззрения М. А. Бакунина, П. А. Кропоткина и А. А. Борового // Общественная самоорганизация в мировой истории: сб. науч. ст. Омск, 2006. С. 88–103.

³² Новоселов Г. В. Анархическая историческая мысль первой четверти XX столетия // Омский научный вестник. Сер. Общество. Ист. Современность. № 6 (74). 2008. С. 13–17.

³³ См.: Рябов П. В. Историософия Михаила Бакунина // Прямухинские чтения 2001–2003 годов. Тверь, 2004. С. 50–63; *Он же*. Философия истории Михаила Бакунина // Михаил Александрович Бакунин: Личность и творчество: (К 190-летию со дня рождения). Вып. III. М., 2005. С. 73–88.

³⁴ Рябов П. В. Философия истории П. А. Кропоткина // Петр Алексеевич Кропоткин и проблемы моделирования историко-культурного развития цивилизации. С. 156.

³⁵ См.: Nettleau M. Bibliographie de l'anarchie. Bruxelles-Paris, 1897; Miller M. A. Kropotkin. Chicago-London, 1976; Фейерабенд Пол. Избр. труды по методологии науки. М., 1986; Эврич Пол. Русские анархисты. 1905–1917. М., 2006.

**От осведомителя до провокатора один шаг:
из истории борьбы жандармов и революционеров
на рубеже 1870-1880-х гг.**

Рубеж 1870–1880-х гг. стал вехой в истории российского революционного движения. Революционеры-народники достигают пика успехов в своей террористической деятельности, однако после убийства императора Александра II они были разгромлены и обречены на гибель. Борьба жандармов и революционеров проходила в этот отрезок времени с переменным успехом, претерпевая по своей форме существенные изменения. Весомое значение для достижения успехов той или иной стороной имела провокация. Сомнительный по своим нравственным качествам метод, но, одновременно, весьма продуктивный. На этом поприще выделились такие хрестоматийные деятели русского освободительного движения и политического сыска XIX века, как Судейкин и Дегаев, Клеточников и Михайлов. В этих парах роль организаторов и вдохновителей хитроумных комбинаций играли Судейкин и Михайлов, а исполнителей – Дегаев и Клеточников.

О Судейкине, этом «Мефистофеле политического розыска и провокации», не отзывался, пожалуй, что только ленивый. Дать ему свою оценку пытались представители самых разных идеологических взглядов и разделенные между собой немалым временным промежутком. «Знаменитый Судейкин – он так хорошо известен, <...> – это утонченный инквизитор, Иуда, преобладающий тип в Петербурге и высшие сановники подчас не стесняются брать его себе в образец»¹, – так вспоминает о Судейкине убийца шефа жандармов Н. В. Мезенцева революционер-народник С. М. Степняк-Кравчинский. Свои воспоминания он написал в 1885 г., будучи в эмиграции в Лондоне. Слово одному из лидеров народовольцев, перешедшему позднее на монархические позиции, Льву Тихомирову: «Это не был какой-нибудь убежденный фанатик реакционной идеи, с ожесточением преследующий ее врагов. В Судейкине, напротив, вовсе не замечалось никакого ожесточения против революционеров. Он был просто глубокий эгоист, не стесняемый в своих стремлениях к карьере ни убеждениями, ни какими бы то ни было соображениями

гуманности»². Историк Феликс Лурье восклицал: «...такого образованного сыщика российская тайная полиция еще не видывала. <...> Он первый в России после Бенкендорфа и Дубельта начал внедрять новшества в политический сыск»³. Знаток деятельности Департамента полиции (1880–1917 гг.) и ветеран Госархива РФ доктор исторических наук З. И. Перегудова, рассуждая об истоках нечестивых замыслов Судейкина, отзываясь о нем следующим образом: «...в душе этого человека жила бешеная жажда карьеры. Ему казалось оскорбительным, что плодами его талантов пользуются высокие сановники, а он остается всего лишь жандармским подполковником»⁴.

На рубеже 70–80-х гг. XIX в. Георгий Порфирьевич Судейкин сделал головокружительную карьеру. Он родился 11 апреля 1850 г. в Смоленской губернии. Происходил из обедневшей дворянской семьи. Из армии Судейкин в 1874 г. подает прошение о переводе в Отдельный корпус жандармов. В 1877-м прошение удовлетворяется, и он направляется в Киев, где в 1879 г. отличается при разгроме народнических кружков⁵, а в марте 1881 г. Судейкин был представлен и рекомендован новому императору Александру III киевским военным прокурором В. С. Стрельниковым⁶, знавшим Судейкина лично по его службе в Киевском губернском жандармском управлении. Спустя полтора года, 3 декабря 1882 г., в своей гатчинской резиденции император утвердил положение «Об устройстве секретной полиции в Империи», предусматривавшее создание охранных отделений в крупных городах России⁷. Предполагалось, что учреждаемая секретная полиция продолжит опыт созданных ранее Петербургского (1866 г.) и Московского (1880 г.) охранных отделений.

На должность инспектора, т.е. руководителя секретной полиции, назначается Г. П. Судейкин. По мнению Ф. М. Лурье, изучавшего карьеру последнего, должность инспектора столичной секретной полиции была создана специально для Судейкина, отличившегося в борьбе с представителями «Народной воли» и выдвинувшегося по протекции В. С. Стрельникова⁸, застреленного, кстати, спустя год после протекции – 18 марта 1882 г. – в Одессе за издевательства над арестованными народолюбцами.

В начале 1883 г. для инспектора секретной полиции была разработана инструкция, утвержденная 29 января 1883 г. товарищем министра внутренних дел П. В. Оржевским⁹. Анализируя ее, констатируешь, что полномочия Судейкина были безграничны, а власть абсолютна. В его подчинение попадали ключевые органы политического

сыска империи: столичные (Петербургское и Московское) охранные отделения, губернские (Московское, Харьковское, Киевское и Херсонское), а также городские (Одесское) жандармские управления. Начальники этих подразделений обязаны были посвящать инспектора секретной полиции во все детали и нюансы политического сыска на местах, информируя его как о ходе розыска, так и об организации и личном составе находящейся в их заведовании агентуры. Судейкин, будучи в должности инспектора секретной полиции, имел право заведовать агентурой, влиять на ее состав, решать вопросы, связанные с их финансированием, а также оказывать влияние на розыскную деятельность.

Г. П. Судейкин, перебравшийся с берегов Днепра на берега Невы, еще до получения должностной инструкции, подготовил циркуляр с изложением своих взглядов и методики сыска, который предполагал проводить в жизнь. По словам историков российской жандармерии Б. Колоколова и Б. Григорьева, пытавшихся объяснить мотивы действий Георгия Порфирьевича, «Судейкин был человеком дела и бьющей через край служебной инициативы, поэтому он не стал дожидаться, пока <...> П. В. Оржевский подпишет эту инструкцию, а быстро подготовил собственный циркуляр, в котором четко и прямо изложил свои новаторские взгляды...»¹⁰. Документ содержал следующие положения: «1) Возбуждать помощью особых активных агентов ссоры и распри между различными революционными группами; 2) Распространять ложные слухи, удручающие и терроризирующие революционную среду; 3) Передавать через тех же агентов, а иногда помощью приглашений в полицию или кратковременных арестов, обвинения наиболее опасных революционеров в шпионстве; вместе с тем дискредитировать революционные прокламации и разные органы печати, придавая им значение агентурной провокационной работы»¹¹.

По меткому высказыванию З. И. Перегудовой, «это были чисто провокационные методы, которые взял затем на вооружение Рачковский [Петр Иванович, заведующий заграничной агентурой в 1885–1902 гг. – *А. П.*] и которые порой допускал Департамент полиции»¹².

И действительно, Георгий Порфирьевич не скрывал своих взглядов. Как-то на одной из своих лекций в С.-Петербургском охранном отделении он высказался, совершенно определенно: «Полицейский агент должен быть готов выполнять две главные функции. Первая – информационная: проникать на все собрания революционеров,

выявлять их конспиративные квартиры, стремиться быть полностью в курсе деятельности революционных организаций и отдельных революционеров и систематически правдиво информировать обо всем этом охранное отделение. Вторая – активная: проникнув в революционные организации, подстрекать к осуществлению крайних мер, желательно откровенно анархистского порядка, как то: бунт, когда бы разбивались и разграблялись магазины и торговые склады, поджигались дома жителей, открывалась беспорядочная стрельба по представителям полиции, бросались бомбы и т.п.»¹³.

В истории имя Г. П. Судейкина неразрывно связано с С. П. Дегаевым. Вместе они сотворили такое явление как «дегаевщина». В современной историографии под «дегаевщиной» понимается «крупномасштабное предательство с элементами личной провокаторской деятельности Дегаева»¹⁴.

Сергей Петрович Дегаев, родившийся 26 сентября 1857 г. в Москве, происходил из интеллигентной дворянской семьи. «Маленький ростом, широкоплечий, с тонким станом, очень подвижный и нервный, он был склонен к парадоксам и легко загорался. <...> Он причислял себя к людям типа Гарибальди», – описал свое впечатление от знакомства с ним современник¹⁵. Его отец – статский советник, старший врач Московского кадетского корпуса¹⁶ – умер в конце 60-х гг. XIX века. Таким образом, все дети – два брата и три сестры – воспитывались под началом матери. В семье Дегаевых царили либеральные взгляды. По словам известной народоволки А. П. Прибылевой-Корбы, «семья эта не была ни дурна, ни порочна, но чего ей абсолютно недоставало – это твердо установившихся принципов и знания тех границ, на которых останавливается чуткая совесть или гордое самоуважение. <...> Семья Дегаевых была очень романтична. Ей нравилось все необыкновенное и чрезвычайное. И эта любовь к исключительному влияла на поступки всех членов семьи»¹⁷.

К осени 1880 г. С. Дегаев становится полноправным членом «Народной воли», ее военной организации. В промежуток времени, датирующийся с конца 1881 г. по весну 1882-го (точно неизвестно) Дегаев был завербован Судейкиным, начиная исполнять функции полицейского осведомителя. Свою деятельность штатного сотрудника Дегаев («Петр Алексеевич») начал с 10 февраля 1883 г., в день ареста в Харькове последнего члена ИК «Народной воли», находившегося в России – Веры Фигнер, сданной, кстати, им же. В этот день он подал на имя Судейкина прошение о зачислении его на

службу в С.-Петербургское охранное отделение с окладом 300 рублей в месяц.

С Судейкиным Сергея познакомил младший брат Владимир, наивный юноша, мечтавший о революции. Многие из народовольцев считали, что «у Володи более цельный характер, чем у его брата [Сергея], и он самый симпатичный из всех Дегаевых»¹⁸. Летом 1881 г. инспектор предложил 20-летнему Володе Дегаеву, арестованному за распространение революционных прокламаций, стать тайным агентом, и тот согласился, в надежде, что сумеет, не выдавая товарищей, получать сведения о готовящихся обысках и арестах. Ему не давала покоя слава народовольца Николая Клеточникова, который несколько лет состоял в осведомителях и спас от охраны многих революционеров. Однако свой замысел Владимиру осуществить не удалось: перехитрить прекрасного сыщика и психолога, коим был Судейкин, молодому человеку было не под силу. Георгий Порфирьевич предполагал, что юноша будет сообщать ему о настроениях и новых течениях в революционной среде, о готовящихся террористических актах, а главное, через своего молодого агента желал выследить народовольцев, в том числе и членов ИК. Спустя почти год, в мае 1882 года, разочаровавшись в Дегаеве-младшем, коего он считал плохим служащим, инспектор Петербургской охраны дал ему окончательную отставку. Судейкин потребовал, чтобы Владимир, для которого наступал призывной возраст, отправился для отбытия воинской повинности в Саратов, сказав на прощание: «Устройтесь так, чтобы правительство никогда больше не слышало о вас»¹⁹.

Остается загадкой, каким образом новоиспеченный инспектор секретной полиции склонил Сергея Дегаева к сотрудничеству. Если верить воспоминаниям старшей сестры Дегаева Натальи, опубликованным в 1906 г. в журнале «Былое», брат признался ей, что Судейкин сразу пообещал ему помочь возглавить революционное подполье в обмен на обещание действовать под его, Судейкина, руководством. По мысли Судейкина, «Народная воля» должна была организовать несколько громких покушений, чтобы запугать высшую власть и подвигнуть ее на уступки и реформы. В таком же духе Дегаев описал эти беседы лидеру народовольцев за рубежом Льву Тихомирову, с которым встречался в Швейцарии весной 1883 г. Спустя много лет Тихомиров так изложил свое впечатление от этого признания: Судейкин якобы совершенно одурачил самовлюбленного безумца, высказывая, что он сам только и мечтал, как бы найти себе

друга-единомышленника среди крупнейших революционеров, чтобы совместными усилиями дать совершенно новое направление политике правительства. Соединившись вместе, действуя, с одной стороны, на правительство, с другой – на революционеров, они могут добиться великих результатов в ходе развития России²⁰. Этаким дуум-вират...

Где здесь правда, а где вымысел нам, современникам, остается лишь догадываться. Зная и Дегаева, и Тихомирова, не следует думать, что сделанные ими признания – истина в последней инстанции.

Тем более что ряд исследователей критически относятся к устоявшемуся в нашей историографии мнению о Судейкине и его намерениях убить графа Д. А. Толстого, других высокопоставленных лиц с целью установления диктатуры. «Только не зная и не понимая работы тайной полиции, – пишет московский историк Ю. Ф. Овченко, – можно поверить в реальность подобного плана. Судейкин <...> был заинтересован в том, чтобы в центре (террористической. – А. П.) организации находился его агент. Предлагать же Дегаеву вторую часть плана (о воздействии на правительство с помощью террора. – А. П.) Судейкину не было смысла потому, что тот и так находился в руках жандарма, да и подобное предложение, попади оно к прокурору или к вышестоящему начальству, могло стоить Судейкину дорого. К тому же строить перспективные планы работы с агентом, да еще малоизвестным, едва ли разумно»²¹.

На схожих позициях находится американский историк Р. Пайпс, посвятивший делу Дегаева целую монографию, который высказывает предположение, что Судейкин вряд ли сразу посвятил арестованного в свои планы – в расчете на нисхождение тот мог выдать их властям. По мнению Пайпса, Судейкин сначала обещал Дегаеву свободу и возможность нелегальной работы в обмен на информацию о народовольцах. Полностью же он раскрылся перед Дегаевым через несколько месяцев, уверившись в его преданности²².

Как бы то ни было, но Дегаев не имел желания «таскать каштаны из огня» для Судейкина. И, с присущей для людей математического ума, трезвой расчетливостью и логичностью избавился в скором времени от тяготившего его инспектора, одновременно при этом искупив свою вину перед народовольцами, не понеся за совершенные им предательства ни малейшего наказания.

Убийство инспектора петербургской охраны встало на повестку дня народовольцев весной 1882 г. Г. П. Судейкин «успел произвести

такое опустошение в рядах Комитета (Исполнительного. – А. П.) и всей партии, что неизбежно возник вопрос о его устранении, которое становилось условием, при котором только возможно было дальнейшее существование самой партии “Народной воли”», – писала современница эпохи²³. Однако реализовать задуманное было непросто: долгое время отсутствовал план убийства, неизвестен был исполнитель, да и сам Судейкин использовал методы конспирации, благодаря которым выследить его было практически невозможно. Как замечал советский историк Н. А. Троицкий, «агенты Исполнительного Комитета сбились с ног в поисках хотя бы следа Судейкина и, в конце концов, сами были выслежены агентурой охраны прежде, чем выследили его»²⁴.

Задуманное удалось совершить спустя полтора года – в декабре 1883-го. По словам Л. Тихомирова, «Дегаев целых восемь месяцев откладывал расправу с Судейкиным! Некоторое время, необходимое для удаления за границу лиц особенно скомпрометированных, он, конечно, должен был щадить его. Но еще больше затягивалось у него дело, думаю, потому что он колебался... Не то, чтобы он хотел совсем увильнуть – это было бы невозможно. Но он был по темпераменту совсем не террорист, он даже не был храбрым, а убийство такого человека, как Судейкин, было нелегкое и весьма рискованное. Вот Дегаев и откладывал под разными предлогами и тянул время»²⁵. Более того, покушение срывалось дважды. Изначально преступление было намечено на 6 декабря. Расположившиеся в квартире Дегаева пособники, вооруженные ломami, устроили засаду на Судейкина. Однако тот несколько запоздал, да к тому же вместо себя направил в квартиру дворника, узнать дома ли Сергей Петрович. Напуганный появлением неожиданного свидетеля, Дегаев не рискнул открыть дверь, и Судейкин уехал. Во второй раз, примерно через неделю, инспектор к означенному времени не явился, и перетрусивший Дегаев попросил товарищей покинуть квартиру. И лишь в третий раз фортуна наконец-то улыбнулась убийцам.

В пятницу 16 декабря 1883 г. между четырьмя с половиною и пятью часами вечера в Петербурге в доме № 93 на Невском проспекте, в квартире под злополучным номером 13, в которой проживал Дегаев по фальшивому паспорту дворянина Яблонского, произошло убийство Г. П. Судейкина.

Главный виновный, стрелявший из револьвера в Судейкина – Дегаев – скрылся с места преступления, сумев оперативно покинуть

Петербург и выехать из России. Как оказалось в дальнейшем, выехать навсегда. Его сообщники, добивавшие железными ломami инспектора и его племянника Судовского – сын священника Николай Стародворский и дворянин Василий Конашевич – в скором времени были арестованы и осуждены на Процессе «21-го», проходившем в Петербургском военном окружном суде в период с 26 мая по 5 июня 1887 г. Оба были приговорены к смертной казни, замененной впоследствии пожизненной каторгой. Преступники были заключены в Шлиссельбургскую крепость, где Конашевич сошел с ума, и после перевода в 1896 г. в Казанскую психиатрическую лечебницу умер там же в 1915-м. Стародворский же, отсидев 20 лет в тюрьме (в течение которых дважды писал царю прошения о помиловании), был амнистирован после 17 октября 1905 г. и стал впоследствии полицейским осведомителем.

Убийство инспектора С.-Петербургской тайной полиции наделало много шума. Обескураженными в первую очередь оказались власти. Член Госсовета граф П. А. Валув, бывший при Александре II министром внутренних дел, оставил в своем дневнике запись от 19 декабря 1883 г.: «Третьего дня убит известный Судейкин, главный заправитель государственной тайной полиции. <...> Сильное впечатление. Большой переполох. Ген[ерал, товарищ министра внутренних дел П. В.] Оржевский все предоставил Судейкину, и с ним пропадают все нити, бывшие в его руках. У нас и по этой части азбучное неумение»²⁶.

В 1906 г. на страницах журнала «Былое», целиком посвященному истории освободительного движения, развернулась полемика о С. Дегаеве и его роли в революционном мире. В апрельском номере были опубликованы воспоминания народоволки А. П. Прибылевой-Корбы²⁷, в которых она, по преимуществу негативно, с элементами даже сарказма, оценивала среду, породившую агента-provokatora – семью Дегаевых. И, конечно же, самого Сергея.

В августовском номере того же журнала появилась ответная статья старшей сестры Дегаева Натальи Маклецовой «Судейкин и Дегаев»²⁸, Оппонируя Прибылевой-Корбе, она утверждала, что «никто из членов семьи не принимал участия в политической деятельности Сергея, и никто из нас неповинен в его преступлениях»²⁹. По словам Маклецовой, семья – совершенно не та среда, в которой формировались взгляды одного из братьев Дегаевых, ввиду того, что с 9-ти лет Сергей покинул семью и обучался в закрытом учебном заведении,

каким был Московский кадетский корпус. «Стало быть, – писала сестра, указавшая на все этапы учебной и служебной биографии брата, – среда, в которой воспитался и вращался Сергей, была сначала средой закрытого учебного заведения, затем военной и, наконец, средой революционной партии»³⁰. Далее Н. Маклецова свидетельствует о разочаровании брата революционной средой после 1 марта 1881 г., которое, быть может, и привело к предательству с его стороны. В конце своей небольшой по объему заметки Наталья с болью в сердце вспоминала о травле, которой подверглась вся семья Дегаевых после событий 1883 г. Причем травля была с двух сторон: как властей, так и революционеров³¹.

Интерес к фигуре Дегаева проявляли и зарубежные исследователи. В частности, в 2003 г. вышла в свет книга, так до сих пор и не переведенная на русский язык, известного американского профессора Ричарда Пайпса «Террор и измена в царской России»³². В аннотации к книге указывается на использовавшиеся им в работе ранее неисследованные документы российских архивов, с помощью которых ему удалось «блестяще нарисовать психологический, политический и социологический портрет Дегаева».

Справедливости ради следует отметить, что Р. Пайпс, в свою очередь, щедро черпал материал для своего исследования из статьи, опубликованной еще в 1973 году в малоизвестном историческом журнале и в свое время прошедшей почти незамеченной³³. Авторы этой статьи – американские исследователи Фон Д. Хардести и Д. Унру мл. – обратились к этому сюжету совершенно случайно. В своем эссе-воспоминании о старшем коллеге Фон Хардести так вспоминал их совместную работу: «...Летом 1971 г. Джон и я [Фон Хардести. – А. П.] трудились над нашей диссертацией в смежных карраэл³⁴ в подвале библиотеки. Во время одного из перерывов я поведал Джону, что наткнулся у себя в кабинете на любопытный факт, свидетельствующий о связи русского революционера с Южной Дакотой³⁵, и рассказал ему историю Сергея Дегаева, одноразового террориста и агента-provokatora, которому удалось найти свой путь на факультет Университета Южной Дакоты. В бегах от царской полиции и террористов, он изменил свое имя на Александр Пелл и получил докторскую степень по математике в университете Джона Хопкинса. Джон вызвался искать какие-то данные о подпольной жизни Дегаева-Пелла в Южной Дакоте, которые стали частью нашего ис-

следования в совместно написанной статье “Загадка Дегаева-Пелла”. Это стало долгожданным успехом для нас в ходе наших трудов в этом году. В последующие годы, я рад сообщить, историки, особенно по изучению России, добились отличных результатов, используя это исследование. Джон... выражал глубокое разочарование, когда наша статья не удостоилась награды за выдающееся исследование, присваивавшуюся ежеквартально в течение 1972 года³⁶. Для меня было удовольствием гармонично работать с другом и мастером-историком, и это была моя первая публикация, как историка»³⁷.

Действительно, Дегаева знали в США. Только это был совершенно иной Дегаев и звали его Александр Пелл³⁸. Несмотря на то, что русского перевода книги Р. Пайпса, и тем более, статьи Фон Хардести и Д. Унру мл., нет, тем не менее, выдержки из них появляются в отечественной публицистике³⁹. И из них можно почерпнуть более подробные сведения об американском периоде жизни Сергея Дегаева.

В 1886 г. Дегаев вместе с супругой эмигрировали в США. В течение первых пяти лет пребывания в Северной Америке Дегаевы бедствовали, перебиваясь случайными заработками: Сергей работал грузчиком, затем менеджером для химической фирмы, Любовь была прачкой. В 1891 г. чета Дегаевых превратилась в натурализованных американцев – Александра и Эмму Пелл. Обосновавшись в Сент-Луисе, Дегаев-Пелл в 1895 г. поступил аспирантом в Университет Джона Хопкинса. Спустя два года, в 1897-м, защитил диссертацию по дифференциальной геометрии – «О фокальных поверхностях конгруэнций касательных к данной поверхности», удостоившись докторской степени по математике.

Построенный в 1882 году в пограничном городке Вермильон (Вермилион), Университет Южной Дакоты решил укрепить свои позиции, и в 1897 году открыл должность преподавателя математики. Профессор Лоррен Халбарт из Университета Джона Хопкинса (к которому обратились с соответствующим запросом университетские власти) ответил, что у него на примете есть первоклассный математик, который запросто получил бы место в любом колледже Восточного побережья, не обладая он серьезным недостатком – жутким русским акцентом. В Южной Дакоте, не хватавшей звезд с неба, согласились и на акцент. Русского звали Александр Пелл. В

середине осеннего семестра он приступил к чтению лекций по математике и астрономии.

В Университете Южной Дакоты Александра Пелла полюбили сразу. Он был хорошим лектором, несмотря на чудовищный акцент (даже дома – с русской женой! – он говорил только по-английски). Студенты с большим воодушевлением отмечали в нем не только преподавательский талант, но и его активную общественную позицию. Пелл – даже по американским меркам – был редким энтузиастом спорта: он ввел в университете гимнастическую программу, всячески ее популяризировал и сам ею руководил. Неизменно присутствовал на всех соревнованиях. Был страстным болельщиком американского футбола. Известен случай, когда Пелл, защищая честь университета, принял участие (вместе со студентами) в драке с болельщиками другого колледжа. Эта потасовка превратила его фигуру в почти легендарную. За ним закрепилось прозвище «Самый человечный человек».

Кроме того, Пелл был приверженцем благотворительности. Из своих средств он помогал нуждающимся и организовал бесплатный пансион для нескольких бедных студентов. В его пансионе проживали юноша и две девушки-сестры, на одной из которых он позднее женится.

Студенты выпуска 1904 г. выбрали его «отцом» курса и посвятили ему печатный Ежегодник. Иначе говоря, он был удостоен высочайшей чести, которой только мог удостоиться профессор со стороны учащейся молодежи. Один из студентов впоследствии вспоминал: «Д-р Пелл занимал исключительное место в умах и сердцах его учеников. Они глубоко уважали его. Более того, чувствуя с его стороны искреннее расположение и участие, они не стыдились делиться с ним своими сокровенными личными проблемами. Он был одним из самых человечных людей, которых я когда-либо знал»⁴⁰.

Коллеги запомнили Пелла как приятного и остроумного собеседника, способного поддерживать разговоры на самые разные темы. По их воспоминаниям, он не интересовался лишь политикой, хотя на выборах неизменно голосовал за республиканскую партию.

Как видно, русский революционер Дегаев, перевоплощенный в американского профессора Пелла, снискал уважения и среди коллег, и среди студентов.

Шла в гору и его академическая карьера. Он был избран членом Американского математического общества, печатался в научных

журналах, участвовал в конференциях. В 1901 г. по инициативе Пелла и благодаря его энергии удалось собрать средства для открытия в Университете Южной Дакоты инженерного факультета. Спустя шесть лет, в 1907-м, когда факультет окреп, расширился и превратился в инженерный колледж, Пелл стал его первым деканом.

Александр Пелл умер в январе 1921 г. в Бринморе (штат Пенсильвания). В его некрологе говорилось: «Память о его отзывчивости и верности долгу будет жить в сердцах всех, кому посчастливилось его знать»⁴¹. Поистине другой человек... И никто не знал, кем был в прошлой жизни профессор Пелл...

Жена, надолго пережившая Пелла⁴², в 1952 г. учредила в Университете Южной Дакоты стипендию его имени – для особо одаренных студентов, специализирующихся в математике. Стипендия эта существует и в настоящее время.

Для понимания места и роли провокаторства в истории революционного движения на рубеже 1870–1880-х гг., интересно проследить судьбу еще одного «агента-осведомителя наоборот». Его имя известно каждому интересующемуся историей «Народной воли». Это Николай Васильевич Клеточников – «контрразведчик революции», внедренный в органы политической полиции с целью получения необходимой информации и парализации ее деятельности в отношении революционеров.

Дело Клеточникова хорошо запомнилось и российским жандармам и полицейским. Горечь предательства прослеживалась на протяжении нескольких поколений. Последний директор Департамента полиции А. Т. Васильев в своих мемуарах, опубликованных в 1930 году в Лондоне, писал: «Однажды они (революционеры. – А. П.) внедрили своего агента по фамилии Клеточников в III Отделение и в результате частично дезорганизовали его деятельность»⁴³.

Н. В. Клеточников родился 20 октября 1846 г. в Пензе, тогда еще Саратовской губернии. Происходил он из дворян. После окончания Пензенской гимназии юноша поступил в Петербургский университет, но в 1866 г. был вынужден уйти со второго курса по состоянию здоровья – врачи обнаружили у него туберкулез. И Клеточников перебрался на постоянное жительство в Крым, где служил мелким чиновником в Ялте и Симферополе.

В конце 1870-х гг. во время наивысшего могущества радикалов (этот период слабости царского правительства советская историография по устоявшейся традиции называла второй «революционной

ситуацией») Клеточников, поправив несколько здоровье, решает посвятить себя революционному движению. В декабре 1879 г. через своих землячек, слушательниц Высших женских курсов в Петербурге, он знакомится с лидерами народолюбцев – А. Д. Михайловым и Н. А. Морозовым. Именно знакомство Михайлова с Клеточниковым привело «короля революционной конспирации» к мысли о дерзком плане внедрения своего человека в политическую полицию. Тем более что Николай Васильевич имел безупречное прошлое и опыт работы чиновником. «В наружности Клеточникова, – писала А. П. Прибылева-Корба, – бросались в глаза две черты. Прежде всего, это был настоящий русский интеллигент, для которого умственный труд является обычным занятием. Вторая черта указывала на отсутствие у Клеточникова низких страстей и наклонностей»⁴⁴. Словам пламенной революционерки вторит полицейский чиновник Г. Кириллов, под началом которого работал Николай Васильевич: «Клеточников производил впечатление человека, не только не подозрительного для выдачи каких-либо тайн, а, напротив, вполне пригодного для их сохранения»⁴⁵.

Этот идеальный «образец для внедрения» с первого взгляда рассмотрел известный революционер А. Д. Михайлов, личность, обладавшая «притягательной силой большого характера и стальной воли». Посредством некой Анны Павловны Кутузовой, в меблированных комнатах которой проживал Клеточников, его удалось в январе 1879 г. устроить письмоводителем в III Отделение, где служил родственник Кутузовой – Г. Кириллов. Добрый и благовоспитанный жилец за вечерней игрой в карты рассказывал сердобольную историю, что никак не может найти места. Уловка сработала и, как вспоминала А. П. Кутузова: «Я сначала советовала ему обратиться в разные учреждения, а затем объявила, что у меня есть в III Отделении С.е.и.в.К. знакомый чиновник, которому я могу его рекомендовать...»⁴⁶.

С самого начала «карьера» агента Клеточникова удалась – его признали сослуживцы, он регулярно удостоивался внимания от начальства, получая денежные премии, иногда – приглашения на званные вечера. 20 апреля 1880 г. Клеточникову был пожалован императором Александром II орден Святого Станислава 3-й степени. Более того, в 1880 г., в период реорганизации политической полиции, когда на смену III Отделению приходит Департамент государственной полиции, Клеточников, как особо ценный сотрудник, (при отборе

приоритет отдавался чиновникам особых поручений, архивистам и канцелярским служащим) вошел в штат нового учреждения. К слову сказать, из III Отделения на службу в Департамент полиции из старых сотрудников был принят всего лишь 21 человек⁴⁷. И в их числе Клеточников (!).

Клеточников прослужил «агентом контрпровокации» в органах политической полиции ровно два года – с января 1879-го по январь 1881 г. Благодаря работе в секретном части 3-й экспедиции (позднее 3-го делопроизводства), он оказал неоценимую услугу товарищам по партии, предупреждая их о предстоящих арестах, разоблачая таких деятелей-провокаторов в революционной среде, как Рачковский, Рейнштейн и др.

Последовавший арест А. Д. Михайлова в конце 1880 г., курировавшего Клеточникова, привел к несоблюдению мер конспирации со стороны революционеров и скорому разоблачению их агента на Фонтанке, 16.

И все же в характере Клеточникова, по мнению народовольцев, имелось слабое место. «Он не был физически смелым бойцом; он дважды выказал свою слабость. Первый раз при мысли о жандармах; второй раз в действительности, очутившись в их лапах после ареста в квартире Колодкевича»⁴⁸.

* * *

Г. П. Судейкин, нанесший сокрушительный удар «Народной воле», и, соответственно, русскому индивидуальному террору, несмотря на свою короткую жизнь (всего 33 года), оставил довольно глубокий след в истории, и не заживающий рубец на теле русского освободительного движения. В своих руках он держит черную метку антигероя. Этот штамп, созданный еще при жизни жандармского подполковника революционерами-народниками, а затем поддерживаемый не одним поколением советских и постсоветских историков, существует на протяжении многих десятилетий. Хотя так ли уж плох был инспектор Петербургского охранного отделения? На наш взгляд, он стал первым из руководителей политическим сыском в Российской империи, кто попытался отойти от традиционной парадигмы борьбы жандармов и революционеров, и перевести ее на принципиально новый «методологический» уровень.

Революционеры первыми начали играть не по правилам, используя в борьбе с правительством удары ниже пояса – террор. Нигилизм, – так именовалось за рубежом русское народничество, – как

«тотальное неприятие всего сущего» неизбежно ведет к террору. Пророк нигилизма Д. И. Писарев задавался вопросом, можно ли убить собственную мать. И отвечал на него: «Почему бы и нет, если я этого хочу и мне это полезно»⁴⁹.

Рано или поздно это должно было привести к ответным мерам со стороны властей. Правительство не на шутку было напугано террористами. Преследование их по закону было малоэффективным, в виду того, что политические преступления не вызывали однозначно негативного отношения к себе со стороны общества. Различного рода суды-процессы («процесс 193-х», «процесс 50-ти», «процесс 20-ти») над «политическими» часто превращались в обличение существующих порядков и сопровождалась пропагандой революционных идей. Поскольку нигилисты отрицали традиционные ценности общества, в том числе и его мораль, но имели свои партийные нравственные принципы. Их нельзя было огульно обвинить в банальной уголовщине. Подчеркнутое бескорыстие революционеров, их уверенность в оправдании будущими поколениями, готовность пожертвовать своей жизнью, – все это производило обезоруживающее впечатление и на публику, и на судей. В этих условиях власть искала иные, помимо общепринятых, способы борьбы с крामолой. Одним из таких способов стала провокация. Таким образом, провокационная деятельность жандармов стала с л е д с т в и е м террористической деятельности революционеров.

Разрушение логова врага изнутри, а еще лучше, его же людьми – вот самый действенный способ успеха и удачи на данном поприще. Судейкин, быть может, на самом деле представлял собой личность тщеславную и темную в нравственном отношении, не брезговавшую использовать сомнительные средства для достижения своей цели, но он разглядел в революционере прежде всего ч е л о в е к а со всеми его слабостями и пороками, а не какое-либо подобие зомби. Он разрушил идеальный образ революционера, готового умереть за идею. Как показал случай с Дегаевым, умереть были готовы далеко не все... Кто-то любил деньги больше, чем идею, кто-то в этой самой идее тешил свои славу и самолюбие, а кто-то испытывал страх и ужас, когда идея превращалась в фикцию, и открывалась перспектива угрозы реального наказания, становясь, таким образом, легкой добычей полиции. Самые разные люди были в революционном движении. А сколько их еще будет, этих дегаевых, азефов, малиновских

и сотен других, калибром поменьше и оттого неизвестных широкой публике. Быть может, поэтому так и не полюбился он творцам освободительного движения и их последователям, как разоблачитель их идеального образа, окруженного ореолом святости.

Однако в том, что революционеры-радикалы нередко шли на предательство и становились провокаторами, была некоторая, если и не закономерность, то, по крайней мере, тенденция. Нигилизм, как идеология полного отрицания всех «предрассудков» общества, которое экстремисты хотели разрушить, вполне позволял отбросить такие понятия как клятва, верность, дружба и т.п. «Правила игры» менялись по ходу ее, у каждого были свои представления о совести и чести, диктовавшиеся ситуацией и революционной целесообразностью. По мнению историка М. Сидорова, «политический цинизм становился одним из основных принципов деятельности подполья»⁵⁰. Жандармский полковник А. П. Мартынов вспоминал, как «над такими покладистыми революционерами мы [служащие жандармерии. – А. П.] шутили словами Франца Моора из “Разбойников” Шиллера: “Бедняга не родился быть мучеником за веру!”»⁵¹.

«Не жандармерия делала Азефов и Малиновских, – имя же им легион, – вводя их как своих агентов в революционную среду; нет, жандармерия выбирала лишь их из революционной среды. Их создавала сама революционная среда. Прежде всего, они были членами своих революционных организаций, а уже затем шли шпионить про своих друзей и близких органам политической полиции»⁵², – таким образом отзывался о внутренней агентуре один из наиболее ярких представителей русской жандармерии генерал А. И. Спиридович.

К слову сказать, за всю историю существования политической полиции периода Российской империи ни разу не было отмечено случая предательства, совершенных жандармами / полицейскими (начиная от начальника и заканчивая младшим филером), или же их вербовки со стороны революционеров.

Бес Судейкина заключался в неспособности побороть им свое собственное тщеславие, в желании оказаться во главе всех охранительных сил государства, быть сподвижником государя. Добившись с помощью агентов-провокаторов колоссальных успехов в разгроме «Народной воли», Судейкин начал использовать провокацию в корыстных целях, для устранения своих конкурентов и дальнейшего продвижения по службе. Здесь, конечно, он перешел грань допустимого. И, как следствие, лишился собственной жизни, погибнув от

рук своего же секретного агента. Недаром, знаменитый на рубеже XIX–XX вв. начальник Московского охранного отделения, а затем заведующий Особым отделом Департамента полиции С. В. Зубатов, поучая молодых жандармов азам работы с секретными сотрудниками, приговаривал (прекрасно зная печальную судьбу Судейкина, по стопам которого в методологии политического сыска шел Зубатов): «Вы, господа, – говорил он, [вспоминает Спиридович, начинавший свою работу в Московской охранке как раз под началом Зубатова. – А. П.] – должны смотреть на сотрудника как на любимую женщину, с которой вы находитесь в нелегальной связи. Берегите ее как зеницу ока. <...> Помните, что в работе сотрудника, как бы он ни был вам предан и как бы он честно ни работал, всегда, рано или поздно наступит момент психологического перелома. Не прозевайте этого момента. Это момент, когда вы должны расстаться с вашим сотрудником. Он больше не может работать, ему тяжело. Отпускайте его. Расставайтесь с ним...»⁵³.

Провокация – один из самых действенных способов в борьбе с врагом. Этот метод не случайно был взят впоследствии за основу многими деятелями, как Департамента полиции, так и революционного подполья, и приобрел в конце XIX, а особенно в начале XX века, широкомасштабный характер. Но все же в работе политической полиции России «провокация из оперативно-тактического приема не переросла в метод, хотя ее удельный вес в работе полиции значительно возрастал в периоды подъема революционного движения»⁵⁴.

Н. В. Клеточников лучше, выше, уважаемее Судейкина и Дегаева вместе взятых потому, что действия последних приводили к гибели людей, а Клеточникова – к их спасению. И Судейкин и Дегаев руководствовались мотивами корыстными, теша свое тщеславие, Клеточников мотивами общественными, и ему было наплевать на свою жизнь. Судейкин – злой гений, Дегаев – фальшивый революционер, предатель, Клеточников – жертвенник, положивший на алтарь народничества свою судьбу. Дегаев спасал свою шкуру, и это, пожалуй, единственное, что его заботило, а Клеточников рисковал ей, спасая своих товарищей, и зная, что будет, если его разоблачат.

В советские годы было принято в соответствии с традицией абсолютно на всех, кто сотрудничал с политической полицией в Российской империи, вешать ярлык провокатора. Помимо явно идеологического характера, это еще и не соответствует действительно-

сти. Агентов, завербованных для работы в революционное подполье, в жандармерии именовали «секретными сотрудниками», в среде революционеров их называли «провокаторами». Помимо терминологического различия следует отличать сотрудников-осведомителей от сотрудников-провокаторов, проводя между ними четкую грань. Когда секретный агент полиции выдает своих «коллег» по революционной организации, сообщая властям наиболее важные их координаты (явки, адреса, пароли и пр.) – он не совершает акта провокации, а выполняет обычную осведомительскую, информационную работу, т.е. сообщает то, что ему стало известно. А провокация – это побуждение к действию. Вот когда тайный агент занимает активную позицию, подстрекает революционеров к противоправительственным действиям, в результате которых они могут быть арестованы (учреждение подпольной типографии, совершение теракта и др.) – вот тогда это провокация. Исходя из этого контекста, Дегаев в своей работе на политическую полицию начинал как сотрудник-осведомитель, перейдя впоследствии на почву провокаторства.

В случае с Клеточниковым его можно охарактеризовать как осведомителя. Предателем и провокатором он не был. Свидетельством этого может служить признание его начальника Г. Кириллова: «Клеточников являлся ко мне весьма редко, но никаких сведений (агентурных, касающихся учащейся молодежи. – *А. П.*) существенных не приносил, ссылаясь на различные затруднения в приискании и сближении с такими лицами, от которых он мог бы заимствовать интересные для меня данные»⁵⁵.

В действительной же повседневности все было намного сложнее и запутаннее. Дело в том, что грань, отделяющая осведомителя от провокатора, явственно не прослеживается и становится особенно зыбкой, когда у «сотрудника» появляется соблазн ее переступить.

¹ *Степняк-Кравчинский С. М.* Россия под властью царей. М., 1965. С. 117.

² *Тихомиров Л. А.* В мире мерзости и запустения // Вестник «Народной воли». 1884. № 2. Выдержки из этой статьи опубликовал В. Я. Богучарский в четвертом номере журнала «Былое» за 1906 г. в рубрике «Дегаевщина (материалы и документы)». См.: *Былое*. 1906. № 4. С. 28.

³ *Лурье Ф. М.* Политический сыск в России. 1649–1917. М., 2006. С. 160.

⁴ *Перегудова З. И.* Департамент полиции и местные учреждения политического розыска (1880–1917) // *Жандармы России*. М.; СПб., 2002. С. 284.

⁵ Речь идет об облаве, устроенной против южного Исполнительного Комитета «Народной воли» и об аресте в почти полном составе объединенного

кружка народовольцев и чернопредельцев. При осуществлении этих операций капитан Судейкин использовал свою энергию и предусмотрительность, а также, уже тогда, посредничество агента-provokatora. См.: *Троицкий Н. А.* Дегаевщина // Вопросы истории. 1976. № 3. С. 125–126.

⁶ *Лурье Ф. М.* Указ. соч. С. 158–159.

⁷ Подробнее см.: Положение об устройстве секретной полиции в Империи. 3 декабря 1882 г. // *Перегудова З. И.* Политический сыск России. 1880–1917 гг. М., 2000. С. 377–378.

⁸ *Лурье Ф. М.* Указ. соч. С. 159.

⁹ Подробнее см.: Инструкция инспектору секретной полиции. 29 января 1883 г. // *Перегудова З. И.* Политический сыск России. С. 379–380.

¹⁰ *Григорьев Б. Н., Колоколов Б. Г.* Повседневная жизнь российских жандармов. М., 2007. С. 219.

¹¹ *Богучарский В. Я.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX века: Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912. С. 311. Данный циркуляр перепечатан из газеты «Вольное слово» от 15 июля 1881 г.

¹² *Перегудова З. И.* Политический сыск России. С. 117.

¹³ Два лома для Судейкина // (<http://www.narovol.narod.ru/sudeik.htm>).

¹⁴ См. напр.: *Овченко Ю. Ф.* Provokacija на службе охраны // Новый исторический вестник. 2003. № 1. С. 37.

¹⁵ *Короленко В. Г.* История моего современника // *Короленко В. Г.* Собр. соч.: в 5 т. Т. 4. Л., 1990. С. 502, 503.

¹⁶ Деятели революционного движения в России. Справочник и электронная база данных. Вторая половина 1850-х – 1890-е гг. М., 2009. Т. 2: 1870-е гг. С. 154–155.

¹⁷ *Прибылева-Корба А. П.* Сергей Петрович Дегаев (Из воспоминаний) // Былое. 1906. № 4. С. 2, 9.

¹⁸ Там же. С. 5.

¹⁹ Там же. С. 8.

²⁰ Подробнее см.: Дегаевщина (материалы и документы) // Былое. 1906. № 4. С. 31.

²¹ *Овченко Ю. Ф.* Указ. соч. С. 36.

²² Подробнее см.: *Левин А.* Две жизни штабс-капитана Дегаева // Совершенно секретно. 2009. № 11.

²³ *Прибылева-Корба А. П.* Сергей Петрович Дегаев. С. 12.

²⁴ *Троицкий Н. А.* Указ. соч. С. 127.

²⁵ См.: Два лома для Судейкина.

²⁶ *Валуев П. А.* Дневник (1877–1884). Петроград, 1919. С. 246.

²⁷ *Прибылева-Корба А. П.* Сергей Петрович Дегаев.

²⁸ *Маклецова (Дегаева) Н. П.* Судейкин и Дегаев // Былое. 1906. № 8. С. 265–272.

²⁹ Там же. С. 265.

³⁰ Там же. С. 266. По свидетельству современника эпохи В. Г. Короленко, большинство тогдашней интеллигентной военной молодежи было настроено радикально: «Из милютинских военных гимназий в армию хлынула масса молодежи, хорошо знакомой с Белинским и Добролюбовым. А в казармах она встречалась с застаревшими или воскресшими вновь дореформенными злоупотреблениями, на помощь которым шла военная дисциплина и благонамеренная традиция. Эти два течения ужиться не могли». См.: *Короленко В. Г.* Указ. соч. С. 501.

³¹ *Маклецова (Дегаева) Н. П.* Указ. соч. С. 266.

³² Richard Pipes *The Degaev Affair: Terror and Treason in Tsarist Russia*. – Yale University Press, 2003.

³³ Von Hardesty and John D. Unruh, Jr.. *The Enigma of Degaev-Pell*. – South Dakota History, Vol. 3, No. 1. Winter 1973. P. 1–29.

³⁴ Кабина для индивидуальной научной работы

³⁵ Штат на Среднем Западе в США.

³⁶ По всей вероятности, Фон Хардести запомнил, указывая в воспоминаниях на 1972 г., в то время как статья была опубликована в 1973-м.

³⁷ *Фон Хардести*. Некоторые размышления о Дж. Унру-младшем // (<http://www.bluffton.edu/library/coll/ms/unruh/essayvh>).

³⁸ По одной из версий Дегаев, переезжая в США, назвался Александром Полевым (дедом провокатора был литератор Н. А. Полевой). Позднее, для удобства произношения в американской среде – Александром Пеллом. По получении гражданства США в 1891 г. это имя стало официальным.

³⁹ Подробнее см.: *Проскурин О. А.* Самый человечный человек: Крах революционной корпорации // *Русская жизнь*. 2009. 25 февраля. Отечественный филолог-пушкинист О. А. Проскурин на рубеже XX–XXI в. преподавал в нескольких американских вузах, и, по всей вероятности, имел возможность познакомиться с материалами (легшими в основу книги Р. Пайпса), выдержками из которых он активно снабжает свою публикацию.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Анна Джонсон (1883–1966), дочь шведских эмигрантов, вторая жена Дегаева-Пелла. На ней он женился летом 1907 г. после смерти первой супруги Любви Ивановой (Эммы Пелл) в декабре 1904 г. Анна Джонсон – бывшая студентка Пелла, была на 26 лет его младше. В 1908 г. они переезжают в Чикаго, в последующие годы – в штаты Массачусетс и Пенсильванию. Анна Джонсон сделала блестящую карьеру ученого-математика.

⁴³ *Васильев А. Т.* Охрана: русская секретная полиция // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска: в 2 т. М., 2004. Т. 1. С. 346.

⁴⁴ *Прибылева-Корба А. П.* Несколько строк о Н. В. Клеточникове // «Народная воля» и «Черный передел»: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879–1882 гг. Л., 1989. С. 248.

⁴⁵ Глубокая разведка. Николай Клеточников против III Отделения // (<http://www.narodovol.narod.ru/kontrrazved.htm>).

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ *Перегудова З. И.* Департамент полиции и местные учреждения политического розыска. С. 280.

⁴⁸ *Прибылева-Корба А. П.* Несколько строк о Н. В. Клеточникове. С. 257. В первом случае речь идет о первоначальном категорическом неприятии Клеточниковым плана Михайлова о его работе в III Отделении, во втором – Клеточников во время ареста заявил, что оказывал услуги революционерам не по убеждению, а за деньги.

⁴⁹ *Сидоров М.* Между террором и провокацией // (http://www.sunround.com/club/22/22_161_sidorov.htm).

⁵⁰ Там же.

⁵¹ *Мартынов А. П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1. С. 152.

⁵² *Спиридович А. И.* Записки жандарма. М., 1991. С. 44. В своих воспоминаниях Спиридович указывает на такую любопытную деталь, как портрет Судейкина на стене в Московском охранном отделении, в бытность его начальником Зубатова (С. 40), из чего напрашивается очевидный вывод – Сергей Васильевич считал себя прямым продолжателем дела Судейкина.

⁵³ Там же. С. 50.

⁵⁴ *Овченко Ю. Ф.* Указ. соч. С. 45.

⁵⁵ См.: Глубокая разведка. Николай Клеточников против III Отделения.

Развитие идеологии революционного народничества в 80-90-х гг. XIX в.

Деятельность партии «Народная воля» явилась кульминационным этапом борьбы революционной разночинной интеллигенции с русской монархией. Цареубийство 1 марта 1881 года принесло ей громкую славу на многие годы и возбудило долго не утихающую полемику об эффективности индивидуального, а затем и систематического террора. Политическая деятельность «Народной воли» и ее демократическая программа в той или иной степени оказали влияние на дальнейшее развитие революционного движения в России.

Идеологические искания народовольцев на протяжении 80-х – 90-х годов XIX века представляют несомненный интерес. Их изначально стойкая приверженность крестьянскому социализму и террору, под давлением меняющейся общественно-политической обстановки в стране, за два десятилетия многократно подвергалась сомнениям; она сменялась в начале 1890-х гг. так называемым «альянсизмом» с либеральным направлением (как партия «Народного права»), впитывала в себя некоторые черты набирающей популярность в середине 1890-х гг. социал-демократии (как «Группа народовольцев»), и впоследствии, приспособившись к нуждам протекающего момента, стала основанием для возникновения крупной революционной организации начала XX века – партии эсеров.

Совокупность идеологических элементов, составлявших идейную платформу партии «Народная воля», включает в себя: во-первых, мировоззрение народничества, во-вторых, принцип политической борьбы за народовластие, и, наконец, веру в систематический террор, как одно из наиболее целесообразных орудий произведения переворота в деле добывания политической свободы.

Элемент народничества, занимающий значительное место в народовольческой доктрине, был воспринят создателями новой партии от «Земли и воли», в добавление к тому, что большинство вошедших в нее участников – А. Михайлов, Н. А. Морозов, Л. Тихомиров, С. Перовская, – в недавнем еще прошлом являлись ревностными народниками. Основной отличительной чертой народничества «Народной воли» стал ярко выраженный политический элемент, рельефно выделяющийся на фоне привычной и присущей обозначенным

направлениям экономической составляющей. «Земля и воля» проповедовала восстание народа во имя осуществления их коренных и, прежде всего, экономических потребностей против привилегированных классов и охраняющего их интересы государства. «Народная воля» выдвигала на первый план борьбу революционной партии, опирающейся на возможно широкие слои населения, против русского неограниченного правительства, и лишь посредственно, отраженным ударом, борьбу против экономических врагов народа¹.

Элемент политики, а точнее, политической борьбы за народовластие, «народную волю» с вытекающими из нее требованиями парламентской деятельности в виде Учредительного собрания, ворвавшись в старое народничество, совершил переворот в умах русской социально-революционной интеллигенции. Некоторые исследователи считают это величайшей исторической заслугой «Народной воли»².

Незыблемость теоретических оснований народовольчества, выражавшихся в приверженности крестьянскому социализму и передовой роли русской интеллигенции в освободительной борьбе, довольно длительное время не подвергалась народовольцами сомнениям, в то время как тактические и организационные установки постоянно изменялись и трансформировались.

В качестве метода осуществления политического переворота народовольцы избрали индивидуальный и систематический террор, исходя из предположения, что физическое уничтожение или моральное устрашение представителей режима сможет изменить и сам режим.

В России впервые открытое признание убийства как нормально-го средства достижения политических и социальных изменений провозглашалось в прокламации Петра Зайчневского «Молодая Россия» в 1862 г. «Мы изучали историю Запада, – писал он, – и это изучение не прошло даром; мы будем последовательнее не только великих революционеров 92 года, мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 90-х годах»³. Последователи Зайчневского под влиянием составленного им документа или самостоятельно через короткое время создали целую систему идеологического обоснования терроризма и, что самое существенное, перешли от теории к практике в невиданных дотоле масштабах.

Идея царубийства активно обсуждалась в радикальных кружках первой половины 1860-х годов, начав принимать конкретные очер-

тания в организации Н. А. Ишутина – И. А. Худякова. Большинство ее участников не сомневалось в целесообразности такого акта и имелись разногласия лишь по поводу сроков и условий его осуществления. 4 апреля 1866 года Д. В. Каракозов, двоюродный брат Ишутина, стрелял в Александра II, открыв тем самым эпоху терроризма в России. «Катехизис революционера» С. Г. Нечаева кристаллизовал террористические настроения радикальной среды 1860-х гг. Согласно исследованию О. В. Будницкого, «нечаевская традиция» – физического истребления или терроризации «особенно вредных» лиц, беспрекословного подчинения «низов» революционному начальству, наконец, оправдания любого аморализма, если он служит интересам революции, прослеживалась на протяжении всей последующей истории русского революционного движения. «Терроризм и заговорщичество стали его неотъемлемой частью, а нравственные основы, заложенные декабристами и Герценом, все больше размывались», – заключал ученый⁴.

Возникновение заговорщически-террористического направления было закономерно для российского революционного движения, поскольку условия, приводившие к возрождению террористических идей оставались в России неизменными на протяжении четырех десятилетий после начала реформ 1860-х годов. Это разрыв между властью и обществом, незавершенность реформ, невозможность реализации политических притязаний образованных слоев, а также, называемая одной из главных причин в многочисленных свидетельствах современников, – жесткая репрессивная политика властей по отношению к радикалам при полном равнодушии и пассивности народа. Но не менее важным источником терроризма был еще один – теоретический. Немалое число неофитов пришло в террор под влиянием чтения подпольной литературы или речей подсудимых на процессах террористов; недаром правительство прекратило публикацию подобных отчетов о процессах и их распространение.

В дальнейшей истории российского терроризма ключевым стал 1878 год. Политически он начавшийся выстрелом Веры Засулич, высветившим еще один мотив перехода радикалов к убийствам: при отсутствии в России гарантий личных прав и демократических свобод оружие казалось этим людям единственным средством самозащиты и справедливого возмездия. Таким образом, подчеркивал Будницкий, у терроризма в России было два «автора» – радикалы, снедаемые революционным нетерпением, и власть, считавшая, что

«неразумных детей надо не слушать, а призывать к порядку, даже если некоторых из них придется повесить». Эта взаимная глухота и неспособность к диалогу приводили ко все большему озлоблению обеих сторон и новым виткам насилия. Кроме того, свою роль сыграла и позиция части российских либералов, сочувствовавших террористам и оказывавших им материальную поддержку⁵.

«Народная воля» по причине серии покушений на императора, завершившихся цареубийством 1 марта 1881 года, вошла в историю как организация, само название которой являлось символом терроризма. Между тем, принципиально террор не занимал главенствующего места ни в программных документах, ни – за исключением отдельных периодов – в деятельности партии.

В «Программе Исполнительного комитета», которая была продуктом коллективного творчества при преобладающей роли Льва Тихомирова, террору отводилось скромное место в разделе «Д». «Деятельность разрушительная и террористическая» расшифровывалась как «состоящая в уничтожении наиболее вредных лиц правительства, в защите партии от шпионства, в наказании наиболее выдающихся случаев насилия и произвола со стороны правительства, администрации и т.п., имеет своею целью подорвать обаяние правительственной силы, давать непрерывное доказательство возможности борьбы против правительства, поднимать таким образом революционный дух народа и веру в успех дела и, наконец, формировать годные и привычные к бою силы»⁶.

В послемартовский период отношение русских революционеров к террору колебалось в основном в пределах между трактовкой этой проблемы в программе ИК и брошюре Н. А. Морозова, о которой, в связи с этим, необходимо сказать несколько слов.

Еще в августе 1879 года Морозов предложил свой вариант программы ИК, который был отвергнут большинством его членов по причине чрезмерной роли, которая в этом документе отводилась террору. Разногласия достигли такой остроты, что через несколько месяцев Морозов был вынужден уехать за границу, где издал, с некоторыми изменениями и дополнениями, свой вариант программы под названием «Террористическая борьба»⁷.

«Террористическая революция», по убеждению Морозова, представляла собой, в отличие от революции массовой, «где народ убивает своих собственных детей», самую справедливую форму борьбы.

«Она казнит только тех, кто действительно виновен в совершившемся зле»⁸. Революционер предсказывал, что рекомендуемый им метод борьбы, в силу своего удобства, станет традиционным, равно как и возникновение в России целого ряда «самостоятельных террористических обществ»⁹.

Целью террора, по мнению Морозова, было завоевание фактической свободы мысли, слова и безопасности личности от насилия — необходимых условий для широкой проповеди социалистических идей. Террор мыслился им как своеобразный регулятор политического режима в стране, он прекращался бы при ослаблении режима и возобновлялся в случае его ужесточения. Следовательно, террористы не должны стремиться захватить власть, утверждал Морозов в письме к П. Б. Аксельроду, «ибо тогда такой же террор будет всемогущим со стороны врагов и против нового революционного правительства»¹⁰.

Несмотря на то, что и после 1 марта брошюра Морозова вызывала жесткое отторжение народовольцев (к примеру, в 1883 г. при организации склада революционных изданий за границей М. Н. Ошанина даже потребовала исключить из списков литературы «Террористическую борьбу»¹¹), революционное движение в России во многом пошло по предсказанному Морозовым пути. На террор, вопреки его программному обоснованию, возлагались все большие надежды как на основной и самый эффективный способ действий. «Всякая историческая борьба, всякое историческое развитие», — писал революционер, — «идут по пути наименьшего сопротивления... Террористическая борьба, которая бьет в наиболее слабую сторону существующего строя, очевидно, будет с каждым годом приобретать все большие права гражданства в жизни»¹².

Влияние морозовских идей просматривалось в программных документах многих организаций 1880-х годов. Среди них можно назвать и программную брошюру «Южно-русской организации», написанную Л. Я. Штернбергом в 1885 году и озаглавленную как «Политический террор в России», и программу «Террористической фракции партии “Народная воля”», представлявшую собой синтез идей, сформулированных в основных народовольческих документах: «Программе Исполнительного комитета», «Письме Исполнительного комитета к Александру III» и «Террористической борьбе» Н. Морозова.

Тем не менее, со всей уверенностью можно констатировать, что народовольцы отнюдь не были «романтиками террора». Сторонников

террора ради самого террора среди них практически не встречалось. Те из народовольцев, которые тяготели более своих товарищей к народничеству, полагали, что употребление этого радикального средства борьбы не должно вытеснять революционной деятельности с целью вызвать восстание среди наиболее активных слоев народа во имя осуществления социалистических идеалов, общих народу и партии. В свою очередь «политики» партии не согласились бы пожертвовать целиком террору ту широкую агитацию в различных слоях населения, которая привела бы, по их мнению, страну к революции на почве требований гражданских и политических свобод.

Обострение внутри-народовольческих отношений, последовавшее за «дегаеской эпопеей», привело к созданию оппозиции, впоследствии оформившейся в «Молодую партию “Народной воли”». Эта партия выставила требование пересмотра программно-тактических и организационных установок «Народной воли» и выдвинула идею введения в программу аграрного и фабричного террора в купе с децентрализацией партии. Члены новой организации видели одну из причин неудач «Народной воли» в узости ее состава и оторванности от народных масс, а потому считали, что «все революционное дело должно быть передано в руки самого народа»¹³. Необходимо, чтобы практикуемый террор был понятен рабочему и крестьянину, «близок к насущным нуждам и проблемам простого люда»¹⁴. Следовательно, осуществляться он должен против непосредственных эксплуататоров в городе и деревне¹⁵. «Часто бывает важнее убить, например, губернатора Гессе, усмирившего чигиринский бунт, и убить его после расправы с крестьянами, чем убить хотя бы Судейкина, которого не знают ни крестьяне, ни рабочие, да его немедленно заменять таким же провокатором», — говорили своим оппонентам Н. М. Флеров и В. А. Бодаев (участники Петербургской «Рабочей группы», вошедшей затем всем составом в «Молодую партию “Народной воли”») ¹⁶. Г. Лопатин, выступавший от Распорядительной комиссии, также заявлял, что подобными действиями революционеры лишь восстаноят против себя народ, поскольку этот, по сути, личный протест, а не система общественного воздействия, даже в крепостное время не имел бы никаких результатов¹⁷.

В рассмотрении идеологии «Молодой партии “Народной воли”», представлявшей собой довольно значительный этап в истории революционного народничества послемартовского периода, необходимо коснуться так называемого «рабочего вопроса», который так или

иначе затрагивался всеми советскими учеными, а так же и некоторыми современными. Т. В. Цымрина, к примеру, утверждает наличие в организации П. Ф. Якубовича процесса к переходу на марксистские позиции, «т.к. “молодые” народовольцы главную роль в революции отводили рабочим»¹⁸. Обычным аргументом в пользу таких заявлений являются слова Якубовича о том, что «главной причиной раскола был рабочий вопрос»¹⁹.

Известно, что «молодые» и много говорили о рабочих, и немало с ними работали, но все это кажется убедительным лишь с внешней стороны. ИК «Народной воли» свое время тоже признавал решающую роль рабочих в момент самой революции, о чем прямо сказано в «Программе подготовительных работ партии». И в то же время народовольцы видели в рабочих не авангард революционного движения, способный возглавить и организовать все недовольные самодержавием элементы, а обычную статистическую, материальную силу, которая недовольна существующим порядком и иногда скорее, чем другие силы, поддается организации. Так, по существу, смотрели на дело и «молодые», с той только разницей, что теперь рабочим рекомендовалась иная тактика, иная не в изменении принципов, а в изменении объектов нападения. В первом случае речь шла о политическом терроре, т.е. о нападении на представителей власти; теперь рекомендовался тот же индивидуальный террор, только уже против прямых носителей эксплуатации. Вопрос о русском пролетариате и его роли в освободительном движении, как справедливо замечал И. Попов, народовольцами в то время не поднимался²⁰.

Более того, тщательный анализ источников и, в особенности, программных заявлений «Молодых народовольцев» позволяет говорить об усилении народнических настроений в кругах революционной молодежи того периода.

Одной из целей «фабричного террора» было стремление «сильнее популяризироваться в народе», поскольку «удары против типичных и вредных представителей этого кровопийства всего лучше выяснят народу значение борьбы, предпринятой против царской власти»²¹. «Мы идем не только за народ, но и с народом... Без нас, т.е. без достаточного количества интеллигентной сознательной силы, он рискует быть обманутым и разбитым по частям даже в эпоху революции... Но с другой стороны, мы без содействия народа, без его силы точно так же не можем ничего сделать в момент окончательной

развязки. Слияние силы и сознания необходимо для торжества революции», – говорилось в № 10 «Народной воли»²².

Г. Лопатин в письмах к парижанам указывал, что «наиболее искренние и деятельные тянутся к народу», «в молодежи это повальное стремление», но объяснял это тем, что «в это грустное время» больше и делать нечего, видя в этом к тому же «настроение минуты»²³. В связи с тем, что стремление молодежи в народ «повальное», в одном из своих писем Л. Тихомирову он предлагал «выставить приглашение в народ (столь желательное теперь многим), как развитие старой программы, ввиду естественного роста партии и отсутствия иного здорового дела у провинциальных групп». Этот фиктивный метод, по мнению Лопатина, позволил бы ИК народовольцев овладеть оппозицией²⁴.

«Молодая партия “Народной воли”», так отчаянно пытавшаяся найти новые пути борьбы с самодержавным режимом, по сути, не привнесла ничего существенно нового, оставаясь на прежних позициях Исполнительного Комитета. Программа партии по-прежнему основывалась на теориях народничества; главная задача организации – завоевание политической власти при помощи государственного переворота – оставалась неизменной в толковании программных документов старого ИК; ее тактика не подверглась существенным изменениям, поскольку все предложенные тактические и организационные нововведения, в конечном итоге, были отброшены. Да и нововведениями, по сути, они не были: аграрный и фабричный террор фигурировал на Воронежском съезде, а затем в «Рабочей газете» 1880–1881 гг., но своего дальнейшего развития не получил²⁵. Выступая за пересмотр программы «Народной воли», «молодые» по существу касались лишь ее второстепенных пунктов, оставляя главное неизменным.

Организации 1885–1887 гг. продолжали действовать всецело следуя программе ИК «Народной воли» 1879 г. Более того, в этот период наблюдалось развитие двух совершенно противоположных тенденций в России и эмиграции. Среди русских народовольцев усиливались террористические радикальные настроения, появлялись приверженцы систематического террора, писались памфлеты в защиту данного метода борьбы как единственно эффективного (Л. Штернберг «Политический террор в России»; В. Богораз «Борьба общественных сил в России»). В эмиграции настроения царили коренным образом противоположные. Заграничные революционеры

(в частности, П. Лавров, А. Н. Бах, затем Л. Тихомиров) призывали к возвращению на старые народнические пути к мирной пропаганде, считая террор причиной лишних жертв и усиления реакции. Их длительная оторванность от эпицентра революционных баталий с самодержавием создавала совершенное иное видение проблемы. Народовольцы находились в России в гуще революционных событий, испытывая на своих плечах реакционные меры царского правительства и все более ощущая необходимость быстрых и решительных действий.

В 1887 г. «Террористической фракцией партии “Народной воли”» было предпринято громкое, хотя и неудачное покушение на императора Александра III. Программа организации, написанная А. Ульяновым, по большей части, состояла из традиционных установок народовольцев, но уже заключала в себе некоторые новые элементы.

Подавляющее большинство советских исследователей склонялись к выводу о социал-демократическом характере документа или, в иных случаях, о его промежуточном состоянии от народничества к марксизму, что в определенной степени, по их заключению, являлось показателем времени²⁶. Однако, тщательный анализ программы «террористической фракции» позволяет несколько скорректировать устоявшуюся в советской историографии концепцию.

Как показал А. И. Ульянов на следствии (а именно из следственных материалов к нам дошел текст программы, восстановленный Ульяновым по памяти; напечатать его членам террористической фракции так и не удалось), программа состояла из двух частей – общей, ведущей изложение от лица «социалистической партии» и представляющий теоретические обоснования, и «специально-террористической»²⁷.

«По основным своим убеждениям мы – социалисты», – говорилось в первых строках документа, после которых следовали размышления на тему развития социализма и капитализма в России. «К социалистическому строю каждая страна приходит неизбежно, естественным ходом своего экономического развития; он является таким же необходимым результатом капиталистического производства..., насколько неизбежно развитие капитализма, раз страна вступила на путь денежного хозяйства», – писал А. Ульянов. Далее отмечалось, что шаг к социализму «возможен только как результат количественного или качественного увеличения силы и сознательности в рабочем

классе», и это положение являлось для советских ученых основанием для признания наличия ярко выраженных социал-демократических идей в первой части программы²⁸. Однако, исследователями не брались в рассмотрение следующие слова, расширяющие предыдущий тезис, о том, что «только через сознание и волю самого *народа* могут воплотиться в его жизни какие-либо принципы, и только известные экономические условия обуславливают прочную подготовку *народного сознания* к восприятию социалистических идей» (курсив мой. – Е. С.)²⁹. Таким образом, так называемому «рабочему классу» члены террористической фракции придавали, как и все революционные народники 1880-х годов, совершенно иной смысл, нежели он определялся позднее в идеологии русских марксистов. Не имея ничего общего с «пролетариатом», рабочие рассматривались лишь как часть народной массы, хотя и наиболее сознательная и лучше всего поддающаяся пропаганде.

Подробно исследовавший программу «Террористической фракции» И. А. Альтман, также пришел к выводу, что по своему общественному значению рабочий класс ставился в ней после крестьянства. Как существенный недостаток он выделял тот факт, что составители программы не смогли преодолеть основные народнические положения при характеристике крестьянской общины³⁰. Несмотря на слова о том, что «главные свои силы партия должна посвящать организации и воспитанию рабочего класса», авторы программы пока не считали возможным работать в этом направлении «при существующем политическом режиме в России»³¹.

В теоретических рассуждениях А. Ульянова о социализме, безусловно, прослеживается некоторое влияние идей основных социал-демократических работ, в частности, «Капитала» К. Маркса, с которыми автор был очень хорошо знаком. Его стремление привнести нечто новое в старую народническую программу с целью искания новых путей для сражения с самодержавием, повлекшее за собой наличие в документе некоторых еще до конца не структурированных идей совершенно иного революционного направления, ни в коей мере не отражало переход «Террористической фракции» на позиции марксизма (как хотелось бы видеть советским исследователям), поскольку сами эти позиции еще не успели выделиться из общей революционной среды в совершенно иное явление.

«Что же касается до социал-демократов, то наши разногласия с ними кажутся нам очень несущественными и лишь теоретически-

ми...», – писал А. Ульянов, и в целом был прав, поскольку в реалиях тогдашней русской действительности эти разногласия действительно существенными не были. Представители социал-демократов лишь начинали свою пропаганду, активно участвуя в революционных акциях совместно с народолюбцами, проходя с ними по одним и тем же делам, восставая перед лицом единого врага (о чем свидетельствуют многочисленные воспоминания современников). Их более четкое оформление в обособленное, а затем и противоборствующее народничеству политическое направление произойдет десятилетием позже, во второй половине 1890-х годов.

Собственно программные требования члены «Террористической фракции» изложили в восьми пунктах, которые заключали в себе: 1) постоянное народное представительство, избранное свободно прямой и всеобщей подачей голосов без различия пола, вероисповедания и национальности и имеющее полную власть во всех вопросах общественной жизни; 2) широкое местное самоуправление, обеспеченное выборностью должностей; 3) самостоятельность мира, как экономической и административной единицы; 4) полную свободу совести, слова, печати, сходок, ассоциаций и передвижений; 5) национализацию земли; 6) национализацию фабрик, заводов и всех вообще орудий; 7) замену постоянной армии земским ополчением; 8) даровое начальное обучение³². Таким образом, главным источником для А. Ульянова послужила программа ИК «Народной воли», которая в большинстве пунктов не подвергалась значительным редакционным изменениям. Некоторые же требования – о даровом начальном обучении, о свободе передвижений, – перекликались с программными документами группы «Освобождение труда» Г. Плеханова проекта 1884 г. и «Партии русских социал-демократов» Д. Благоева³³.

В «специально-террористической программе» давалось объяснение террора как результата столкновения правительства и интеллигенции по причине несоответствия «политического строя русского государства с прогрессивными, народническими стремлениями лучшей части русского общества» и выражалась уверенность в его несомненном успехе. В основу этой части программы составители положили многолетний опыт героической борьбы с самодержавием, считая, что он должен быть научно обоснован. Требования, которые ставились условием прекращения террористической борьбы, а именно: «1) полная свобода совести, слова, печати, сходок, ассоциаций и

передвижений; 2) созыв представителей от всего народа, выбранных свободно прямой и всеобщей подачей голосов, для пересмотра всех общественных и государственных форм жизни; 3) полная амнистия по всем государственным преступлениям прошлого времени, так как это были не преступления, а исполнение гражданского долга»³⁴, – были взяты из письма ИК Александру III. Как заметила А. И. Ульянова-Елизарова, значение террора было дано «почти в тех же выражениях, что и в программе “Народной воли”»³⁵.

Таким образом, несмотря на наличие в программном документе «Террористической фракции» некоторых веяний социал-демократического направления, в целом он представлял собой яркий образец революционно-народнических концепций, почти полностью повторяя лозунги ИК «Народной воли» и еще более усиливая и обостряя «террористический» элемент. Время для равноправного взаимодействия и противоборства в одной сравнительно небольшой группе идей народничества и марксизма к тому времени еще не наступило, а студенческий характер организации говорил скорее об эрудированной осведомленности ее участников в теориях освободительного движения, нежели о критическом пересмотре ими основных положений тогда еще незыблемой народнической доктрины.

К концу 80-х гг. XIX в. новые черты в идеологии революционно-го народничества начинают проявляться все чаще. Образовавшаяся в 1888 г. группа так называемых «социалистов-федералистов» опубликовала свою программу в № 1 журнала «Самоуправления», представлявшем собой прекрасный показатель пестроты мнений на фоне постепенно сдающего позиции народовольчества. И. И. Добровольский писал в № 2 «Самоуправления» о необходимости союза революционеров и либералов, чтобы революционное движение перестало быть сектантским. Революционная борьба за политическую свободу в объединении с либералами, по его мнению, «единственное теперь практическое дело». Вопрос тактики – временно обойти экономические проблемы. Главное сейчас «не в том, как мы, русские, будем устраивать Русскую землю на другой день после низвержения самодержавия, а в том, как нам поскорее добить это самое самодержавие»³⁶. Вообще же, толки о союзе революционеров и либералов, по словам Г. Плеханова, стали «модными» во второй половине 1880-х годов³⁷. Однако к тому моменту достаточных пожертвований для издания нелегального органа либералы так и не сделали, побоявшись

связать себя с революционными кругами и замысел «объединителей» не воплотился.

Помимо начавшей проявлять себя объединительной тенденции, в конце 1880-х годов усиливаются радикальные террористические настроения в среде как российских, так и зарубежных народовольцев. По выражению Н. Неймарка, идеология революционеров в эмиграции стала «маниакально проста»: в связи с невозможностью мирной пропаганды в народе, оставалась единственно допустимое средство – «уничтожить царя и систематически истреблять каждого представителя царской власти до тех пор, пока не настанет возможность работать в народе»³⁸. Один из членов цюрихского кружка народовольцев и его теоретик Семен Стояновский выразил идеи организации в простой формуле, содержащейся в наброске программы. При условиях существующей в России Александра III политической жизни, писал он, ни одна подпольная организация широты «Земли и воли» или «Народной воли» не в состоянии выжить. Следовательно, каждый отдельный революционер «должен направить свои силы на исполнение террора», присоединяясь к небольшим, изолированным группам или подобно-мыслящим террористам, чьей единственной целью является «совершение террористического акта»³⁹, что участники цюрихского кружка (И. Дембо, А. Дембский и др.) и пытались активно претворить в жизнь, изготавливая и испытывая разрывные снаряды.

В России выразителем остро-террористических взглядов в это время являлась организация Карла Кочаровского. «По основным своим убеждениям, мы социалисты и народники, – начиналась программа его кружка, повторяя первые слова основного документа ИК “Народной воли” 1879 года. – Мы думаем, что единственно социализм обеспечит наибольшее счастье для наибольшего количества людей, единственно обуславливает полное, всестороннее, гармоническое развитие личности, действительно осуществляет в жизни человечества великий девиз: “свобода, равенство и братство”. Мы полагаем, что только та реформа имеет все шансы и право на существование, которая предварительно прошла через сознание и волю народа. Благо народа и воля народа – вот две наши заповеди, вот та великая правда, за которую мы боремся»⁴⁰.

Относительно средств и методов их борьбы, программа определяла единственно эффективной систему политического террора с целью устрашения и деморализации правительства, вынуждающей

его на нужные им уступки. Результатом последовательной террористической деятельности народовольцы рассматривали только два исхода: первый заключался в том, что правительство немедленно пойдет на уступки, уменьшающие его силы и увеличивающие обаяние партии; второй – в усилении реакции, «которая при достаточной продолжительности террористических нападений не может не привести к ее абсурду и невозможности идти дальше, после чего снова последуют уступки, на этот раз более решительные и, быть может, сопровождаемые катастрофой». «Мы должны быть готовы и к первому, и ко второму исходу», – писали социалисты-народники⁴¹.

Таким образом, программный документ кружка К. Кочаровского, являясь по основным своим задачам и целям, в общем, народовольческим, уже обнаруживал в себе инородные оттенки, содержащие черты некоторого авантюрного экстремизма, никогда не покидавшего какую-то часть революционеров. Курс на создание рабочей социалистической партии и доведение систематики террора до масштабов национальной катастрофы, безусловно, уже не имели ничего общего с ортодоксальными установками «Народной Воли».

К началу 1890-х годов в России, несмотря на отсутствие единой партии, продолжали работу многочисленные народовольческие кружки по разным городам, хотя некоторый спад революционного движения в так называемую «эпоху безвременья», безусловно, наблюдался. Современники отмечали широкое распространение толстовства с лозунгом непротивления злу насилием, а также «государственного народничества», когда надежда на осуществление народных пожеланий переносилось с интеллигенции на самодержавное правительство. Так, к примеру, популярный писатель того времени В. Л. Приклонский горячо доказывал, что министры быстрее и лучше, чем кто бы то ни было, способны проводить реформы на благо народа (крестьянский банк, фабричная инспекция и т.п.)⁴².

Пробуждению общественного сознания и революционной активности интеллигенции способствовали печальные события голода и эпидемий, разразившиеся в России в 1891–1892 гг.

Одной из первых и наиболее ярко проявившихся черт в работе революционного подполья первой половины 90-х гг. XIX в. стала так называемая «объединительная» тенденция, которая начала проявлять себя еще в конце 1880-х годов в разных группах народовольческого направления. О слиянии революционных сил различных оттенков (чаще народовольцев и либералов), говорилось в программных

заявлениях социалистов-федералистов и их печатном органе «Самоуправление»⁴³; идею объединения с либералами выдвигала в 1889 г. С. М. Гинсбург⁴⁴; а также «террористы-конституционалисты» в своей газете «Свободная Россия» под редакцией В. Дебагория-Мокриевича и В. Л. Бурцева, где в 1889 г. они писали: «Искренний, честный товарищеский союз всех оппозиционных сил – злоба дня. Пора, давно пора бросить нам делиться на «Мы» и «Вы», на «либералов» и «революционеров», – теперь мы все либералы, теперь мы все революционеры, и никто не имеет права отказываться от долга и чести быть либералом и революционером»⁴⁵.

В 1890-е годы объединительная политика значительно расширила свой контингент. Неубедительные меры властей во время тяжелых для России событий 1891–1892 гг. навели революционные элементы на мысль о создании единого «национального фронта» против самодержавия, в котором стремились соединиться все существующие оппозиционные элементы, включая народников, народолюбцев, социал-демократов, либералов и всех сочувствующих. Требования во многом сходились, гневные речи перекликались, общие собрания с участием всех оппозиционных элементов активно входили в практику, и мысль о «национальном фронте» стала все чаще проноситься над головами мыслящей разночинной интеллигенции. Главным ее выдвигателем оказывалось в основном революционное народничество, либералы и социал-демократы присоединялись либо обособливались. На общих сходках велись горячие дебаты, устраивались совместные собрания с чтением нелегальной литературы, обменом мнениями и прениями по вопросам дальнейших действий. Наиболее известным подобным обществом стал, к примеру, кружок В. Г. Короленко и Н. Ф. Анненского в Нижнем Новгороде, шуточно названный «Обществом трезвых философов» и собиравший по 50–60 человек разной политической направленности, а также кружок М. Натансона в Саратове, образованный на базе знаменитого тогда в городе «Общества любителей изящных искусств».

На каком-то из таких собраний для обозначения объединительных настроений радикальной части интеллигенции даже был пущен в ход новых термин – «аллиансизм», хотя обозначал он по большей части тягу к союзу с либералами. Впоследствии он был забыт, и позднее ему на смену явился новый термин – «коалиционизм», а также более вульгарный синоним – «соглашательство»⁴⁶.

Объединительная тенденция 1890-х гг. коснулась знаменитого тогда тверского кружка В. П. Барыбина, провозглашавшего эту идею в гектографированном журнале «Союз»; московскую группу Н. М. Астырева и П. Ф. Николаева (последний настойчиво ратовал за альянс с либералами в своей «босаяцкой программе»); петербургскую «Группу народолюбцев», но самой яркой ее представительницей явилась партия «Народного права».

Другой немаловажной и довольно яркой особенностью революционного народничества первой половины 90-х годов XIX века стал пересмотр основных программ в рамках приоритета политических требований перед экономическими и социальными. «Я особенно подчеркиваю эту громадную заслугу “Народной Воли”: смело, раз навсегда, она покончила с ортодоксально-народническим предубеждением против требования политической свободы и поставила это последнее во главу угла своей программы», – писал О. В. Аптекман, считавший это явление новым этапом эволюции революционной мысли. Описывая события времен существования партии «Народного права», Аптекман добавил: «Сознание необходимости политической свободы в настоящее время представляется среди интеллигенции всеобщим»⁴⁷.

Поиски новых путей для борьбы привели часть революционеров к выводу о невозможности одновременного политического и экономического освобождения, заставив их сосредоточиться на достижении общенационального «политического раскрепощения страны»⁴⁸. Некоторые же организации, подобно партии «Народного права», использовали умеренную политическую программу в целях привлечения наибольшего количества оппозиционных сил в борьбе с самодержавием, и, делая довольно существенную ставку на либералов, опасались отпугнуть их радикальными требованиями.

Постановка экономических и социальных задач на второй план группами социал-революционного толка подвергалась резкой критике со стороны наиболее верных своей теории социал-демократов, считавших недостойным для них называться социалистами в принципе. В целом же энергичное развертывание социал-демократического учения в последнее десятилетие XIX века было еще одной из тенденцией того времени. В первой половине 1890-х годов марксистская идеология начинала уверенно набирать обороты. Все шире и интенсивнее в среде революционной интеллигенции распространялись идеи научного социализма. Изучением Маркса были поглощены

студенческие кружки. Среди молодежи шли горячие, неумолкаемые споры на темы: кто прав, марксисты или народники, развивается ли в России капитализм или нет и какими путями пойдет русская революция. «Это была пора так называемого “легального марксизма”, которому прологом была известная в свое время книга П. Струве “К вопросу о развитии капитализма в России”»⁴⁹.

Увеличение веса социал-демократии в революционном движении в России усилило ее влияние на другие направления оппозиционной общественной мысли, в том числе и на социалистов-революционеров. Это выражалось в смешанном характере их программных заявлений и тактических операций, в том числе в опоре на пролетариат в борьбе за политические свободы и в разочаровании в крестьянстве. Отдельные группы радикальной интеллигенции, которые появлялись в то время (народоправцы, не успевшая проявить себя группа «Протест» и, наконец, «Группа народолюбцев»), весьма показательно отражали общую тенденцию данного периода. С одной стороны, они приближались к народникам, с другой – к социал-демократам, представляя собой «наспех составленную эклектическую смесь в разных дозах и того и другого»⁵⁰.

В 1890-х годах пересмотрена была и тактика. Целая вереница организаций народолюбческого толка, включая и «Группу народолюбцев», и «Партию Народного права», умышленно отказались от тактики террора как не отвечающей настроениям времени и перешли к активной пропаганде и агитации; в 1890-е годы не было совершено ни одного террористического акта, хотя дебаты по вопросу о целесообразности и перспективности этого метода борьбы не умолкали; так что возникавшие в первые годы XX века эсеровские организации, без существенных колебаний восприняли и развили народолюбческое «террористическое наследие».

К концу 90-х годов XIX в. на смену революционным народническим организациям пришли неонароднические, заключавшие в себе, по определению О. В. Серова, одновременно черты и народничества, и социал-демократии. Рабочая партия политического освобождения России (РППОР), Южная партия социалистов-революционеров и Русская социал-демократическая партия, появились в условиях острой необходимости изменения стратегии и тактики политической борьбы, когда фабрично-заводской пролетариат подвергался воздействию террористической пропаганды гораздо сильнее, чем крестьянство. Несмотря на явное признание идейного родства с народничеством и

на то, что политический террор все еще оставался грозным оружием в арсенале борцов с самодержавием, указанные организации уже подчеркнуто не называли себя народниками и по-иному интерпретировали идеологию предшественников⁵¹.

В заключение следует отметить, что идеологические основы революционного народничества на протяжении двух последних десятилетий XIX столетия закономерно претерпевали определенные изменения. В тоже время весьма показательным является тот факт, что мировоззренческий принцип народничества и политической борьбы с самодержавием практически не подвергались сомнениям (основы программы ИК «Народной воли» 1879 г. оставались незыблемы и в работе «Молодой партии “Народной воли”», и «Террористической фракции», и групп конца 1880-х и начала 1890-х годов). Более того, определенные периоды отмечались подъемом народнических настроений (как, например, в начале 1890-х годов, во время голода и эпидемий в деревне). Вопрос же о революционных методах неоднократно пересматривался. Почти каждая вновь возникавшая в этот период народовольческая организация пыталась предложить свои способы борьбы с самодержавием. «Молодые» привнесли положения об аграрном и фабричном терроре как более понятном простому народу и оттого наиболее эффективном. Южно-русская организация Б. Оржиха говорила о терроре систематическом, идея которого подробно развивалась в программе А. И. Ульянова.

Конец 1880-х годов ознаменовал подъем радикальных настроений в России и эмиграции, нашедших отклик в организациях К. Кочаровского и И. Дембо. Однако в 1890-е годы не было совершено ни одного террористического акта, хотя споры о целесообразности политического убийства не утихали, затрагивая уже не только народовольцев, но и представителей иных оппозиционных направлений.

В первой половине последнего десятилетия XIX в. революционное народничество стало активным провозвестником идеи «национального фронта» против самодержавия (не получившей, впрочем, своего реального воплощения). Во второй половине 1890-х годов оно оказалось втянутым в бурную полемику с социал-демократами, вобрав в себя некоторые черты их идеологии и видоизменив свои установки, подстраиваясь под нужды текущего момента. В конечном итоге, это привело к возникновению на рубеже XIX–XX века неонароднических организаций, заключавших в себе черты обоих революционных направлений.

¹ Русанов Н. С. Идеинные основы «Народной воли» // Былое. 1907. № 9. С. 48.

² Там же.

³ Цит. по: Утопический социализм в России: Хрестоматия. М., 1985. С. 331.

⁴ Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении. М., 2000. С. 44.

⁵ Там же. С. 48; Русанов Н. С. Указ. соч. С. 72–73.

⁶ Цит. по: Фигнер В. Запечатленный труд. М., 1964. Т. 1. С. 399.

⁷ См.: Твардовская В. А. Н. А. Морозов в русском освободительном движении. М., 1983. С. 96–103.

⁸ Цит. по: Будницкий О. В. Указ. соч. С. 72.

⁹ Там же.

¹⁰ Письмо Н. А. Морозова «Павлу» (П. Б. Аксельроду) от 30 июня 1880 г. Цит по: Твардовская В. А. Н. А. Морозов... С. 99.

¹¹ Там же. С. 117.

¹² Цит. по: Будницкий О. В. Указ. соч. С. 75.

¹³ Попов И. И. Революционные организации в Петербурге в 1882–1885 гг. // Народовольцы после 1 марта 1881 г. Вып. I. М., 1928. С. 51–55.

¹⁴ Литература партии «Народной воли». М., 1930. С. 338.

¹⁵ Сайкин О. А. Из истории «Молодой партии “Народной воли”» // Ист. СССР. 1971. № 6. С. 72.

¹⁶ Попов И. И. Указ. соч. С. 69.

¹⁷ См.: Валк С. Н. Распорядительная комиссия и «Молодая партия “Народной воли”» // Каторга и ссылка. 1931. № 2. С. 123.

¹⁸ Цымрина Т. В. «Народная воля» после 1 марта 1881 года: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2000. С. 21.

¹⁹ Красный архив. 1930. № 1 (38). С. 74.

²⁰ Попов И. И. Указ. соч. С. 54.

²¹ Литература партии «Народная воля». С. 337.

²² Там же. С. 334–335.

²³ Цит. по: Валк С. Н. Молодая партия Народной воли // Проблемы марксизма. 1930. № 1. С. 111; Он же. Распорядительная Комиссия... С. 120.

²⁴ Там же.

²⁵ Подробнее см.: Валк С. Н. Молодая партия Народной воли. С. 105.

²⁶ Яковенко Е. И. О втором 1-е марта // Каторга и ссылка. 1927. Кн. 32. С. 24, 26; Альтман И. А. Программа группы А. И. Ульянова // Вопросы ист. 1977. № 4. С. 34.

²⁷ Программа террористической фракции партии «Народная воля» // Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М.; Л., 1927. С. 374–375.

²⁸ См.: Альтман И. А. Указ. соч. С. 35; Давыдов Л. Г. А. И. Ульянов и дело о покушении 1 марта 1887 года // Вопросы ист. 1968. № 5. С. 212–214; Осипов В. Старший брат // Правда. 1986. 12 апреля. С. 13.

²⁹ Программа террористической фракции партии «Народная воля». С. 374–375.

-
- ³⁰ *Альтман И. А.* Указ. соч. С. 41–42.
- ³¹ Программа террористической фракции партии «Народная воля». С. 379.
- ³² Там же. С. 376.
- ³³ См.: *Итенберг Б. С., Черняк А. Я.* Жизнь Александра Ульянова. М., 1966. С. 51.
- ³⁴ Программа террористической фракции партии «Народная воля». С. 379.
- ³⁵ Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года. С. 114.
- ³⁶ *Широкова В. В.* Газета «Самоуправление» // Вопросы ист. 1982. № 11. С. 181–182.
- ³⁷ Там же. С. 182.
- ³⁸ *Naimark N. M.* Terrorists and Social Democrats. London, 1983. P. 218.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Цит. по: *Спиридович А. И.* Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1916. С. 18–19.
- ⁴¹ Там же. С. 20.
- ⁴² *Александров М. С.* «Группа народовольцев» // Былое. 1906. № 11. С. 1–2.
- ⁴³ См.: *Широкова В. В.* Указ. соч. С. 182.
- ⁴⁴ *Naimark N. M.* Op. Cit. P. 221.
- ⁴⁵ Цит. по: *Слетов С.* К истории партии социалистов-революционеров. Петроград, 1917. С. 20.
- ⁴⁶ *Чернов В.* Записки социалиста-революционера. Книга первая. В годы безвременья (1889–1899). Берлин-Петербург-Москва, 1922. С. 194.
- ⁴⁷ *Аптекман О. В.* Партия «Народного права» // Былое. 1907. № 7. С. 177–181.
- ⁴⁸ *Чернов В.* Указ. соч. С. 173.
- ⁴⁹ *Куделли П.* Народовольцы на перепутье. Л., 1925. С. 5–6.
- ⁵⁰ Там же. С. 6.
- ⁵¹ См.: *Серов О. В.* Неонароднические организации в России на рубеже XIX–XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 1–30.

**От «малых дел» к широкой «культурной работе»:
эволюция народнической мысли в 1880-1890-е гг.**

80–90-е гг. XIX века вошли в историю русского народничества как эпоха «малых дел». Ее идейные творцы и выразители И. И. Каблиц, Л. Е. Оболенский, Я. В. Абрамов, В. П. Воронцов, С. Н. Кривенко призвали демократическую интеллигенцию к прекращению политической борьбы с самодержавием с тем, чтобы сосредоточить свои усилия на насущных вопросах народной жизни. Таковыми признавались тогда улучшение материального положения деревни и ее культурное развитие, т.е. приобщение «мужика» к благам современной цивилизации, пока доступным только образованным классам общества.

В исторической литературе отказ народников 1880-х гг. от попыток насильственного введения в стране социализма их временное «примирение» с самодержавием долгое время интерпретировались как упадок народничества, его вырождение в пошлый «культурнический оппортунизм». Лишь в 90-е гг. прошлого века усилиями главным образом Б. П. Балугева¹ и В. В. Зверева² с теории «малых дел» и культурно-просветительской практики правого народничества был снят ярлык «реакционности». В современные учебно-справочные издания вошли понятия «народники-культурники» и «культурническое» течение в народничестве последней трети XIX в.

Вместе с тем история «культурничества» как самостоятельного направления развития народнической мысли со своими специфическими общественными задачами, стратегией и тактикой общественных преобразований нуждается в дальнейшем изучении. Прежде всего, вызывает сомнение общепринятая интерпретация термина «культурничество» (то же, что «культуртрегерство» – от нем. Kulturträger – носитель культуры). Он был введен в оборот русскими марксистами еще в середине 1890-х гг. для обозначения сторонников народнической теории «малых дел» и до сих пор сохраняет эту узкую трактовку³. Но культурнические идеи зародились в народничестве еще в 1860-е гг.⁴ и непрерывно развивались вплоть до 1917 г., в том числе неонародниками. Поэтому всегда находились исследователи, доказывавшие, что народническое понимание «культурной

работы» шире теории «малых дел», получившей распространение в царствование императора Александра III⁵.

Проблема в том, что рубеже XIX–XX вв. народничество окончательно и бесповоротно становится на путь политической борьбы с самодержавием. Этот факт естественно позволяет предположить, что предшествующий период, когда преобладала культурническая идеология, был отступлением от общей тенденции в развитии народнической мысли. Так, по мнению ведущего специалиста по истории правого народничества В. В. Зверева, в противостоянии друг другу «культурников» и «политиков» «отчетливо проявились два различных подхода, как в оценке общего состояния российского общества, так и возможных перспектив его развития в будущем: или приспособление к новым условиям существования, или политическое реформирование страны с ориентацией на социалистический идеал»⁶. Иными словами, отстаиваемая Зверевым концепция эволюции позднего народничества отказывает народникам-культурникам в праве считаться продолжателями традиции русского общинного социализма.

Позиция современных исследователей в отношении культурнического течения в народничестве базируется на трех положениях: 1) идейно-теоретическим обоснованием пропагандируемой народниками «культурной работы» являлась т.н. теория «малых дел», а ее важнейшей составной частью – признание вступление России на путь капитализма; 2) достижение «общего блага» (как цели прогресса) культурники связывали не с реализацией социалистического идеала, а «улучшениями» на почве существующих общественных порядков, т.е. их критика капитализма не носила системного характера; 3) путь к социализму был возможен только через коренные преобразования самодержавно-бюрократического строя, за которые ратовали Н. К. Михайловский и его сторонники⁷.

Заметим, что главным источником тезиса о примирении культурников с капитализмом послужила одна из статей Я. В. Абрамова в «Неделе». В ней ведущий публицист газеты призывает интеллигенцию оставить споры «о невозможности укрепления капиталистических порядков в нашем отечестве» и обратить все внимание на то, чтобы «возможно более оградить население от печальных сторон этих порядков»⁸. Но разве другие народники (И. И. Каблиц, В. П. Воронцов, С. Н. Кривенко) разделяли это мнение? И разве признание факта проникновения капитализма в Россию «по воле царского

правительства» лишало их надежды на возможность в дальнейшем сойти с этого «ошибочного» пути?

Задача данной статьи – реконструкция истории культурнического течения в легальном народничестве с точки зрения ее внутренней эволюции от теории «малых дел» к теории «органической культурной работы»⁹. Как уже отмечалось, большинство исследователей эту эволюцию отрицает, т.к. рассматривает «малые дела» и «культурную работу» как тождественные понятия. Формально такой подход имеет право на существование. Те же Абрамов и Кривенко нередко употребляют эти термины как синонимы, однако, больше склоняясь к «культурной деятельности». Термины «малые» и даже «маленькие» дела, видимо, ввел в употребление Л. Е. Оболенский в самом начале 1880-х гг.¹⁰ А популярными их сделал Н. В. Шелгунов, полемизируя с Абрамовым на страницах журнала «Русская мысль» в конце 1880-х гг. Ясно, что различия между сторонниками «культурной работы» 1880-х гг. и органической «культурной деятельности» 1890-х гг. следует искать не в словах, а в их содержании, которое не оставалось неизменным.

Что такое «малые дела» в трактовке их первых теоретиков? Это та же культурническая деятельность только в ее узком понимании – как частная инициатива отдельных представителей образованного общества, впоследствии названных «культурными одиночками». В пик народофильства и сочувствовавшим им легальным народническим изданиям публицисты «Недели» и «Мысли» доказывали русской интеллигенции, что имеющиеся у нее политические идеалы ставили перед ней заведомо невыполнимые задачи, идущие дальше реальных потребностей русской жизни. Эти идеалы принуждали наиболее активную и сознательную часть общества «сидеть у моря и ждать погоды», вместо того, чтобы делать «маленькое», но практически полезное для народа дело.

Исходной посылкой для обоснования аполитизма «малых дел» послужила идея «органического» развития общества, усиленно пропагандируемая теоретиками правого народничества с конца 70-х гг. XIX века. В обобщенном виде теория «малых дел» сводится к трем ключевым положениям: 1) общественное развитие должно быть органичным; всякие насильственные скачки прогресса или регресса крайне опасны для здоровья социального организма; 2) для утверждения новых общественных форм необходимы соответствующие нравственные и культурные предпосылки, т.к. всякая общественная форма

коренится в идеях, привычках и чувствах людей и ими же держится; 3) главным условием культурных успехов является саморазвитие и самодеятельность основного населения страны, активное участие народа и общества в гражданской жизни страны.

«Мы, – пишет, например, Оболенский, – как нация, чересчур отставшая от других, поняли, когда проснулись, необходимость только усиленной прогрессивной работы, чтобы скорее догнать других. От этого мы и забыли другую сторону дела: статическую» (повседневные потребности общественного организма в питании, образовании и т.п., без чего невозможно его существование)¹¹. Было время, продолжает публицист, когда прогрессивная литература, желая пробудить дремавшие силы общества, смеялась над маленькими делами, называя их паллиативами. В итоге у нас «каждая мошка считает себя призванной вершить одни только великие дела!». Однако большинство общества состоит не из героев, а из обыкновенных средних людей, которым эти великие дела не по плечу. Поэтому отрицание «маленьких идеальчиков» привело не к признанию «больших» идеалов, а к совершенному отрицанию всяких. «Помилуйте, как же! Работать теперь, при существующем порядке... В этих словах, – замечает Оболенский, – все: и холопская лень, и холопская трусость, и холопские отговорки!». А все потому, что «мы белоручки, потому что мы ничего не умеем делать, потому что нам все даром: и наше образование, и наше общественное положение, и наши средства к жизни. Мы, как истинные лакеи, не будем работать черную работу: на это есть пониже нас, а мы состоим при господах – идеалах!»¹².

По убеждению Каблица и Оболенского – главных теоретиков правого фланга легального народничества в первой половине 1880-х гг. – интеллигенция должна была забыть свои планы опекунов над народом. Инстинкт заботы о «своем мужике», усвоенный «кающимися дворянами» (потомками прежних бар), за годы проведения крестьянской реформы мало-помалу выродился и заменился свободным договорным отношением. Теперь народу нужны не благодетели, а простые оплачиваемые работники, хорошо знающие свою специальность и не боящиеся серой, будничной работы. Их прямой долг и первейшая обязанность – вооружить простой народ «культурными» средствами борьбы за существование (образование, новейшая техника, интенсивное хозяйство), чтобы привести его к такому умственному и нравственному уровню, когда он сам будет в силах

справиться со своими экономическими и моральными «болезнями» и нуждами. Такие люди, уверял своих читателей народнический публицист, стали бы «героями расцвета народной жизни», «первыми пионерами, которые засыпят пропасть непонимания, какая лежит между народом и интеллигенцией, между миром мысли и миром земледельческого труда...». Больше от интеллигенции ничего не требовалось, т.к. если она все это выполнит, то «высшая культура придет само собой»¹³.

Философия изменения мира от частного к общему, от личного самосовершенствования к улучшению общественных форм – это, конечно, очередной самообман правонароднической интеллигенции. Но не больший, чем философия сторонников скороспелой политической реформы. Не случайно идея нового похода «в народ», но уже не с целью революционной пропаганды, а для осуществления программы «малых дел», обрела популярность вскоре после разгрома правительством «Народной воли» и закрытия политизированных «Отечественных записок».

Во второй половине 1880-х гг. ведущим идеологом «малых дел» становится Я. В. Абрамов. Он не был «пионером» этой теории, хотя ее нередко именуют «абрамовщиной». Основная заслуга Абрамова в том, что благодаря его агитации идеи развития существующих общественных форм путем их частных улучшений проникли в среду провинциальной либерально-демократической интеллигенции, так или иначе, способствуя ее объединению для решения практических задач народной жизни.

Именно Абрамов в 1885 г. на страницах газеты «Неделя» выдвинул лозунг о необходимости перемещения т.н. «безместной» (безработной) интеллигенции или «умственного пролетариата» из столиц и крупных городов в провинцию на «культурную работу»¹⁴. В данном случае под ней подразумевалась конкретная деятельность по удовлетворению неотложных потребностей народа. Деревне, постоянно внушал публицист своим читателям, нужны были не «герои», а «простые» интеллигентные труженики (учитель, врач, акушерка, ветеринар, адвокат, агроном), хорошо знающие свою специальность и не боящиеся серой, будничной работы. Никакого геройства тут действительно не требовалось, ибо главным препятствием к успешной созидательной деятельности в народе являлись не стесненные властью «внешние условия», а отсутствие навыков правильной

организации и ведения дела и обязательной для его успеха веры в собственные силы¹⁵.

Заметим, что Абрамов одним из первых обратил внимание на то, что «культурной работой» надо заниматься системно и повсеместно. Для этого публицист рекомендовал интеллигенции идти на службу в земские учреждения, специально созданные правительством для разрешения местных вопросов силами самого общества. С момента своего возникновения земские учреждения стали главным «убежищем» либерально-демократической интеллигенции, желавшей служить не царю, а народу. Однако в «героические» 60–70-е годы XIX в. (во многом под влиянием революционной пропаганды) деятельность органов местного самоуправления считалась мизерной и бесплодной, т.к. она не могла избавить трудящиеся массы от «общих» причин их страданий. Лишь полное разочарование в первой половине 1880-х гг. в идее быстрого и радикального решения проблемы народа, заставила значительную часть разночинной интеллигенции отказаться от социального утопизма и перейти к вопросу об организации помощи миллионам крестьян в их повседневной борьбе за существование. В литературе о позднем народничестве этот поначалу тихий и малозаметный процесс по перемещению т.н. «трудовой» интеллигенции из столиц в провинцию получил громкое название «второго хождения в народ»¹⁶, хотя точнее было бы называть его «хождением в земство». Конечно, в 80-е гг. XIX в. народническое направление было не единственным среди земских служащих, но зато самым широким¹⁷.

Работе органов местного самоуправления Абрамов посвятил целую серию очерков в «Неделе» и «Русской мысли», стремясь доказать, что ее умелая организация могла бы значительно облегчить передвижение интеллигентных сил из центров в глушь и сделать их труд более плодотворным. Земства он рассматривал в качестве своеобразного форпоста, где будут концентрироваться необходимые силы для борьбы «с представителями своекорыстия и личных интересов»¹⁸.

Статьи Абрамова с обоснованием культурнической программы деятельности интеллигенции принесли ему всероссийскую известность. Тираж «Недели» к середине 1890-х гг. вырос в два раза (до 15 тыс. чел.)¹⁹. Оппоненты Абрамова из демократического лагеря все-речь опасались, что это новое движение «в народ» может отвлечь интеллигенцию от действительно важных и неотложных задач,

стоящих перед русской жизнью. Например, Шелгунов открыто обвинял Абрамова в примирении с действительностью, узком практицизме (в ущерб идейности) и, наконец, в создании культа людей средних, исполнительских способностей («маленьких деятелей»), свободных от «обязанности» стать героями своего времени, которым были по плечу «великие» дела и задачи²⁰. По убеждению Шелгунова, все это было равносильно призыву к самоуничтожению общественной интеллигенции, смысл существования которой в осуществлении идеи радикальных общественных преобразований²¹.

Сторонники «малых дел», разумеется, не верили в возможность радикального исцеления человечества при жизни современного им поколения. Всеисцеляющим идеалам они предпочитали насущные (читай, паллиативные) средства помощи народу, которые могли исцелить только его насущные недуги. Но означало ли это, что они отрицали значение социалистического идеала как путеводной звезды, освещающей общее направление развития человечества. Думаем, что нет.

Все идеологи легального народничества 1880-х гг., включая Каблицу, Оболенского и Абрамова, признавали социально справедливым только такой общественный строй, при котором отсутствовала эксплуатация человека человеком. Все они (и в этом главное отличие народнического сознания от национального) во главу угла общественной и государственной жизни страны ставили интересы простого (физически трудящегося) народа, противопоставляя их интересам т.н. привилегированных классов, занятых умственным трудом. Иными словами, все народники-реформисты (сторонники не только «больших», но и «малых» дел) мечтали об установлении самодержавия народа, о превращении его в главную движущую силу истории (т.е. о демократизации экономической, политической и культурной жизни страны).

Если принять во внимание эти хорошо известные факты, то можно предположить, что главное различие между основными народническими фракциями 1880–1890-х гг. состояло в тактике подготовки и проведения общественных преобразований страны.

Политические радикалы «Отечественных записок» и «Дела», возглавляемые Н. К. Михайловским и Н. В. Шелгуновым, составили ядро «критического» народничества конца 1870-х – первой половины 1880-х гг. Их формула действий – «все для народа, но посредством лучшей его части – интеллигенции» основывалась на

неготовности масс вступить на путь самостоятельных общественных преобразований. Взяв на себя роль руководителя и наставника народа, левые народники рассчитывали пробудить его сознание только после того, как для этого будут созданы благоприятные внешние условия. Под ними тогда понималось ограничение самодержавия и предоставление интеллигенции широких политических свобод.

Второе направление объединяло народников «Недели», «Мысли» и «Русского богатства» Оболенского. Их «исповеданием веры» стала книга Каблица-Юзова «Социологические очерки. Основы народничества» (СПб., 1882). Позиция «Недели» по отношению к практическим задачам демократической интеллигенции сводилась к старой народнической формуле «все для народа и через народ». Не случайно единомышленников Каблица чаще всего называли «ортодоксальными» народниками. Только в отличие от народников 1870-х гг. восьмидесятники предлагали интеллигенции опроститься («опуститься» до народа), чтобы яснее сформулировать идеи, вытекающие из чувств и настроений массы, т.е. сосредоточиться на программе «будничного дня» (удовлетворении первоочередных нужд народа).

Фактически речь идет о двух противоположных типах общественных преобразований – политическом и социальном. «Политики» делают ставку на инновационное развитие за счет внешних заимствований. Специфические черты их программы общественных преобразований – политицизм, элитаризм и этатизм, т.е. признание решающего значения за политической надстройкой. «Социальщики» ориентируются на органическое развитие общества, т.е. на его внутренние возможности. Поэтому этот подход характеризуют аполитизм, популизм и признание необходимости развития самостоятельности трудящихся масс.

Почему же легальные народники так и не смогли соединить «идейность» и «практицизм» в такую программу общественных преобразований, в которой «малые дела» выступали бы не антитезой «больших дел», а их обязательным компонентом? Дело в том, что примерно с рубежа 1870–1880-х гг. в народническом лагере начинает формироваться еще одно идейно-тактическое направление, пытавшееся занять промежуточную позицию между правыми и левыми народниками. Речь идет об организованных С. Н. Кривенко артельных народнических журналах «Русское богатство», «Слово» и «Устой». Программные установки этих изданий свидетельствуют о том, что они отстаивали центристский (социально-политический) тип

общественных преобразований. Его отличали умеренность, компромиссность, прагматизм (отказ от идеологической борьбы в пользу решения насущных общественных проблем), а также стремление к обеспечению баланса интересов всех социальных групп на почве служения народу. В первой половине 1890-х гг., когда народничество вошло в полосу серьезного идейного и организационного кризиса, Кривенко и его единомышленники, из которых следует особо выделить В. П. Воронцова, предприняли попытку консолидировать все «здоровые» силы народничества в специально купленном для этого журнале «Русское богатство».

В исторической литературе и Воронцов, и Кривенко по традиции причисляются к идеологам «малых дел». Однако они ни в 1880-е, ни в 1890-е гг. не разделяли надежд публицистов «Недели» на то, что коренные основы общежития может изменить сознательное и честное выполнение трудовой интеллигенцией ее профессиональных обязанностей. Оба народника всегда признавали большое значение для успешной общественной деятельности широких демократических идеалов. Потеря идеи общих преобразований общественного строя России, писал Кривенко, изолировала культурных работников друг от друга, превращая их деятельность в «заплатывание худого кафтана, который будет пороться в других местах»²².

Новое понимание задач культурнического народничества было озвучено Воронцовым на страницах «Русского богатства» в 1892 г. Его программа действий опиралась на три положения: «народные интересы, как цель; формы, вырабатываемые коллективной мыслью народа или другие, соответствующие его желаниям, как средство; и самодеятельность населения, как рычаг общественной эволюции». Осуществление этих «благих пожеланий» русского народничества, точнее его среднего течения, по убеждению Воронцова, требовало «умственного подъема массы», который он и определял в качестве главной задачи переживаемого момента²³. Другими словами, под народничеством Воронцов понимал временное движение среди интеллигенции, которое имело смысл до тех пор, пока привилегированное общество являлось главным фактором общественной эволюции России, а его интеллигенция – «авангардом прогрессивного движения». Но оно должно было потерять смысл своего существования после того, как народные массы приобщатся к сознательному участию в прогрессивном развитии страны²⁴.

Каблица Воронцов характеризует как «крайнего представителя» народнической мысли, учение которого требует поправок и дополнений. Он, в частности, критикует недооценку автором «Основ народничества» роли в поступательном развитии общества науки и знания²⁵. В то же время Воронцов отмежевывается и от представителей политического радикализма во главе с Михайловским, т.к. эта часть интеллигенции «не поняла существеннейшего смысла реформы (1861 г. – Г. М.), заключающегося в устранении пут, связывавших самостоятельность народа; не заметила той перемены в чувствах и мирозерцании массы, которая превращает прежнего раба в свободного гражданина, ищущего не опеки, а свободного развития... Ей кажется, что ничего этого в мужике еще нет, что крестьянин продолжает оставаться взрослым ребенком, которого нужно оберегать, учить, водить на помочах, но который неспособен к самостоятельному шагу...; она решается, как в эпоху рабства народа, все бремя прогресса держать на своих плечах»²⁶.

По убеждению самого Воронцова, успешную борьбу за изменение существующего общественно-политического строя мог вести только народ. Поэтому основная масса интеллигенции должна была идти в деревню для воспитания из крестьянской среды новой социокультурной силы, а после пробуждения политического сознания масс заняться их политической организацией. То есть, необходимость политических преобразований не отрицалась, но для ее успеха требовались определенные социокультурные предпосылки, в том числе разрушение «монархических иллюзий» крестьянства. Поэтому пока следовало ограничиться пропагандой идеи ограничения самодержавия в образованном обществе, для чего было достаточно одной печати²⁷.

В начале 90-х гг. XIX в. существенный вклад в развитие теории «органической культурной работы» внес и Кривенко. Всецело поддерживая земство и «культурных одиночек» в их борьбе за просвещение народа и повышение его благосостояния, он не придавал этим общекультурным мероприятиям самодовлеющего значения. По мнению этого народнического теоретика, новый общественный строй должен был подготавливаться в недрах старого путем проведения в жизнь отдельных его начал (физический труд, экономическая солидарность, сочувствие к общему благу, общественное самоуправление и т.д.). Для этой цели публицист рекомендовал интеллигенции заведение образцовых сельскохозяйственных и промышленных артелей

и земледельческих общин, чем он сам активно занимался в 1870-е гг. Со временем успехи, достигнутые в ходе этих социальных экспериментов прогрессивной русской интеллигенции, могли послужить примером для остального населения страны²⁸.

В общем виде разрабатываемая Кривенко общественная программа включала два уровня: общекультурные мероприятия, охватывающие экономическую, правовую и духовную жизнь народа и направленные на поднятие общей сознательности населения и увеличение его благосостояния (она была рассчитана на людей «обычной меры» или, «среднего типа», как называли их теоретики «малых дел»); и высшую ступень для деятелей, которые осознают необходимость радикальных общественных преобразований и готовы посвятить свою жизнь борьбе за их практическое осуществление²⁹.

Для сближения разрозненных интеллигентских сил Кривенко решительно отказывался навязывать общественному мнению какой-либо образец «единственно верного» метода деятельности. «Ко всяким исканиям новых путей, – писал на страницах «Русского богатства» Кривенко, – следует... относиться, прежде всего, с терпимостью». Каждый должен был делать для народа все, что может, стараясь сделать возможно больше и привлекая к своей деятельности других, так как только занимаясь реальным практическим делом большинство людей может научиться возводить частные факты к общим причинам и тем самым лучше понять, в чем состоят истинные причины «зла» и как с ними бороться дальше³⁰. Действуя таким образом, «люди, идущие от частного к общему (от «малых» дел к «большим». – Г. М.), нисколько не мешают людям, идущим от общего к частному». Наоборот, при разъединении практиков, занятых конкретным делом, и теоретиков, стремящихся к постановке широких общественных задач, происходит «двойная потеря сил»³¹.

В целом предложенная Воронцовым и Кривенко программа консолидации народнической интеллигенции выглядела вполне обоснованной и привлекательной. Она учитывала неудачный опыт народнического движения в 1870–1880-х гг., связывая его незначительные результаты с расколом народников на две фракции: «крестьянофильскую» и «интеллигентскую». Новая стратегия борьбы за народнические идеалы основывалась на базе вполне конструктивных идей:

– отказ от непосредственного введения в России социализма из-за отсутствия для него социокультурных предпосылок (способности народа стать движущей силой этого процесса);

– необходимость первоочередного удовлетворения действительных нужд и потребностей основного населения страны как реально-го пути сближения демократической интеллигенции с трудящимися массами;

– развитие самодеятельности народа и общества (как основной движущей силы прогресса) при помощи системы экономических и культурно-просветительских мероприятий;

– опора на трудовую интеллигенцию (врачи, учителя, агрономы, технологи, ветеринары и т.д.), а не только на «критически мыслящих личностей»;

– конструктивная оппозиция правящей власти, позволяющая использовать ее потенциал для подготовки радикальных социальных преобразований.

Отказ от насилия (в различных его формах) как способа ускорения истории в пользу идеи непрерывно-поступательного развития общества означал, что народничество вступило в стадию духовной зрелости. Его теоретики начинают мыслить в масштабах всего общества, т.е. пытаются примирить свои представления о демократии и социализме с наличными нуждами и потребностями всех «заинтересованных» сторон.

С другой стороны нельзя не заметить умеренности политической платформы идеологов «среднего» течения в народничестве. В их программе преобразований отсутствовали даже намеки на необходимость политической борьбы с самодержавием, даже легальными средствами. С этой точки зрения Воронцов и Кривенко были гораздо ближе к правому крылу народничества, чем к левому. И, видимо, это обстоятельство и послужило главной причиной раскола в 1894 г. редакции «Русского богатства» (выходу из нее умеренных народников во главе с Кривенко), положившего начало распаду всего легально-народнического лагеря.

Итак, почему же в середине 1890-х гг. центробежные силы в правом народничестве взяли верх над центростремительными? Историки, как правило, решают этот вопрос с позиции народников-политиков, которые остались в «Русском богатстве» и впоследствии внесли весомый вклад в становление идеологии неонародничества. «Отщепившиеся сотрудники, – сообщал Михайловский в письме Н. С. Русанову, – слишком уж гнули кто в сторону “маленьких дел” и “светлых явлений”, кто в сторону народничества на подкладке экономического материализма, т.е. с фырканием по адресу политики».

По глубокому убеждению Михайловского, роковая ошибка всех сторонников принципа «все для народа и только через народ» состояла в том, что социально-экономические преобразования страны они, часто сами того не желая, ставили впереди политических. Прямо о необходимости свержения самодержавия как первоочередной задачи русской жизни он, разумеется, писать не мог. Однако эта позиция духовного лидера позднего народничества хорошо известна, например, по воспоминаниям П. П. Перцова. «В том-то и беда, – говорил ему Михайловский в одной из частных бесед, – что эта идея далеко не пользуется таким признанием, как в свое время идея освобождения крестьян. Многие сомневаются и даже отвергают ее... Поэтому мы так и слабы»³².

Но есть и другая точка зрения на причины кризиса народничества 1890-х гг., впервые изложенная Воронцовым – главным теоретиком журнала «Новое слово», где после выхода из «Русского богатства» обосновались умеренные народники. По мнению Воронцова, с 70-х гг. XIX в. существенным пунктом, разделяющим «народников»³³ и «политиков», был вопрос о последовательности изменения социальных и политических форм общественного быта. Сам Воронцов считал его второстепенным, т.к., с одной стороны, «ничто не мешает изменяться им одновременно, а с другой, – может ли кто-нибудь утверждать, что эти течения сами по себе в силах изменить какую-нибудь из них». Действительные разногласия, по убеждению публициста, касались вопроса о том, на какую среду должно быть «преимущественно» направлено просветительское воздействие интеллигенции (на город или деревню) и что должно составлять ее главную (но не единственную) задачу по отношению к культурному обществу: «подчеркивание давно ему известных недостатков общественного строения или возбуждение в нем критического отношения к самому себе и к своей пассивности?»³⁴. Интересен также более поздний тезис Воронцова о «политической незрелости» крестьянства и демократической интеллигенции, которые вплоть до начала XX века свято верили в простые решения (по мановению царя или захватившей власть радикальной партии) запутанных социальных вопросов пореформенной русской жизни³⁵. Иначе говоря, Воронцов уличал своих оппонентов из «Русского богатства» в узости и незрелости их политических взглядов, т.е. в политиканстве.

Очевидно, что решение данной проблемы возможно, если исследователи выйдут за рамки народнического дискурса, т.е. перестанут

делить народников на «правых» и «заблуждающихся», и обратятся к изучению общих закономерностей развития народнической мысли. С этой точки зрения, может быть очень полезным т.н. социокультурный подход. Он основан на изучении взаимосвязи между способами общественных изменений и самосознанием их субъектов. Главное преимущество данного подхода в том, что он позволяет реконструировать механизм идейной эволюции правого народничества и его движущие силы.

В соответствии с социокультурным подходом история легального народничества предстает как результат взаимодействия двух ведущих идейно-тактических направлений (социального и политического), находящихся между собой в диалектическом противоречии, как тезис и антитезис. При этом существовало два основных способа их снятия: инверсия и медиация.

Инверсионную логику мышления характеризует монизм, т.е., признание возможности существования только одной (истинной) точки зрения. Мысль движется от тезиса к антитезису и обратно (наподобие маятника), образуя так называемые инверсионные циклы развития. В истории правого народничества это последовательная смена аполитизма политикой. Всего за 1870–1890-е гг. было пройдено два таких цикла. Медиация есть способ развития, основанный на синтезе, примирении противоположностей, их взаимопроникновении, которое обеспечивает выход за рамки сложившихся дуальных оппозиций и возникновение «срединной культуры». В легальном народничестве роль медиатора пытались играть идеологи органической «культурной работы», основанной на социально-политической концепции общественных преобразований. Переход от инверсии к медиации отражает развитие самосознания социальной группы (ее идеологии), в нашем случае народнической интеллигенции. А сам процесс подчиняется основному социокультурному закону развития общества, по которому процессы интеграции и дезинтеграции идут параллельно друг другу³⁶. Иначе развитие просто прекращалось.

Таким образом, распад легально-народнического лагеря во второй половине 1890-х годов означал, что инверсионная логика мышления, а именно вера в существование единственно возможного способа решения народного вопроса, взяла верх над идеей консолидации различных групп отечественной интеллигенции и народа. Слишком сильна еще была надежда создать сразу внешние условия,

необходимые для человеческого счастья, минуя главный источник культурных успехов – кропотливую сознательную деятельность общества и народа в области своего благосостояния. В этом проявилось отсутствие у русской интеллигенции культурности в европейском смысле этого слова³⁷.

В заключении еще раз отметим, что «культурничество» идеологов правого народничества не может сводиться к одной социальной работе в массах в отрыве от политики, т.е. к узкому его значению. Как писал в 1906 г. известный русский марксист А. Н. Потресов, широкое культурническое движение, охватившее общество после голода 1891–1892 гг., подняло «новью» (в смысле просвещения народа) и дало «начатки политического воспитания масс культурных работников». По этой причине его нельзя было смешивать с «малыми делами» публицистов «Недели» – порождением реакции 80-х гг. XIX века³⁸. Благодаря разработке нового, синтетического, надпартийного типа мышления и действия «культурная работа» стала рассматриваться как лучшее вспомогательное средство к общей работе по обновлению социального и политического строя, осуществляемой совместными усилиями народа и интеллигенции.

Все это позволяет сделать вывод о том, что идеология широкой «культурной работы» 1890-х гг. – не побочная ветвь развития народнической мысли. Это существенный шаг вперед по пути преодоления противоречий между задачами культурно-просветительской работы в народе и борьбой за осуществление социалистического идеала. Только этот шаг был сделан в области теоретической мысли, а на практике верх взяли совсем другие идеи.

¹ *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995.

² *Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997.

³ В самом популярном современном толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова «культурничество» определяется как «культурно-просветительская работа в массах в отрыве от политики». См.: Толковый словарь русского языка. М., 2000. Т. 1. Стб. 1546.

⁴ В 1860-е годы во многом под влиянием романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» возникли первые интеллигентские артели и общины. Их члены намеривались произвести ряд социальных опытов по практической разработке идеала общечеловеческого счастья, достигаемого путем труда, без эксплуатации человека человеком.

⁵ [Максимов Е. Д.] Слобожанин М. К вопросу о культурной работе в ее историческом развитии // Жизнь для всех. 1909. № 12. Стб. 51; Харламов В. И. О периодизации истории либерального народничества в России (Постановка вопроса, литература, задачи изучения) // Проблемы истории СССР. М., 1979. Вып. 10. С. 110.

⁶ Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. С. 363–365.

⁷ См.: Канаева Т. М. Газета «Неделя» в общественном движении пореформенной России (1875–1893): автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1981. С. 14; Оболенский А. В. Драма российской политической истории: система против личности. М., 1994. С. 182–185; Новак С. Я. Я. В. Абрамов – пионер «теории малых дел» // Отечественная история. 1997. № 4. С. 83–84; Зверев В. В. Народничество // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 327.

⁸ [Абрамов Я. В.] Наш капитализм // Неделя. 1886. № 47. Стб. 1547.

⁹ Термин «органическая культурная работа» принадлежит Е. Д. Максиму. См.: [Максимов Е. Д.] Слобожанин М. Указ. соч. Стб. 45.

¹⁰ [Оболенский Л. Е.] N. N. Возможно ли работать только для прогресса // Мысль. 1880. № 12. С. 242, 243.

¹¹ Там же. С. 245.

¹² Там же. С. 242–243; [Оболенский Л. Е.] Л. О. Обзор руководящих идей нашей печати в 1881 году // Мысль. 1882. № 2. С. 288.

¹³ [Оболенский Л. Е.] ...енск... Внутреннее обозрение // Русское богатство. 1884. № 4. С. 172–176.

¹⁴ [Абрамов Я. В.] Правда ли, что нет дела? // Неделя. 1885. № 32.

¹⁵ Абрамов Я. Геройство и безделие // Неделя. 1894. № 37. Стб. 1181.

¹⁶ Харламов В. И. Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70-х – 80-х годах XIX в. // Революционеры и либералы России: Сб. ст. М., 1990. С. 177, 180; Балуев Б. П. Споры в конце XIX века о роли интеллигенции в исторических судьбах России // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996. С. 316–317; Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. С. 273.

¹⁷ Пирумова Н. М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе. М., 1986. С. 103.

¹⁸ [Абрамов Я. В.] Самоуправление и интеллигенция // Неделя. 1885. № 40. Стб. 1379.

¹⁹ С. 334.

²⁰ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. СПб., 1909. Т. 6. Стб. 771–773.

²¹ [Шелгунов Н. В.] Н. Ш. Очерки русской жизни // Русская мысль. 1889. № 2. С. 204–205; 1889. №. 11. С. 156, 160, 171; 1890. № 1. С. 186, 190–191.

²² Кривенко С. По поводу культурных одиночек // Русское богатство. 1893. № 12. С. 174.

²³ Цит. по: [Воронцов В. П.] В. В. Наши направления. СПб., 1893. С. 7.

²⁴ Там же.

²⁵ Цит. по: [Воронцов В. П.] Народничество Юзова и В. Пругавина // [Воронцов В. П.] В. В. От семидесятых годов к девятисотым: Сб. ст. СПб., 1907. С. 64, 75–76.

²⁶ [Воронцов В. П.] В. В. Наши направления. С. 95.

²⁷ Там же. С. 108, 111, 196, 208 и др.

²⁸ Кривенко С. Н. На распутье. Культурные скиты и культурные одиночки в деревне. СПб., 1895. С. 4.

²⁹ Подробнее см.: Мокшин Г. Н. Идеи и жизнь «артельного человека» С. Н. Кривенко (1847–1906). Воронеж, 2012. Гл. 3. § 3. «Культурная работа» и «малые дела».

³⁰ Кривенко С. По поводу культурных одиночек. С. 171.

³¹ Там же. С. 173, 174.

³² Перцов П. Литературные воспоминания. 1890–1902 гг. М.; Л., 1933. С. 81.

³³ В 1893 г. Н. К. Михайловский и его сторонники официально отреклись от именования себя народниками, чтобы его не ставили в один ряд с И. И. Каблицем и В. П. Воронцовым. Поэтому в 1890-е гг. главным форпостом народничества становится журнал «Новое слово» (1895–1897). См.: Южаков С. Н. Народничество // Большая энциклопедия. СПб., 1896. Т. 13. С. 658.

³⁴ [Воронцов В. П.] В. В. «Этико-социологи». Письмо в редакцию «Нового слова» // [Воронцов В. П.] В. В. От семидесятых годов к девятисотым. С. 112.

³⁵ Там же. С. 15–17, 174–178.

³⁶ Подробнее см.: Ахиезер А. С. Россия: Критика исторического опыта: в 3 т. М., 1991. Т. 3. С. 371.

³⁷ Сементковский Р. И. Культура и подвижничество // Исторический вестник. 1895. № 6. С. 790; Овсянко-Куликовский Д. Н. Собр. соч. М., 1924. Т. 9. С. 134, 173.

³⁸ [Потресов А. Н.] Старовер. Этюды о русской интеллигенции: сб. ст. СПб., 1906. С. 172.

Литературные воспоминания Л. Е. Оболенского как источник по истории народничества

Леонид Егорович Оболенский (1845–1906) принадлежал к писателям и общественным деятелям народнической ориентации. Современным исследователям он больше известен как редактор журналов «Мысль» (1880–1882) и «Русское богатство» (1883–1891). Но Оболенский был не только плодовитым публицистом и журналистом. Он оставил после себя интересные воспоминания о литературно-общественном движении 60–80-х гг. XIX в., которые могут быть использованы не только для изучения его биографии, но и как ценный источник по истории становления и эволюции «классического» русского народничества.

Надо сказать, что в литературе о народничестве 1870–90-х гг. имя Оболенского упоминается очень редко¹. Дружба с народником крайне правого толка И. И. Каблицем-Юзовым и полемика с «апостолом истины и справедливости» Н. К. Михайловским не способствовали росту его популярности как теоретика легального народничества. А между тем именно Оболенский одним из первых попытался примирить крайности названных теоретиков, предложив доктрину «синтетического народничества»².

К мысли о написании мемуаров Л. Е. Оболенского, вероятно, подтолкнул С. А. Венгеров. В 1898 г. по его просьбе публицист составил свою автобиографию для знаменитого «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых»³. А уже в 1902 г. в первых четырех номерах «Исторического вестника» увидели свет «Литературные воспоминания и характеристики» Оболенского, охватившие значительный период из истории русской общественности: царствования Александра II и Александра III.

В предисловии к своим воспоминаниям Оболенский признается, что с конца 1878 г., когда он перебрался из провинции в Петербург, у него «не было иной жизни, кроме литературной, не было иной среды, кроме писательской». И за эти 22 года накопилось так много «впечатлений и выводов», что возникло естественное желание поделиться ими с читателями. При этом Оболенский, видимо, чтобы произвести впечатление матерого «литературного волка», добавляет,

что не может сообщить читателям обо всех своих «столкновениях» с другими писателями, «находящимися еще в живых», чтобы не шокировать ни их, ни публику⁴.

По хронологии мемуары Оболенского можно разделить на три части: 1850–70-е гг., конец 1870-х – начало 1880-х гг. и середина 1880-х – начало 1890-х гг. В первой части (очерки I–VI) он рассказывает о своей учебе в Орловской гимназии, о сближении с участниками подпольных московских кружков 1860-х гг. и о начале собственной литературной деятельности. Вторая часть посвящена его участию в литературно-общественной жизни С.-Петербурга на рубеже 70–80-х гг. XIX в. (очерки VII–XV). Судя по воспоминаниям Оболенского, он был лично знаком с Плещеевым, Салтыковым, Достоевским, Тургеневым, Успенским, Лесковым, Надсоном, Гаршиным, Терпигоревым и мн. др. писателями пореформенной эпохи, неравнодушными к судьбам народа и интеллигенции. Третью часть (очерки XVI–XVII) Оболенский отводит описанию своих встреч и бесед с Л. Н. Толстым. Такой «честь» великий русский писатель удостоился, прежде всего, по причине близости его духовно-нравственных исканий к философии самого Оболенского. Так, кстати, считал и сам Толстой, опубликовавший в «Русском богатстве» некоторые свои статьи.

Мемуары Оболенского начинаются со времени его отъезда в 1854 г. из Малоархангельска, где он родился и провел детские годы, в Орел, в местную гимназию. Для будущего народника первые годы «нашей русской весны» стали временем формирования в нем «духа протеста» против отживших свой век дореформенных порядков, царивших и в учебных заведениях⁵.

После окончания в 1860 г. 6 класса гимназии Оболенский переходит в частный пансион И. Ф. Рашевского в Харькове для подготовки к поступлению в университет⁶. В автобиографии Оболенский называет 1860/61 годы переломными в своей жизни. Еще в Харькове он вместо забот об экзаменах «очутился в кружке очень горячих студентов». Возвращаясь в родной Малоархангельск, он прошел пешком более 300 верст, ночуя у крестьян и изучая их быт. Видимо, именно тогда в дворянине Оболенском пробудилась любовь к простому народу и желание послужить ему в качестве врача. Впрочем, учебу в Медико-хирургической академии в Петербурге ему пришлось оставить из-за невозможности «вынести занятий над трупами»⁷.

Весной 1862 г. Оболенский перебирается из Петербурга в Москву, где два с половиной года слушает лекции на юридическом факультете Московского университета. Но учился он не очень прилежно, т.к. большую часть времени проводил в студенческих кружках. Зато, по признанию самого писателя, все движение тогдашней молодежи прошла на его глазах⁸.

В своих мемуарах Оболенский описывает историю одного из кружков, члены которого, подражая Рахметову из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать», поселились зимой в плохо отапливаемой садовой беседке, спали «вповалку» на полу, ели один хлеб с кусками говядины, пока у них не развилась болезнь желудка, – и все ради принципа, внушенного молодежи тогдашней «передовой» литературой. Это был принцип долга народу образованных классов, т.е. осознание того, что они и их дворянские предки в течение многих столетий получали от народа всевозможные блага комфорта и цивилизации, и должны их теперь возвратить народу⁹.

Оболенский нигде не пишет, что основа народничества есть сознание *долга народу* – особое религиозно-этическое чувство, пробудившееся у так называемого «кающегося дворянства». Он настаивает лишь на том, что русское народничество выросло из этого чувства, и будет продолжать жить до тех пор, пока мысль о долге перед «меньшим братом» – мужиком сохраняет власть над умами и сердцах интеллигентной молодежи¹⁰.

Собственно история народничества, начинается по Оболенскому, с известного кружка ишутинцев (1863–1866 гг.)¹¹. Мемуарист представляет их как первых наших «кооператоров», которые искренне полагали, что лучший и ближайший путь к «исцелению» современного общества и народному процветанию – устройство производительных артелей или ассоциаций в духе даже не Фурье, как у петрашевцев 1840-х гг., а Роберта Оуэна и Луи-Блана. О том, почему полиция посчитала этих «мирных» альтруистов «опасными социалистами», успевших организовать несколько мелких артелей, завод и фабрику, Оболенский «искренне» недоумевает. При этом сам же упоминает о каком-то крайнем кружке, отделившемся от «кооператоров» ради поиска более радикальных способов действий¹².

В 1866 г. за принадлежность к ишутинскому обществу «Организация труда» и поддержку его планов освободить Чернышевского Оболенский был посажен в Петропавловскую крепость. Через полгода его сослали под строгий надзор полиции в Костромскую губернию.

В литературных мемуарах о ссылке он, конечно, не пишет. Упоминает лишь тот факт, что до 1870 г. жил в «далекой и наивной глуши». Впрочем, ссылка пошла ему на пользу. Оставшись в одиночестве, он начал «вдумываться» в свое прошлое, в судьбу своих друзей и знакомых, стал гораздо больше читать и даже приучился «говорить с бумагой», т.к. больше изливать свои думы, чувства и «сердечную скорбь» было некому. Так в Оболенском пробудилась тяга к поэзии и вообще к литературному творчеству. С 1868 года начинается его сотрудничество в столичном «Деле» у Г. Е. Благодетельского и А. К. Шеллера, от которых он получал очень теплые одобрительные письма¹³.

В 1878 г. Оболенский получает разрешение властей на постоянное проживание в Петербурге. Только здесь он узнает, что все эти годы его стихами затыкали пустоты при наборе книжек «Дела». Но Оболенский не падает духом. Он сближается с издателем журнала «Свет» Н. П. Вагнером и, в конце концов, находит себя в качестве публициста научно-философского склада, литературного критика и издателя-редактора.

В том же 1878 г. в жизни Оболенского происходит еще одно важное событие. Он познакомился и сдружился с И. И. Каблицем, тогда еще революционным народником на нелегальном положении. Эта встреча полностью изменила общественно-политические взгляды Оболенского. В молодости он был увлечен идеями Михайловского о социальном прогрессе и особой роли в нем представителей науки и знания. Как и многие семидесятники, Оболенский считал главной обязанностью интеллигенции просвещение народа в духе передовых европейских теорий. Близкое общение с Каблицем убедило его, что «в народе есть своя интеллигенция, что в нем живут и не умерли начала древней русской “свободы совести” и даже гражданской свободы. Таким образом, в моих глазах, – пишет народнический публицист, – изменилась роль интеллигенции относительно народа. Я признал, что интеллигенции необходимо прислушиваться к голосу самого народа и серьезно считаться с этим голосом, не навязывая народу того, что “не в его духе”, или национальном характере»¹⁴.

Изложению сильных и слабых сторон народничества Каблиц мемуарист посвятил несколько страниц. Здесь, между прочим, был поставлен вопрос о причинах первоначальной популярности Каблицы среди молодежи и о том, почему он так быстро ее потерял в

самом начале 1880-х гг. Оболенский объясняет эту метаморфозу излишней горячностью Каблицы. Его глубокая вера в умственные и нравственные силы народа не могла не привлечь к нему молодежь. Однако его резкие суждения об интеллигенции, которую он обвинял в стремлении опекать народ на бюрократический манер, вызывали не менее резкое неприятие и у «народолюбцев» (народников), и у «либералов», и у «поборников экономического реформаторства всякого рода»¹⁵.

Интересно, что сам Каблиц был очень высокого мнения о своей роли в русской жизни и даже в русской истории. «Скажите мне откровенно, по душе, – обратился он однажды к Оболенскому, – не думаете ли вы, что я ошибаюсь вот в такой уверенности: мне думается, что мои убеждения должны иметь большое будущее, что мое дело не может погибнуть и заглухнуть. И я это думаю... на том основании, что, пробегая свое прошлое, я вижу, что судьба постоянно спасала меня от смерти и гибели. Вы знаете, что у меня вставной глаз: в детстве в меня нечаянно выстрелили. И, однако, я остался жив. В последующей моей жизни были сотни случаев, когда я висел на волоске (и он рассказал несколько таких случаев), а между тем я остался цел и невредим и даже на свободе, то есть могу писать о моих идеях, работать для них, хотя только на литературном пути. Да я бросил сознательно, по убеждению, все другие пути. Я вижу, что мое призвание, мое дело – только на этом пути, что меня вела к нему какая-то высшая сила условий, обстоятельств, называемая силой истории...». «Если бы он знал, бедняжка, – добавляет Оболенский, – как незаметно прошли его похороны, и как быстро исчезло всякое воспоминание о нем и о его литературных трудах даже в среде русской молодежи! Так ли бы говорил он?»¹⁶.

В первой половине 1880-х гг. Леонид Оболенский считался уже известным писателем и публицистом. По своим убеждениям он тяготел к правому крылу народнического лагеря – теоретикам «малых дел». Поэтому часто полемизировал с народниками «Отечественных записок», отстаивавшими курс на политические преобразования страны. Отголосок этих «словесных баталий» попал и на страницы его воспоминаний. Речь идет о статье Оболенского «До чего договорился Гл. Успенский». Ее публикация в «Русском богатстве» в 1883 г. (№ 7) имела для автора, по его собственному признанию, самые печальные последствия.

Знакомство Оболенского с популярным народническим беллетристом, слывшим большим знатоком крестьянской жизни, состоялось, когда наш мемуарист редактировал журнал «Мысль». Успенский произвел на Оболенского «чрезвычайно симпатичное» впечатление. «Вот настоящий человек идеи!», подумал он тогда, выходя из скромной съемной квартиры Успенского в Петербурге. Но прошло несколько лет. Успенский, живя в деревне и наблюдая крестьян вблизи, пришел к самым пессимистическим воззрениям на их будущее. «А у меня, — замечает Оболенский, — наоборот, как раз к этому времени, все сильнее возрастала вера в народ»¹⁷.

Гром для Оболенского грянул, когда в одном из очерков Успенского в «Отечественных записках», он вычитал фразу: русский крестьянин — «"особь", опасная своею *личною* глупостью и дикостью...»¹⁸. Это выражение поразило Оболенского до слез. «Как, — думал я, — такой знаток народа, глубоко любивший его, и говорит не о простом “невежестве” русского крестьянина, которое можно исцелить, и не о “дикости” только, которая может исчезнуть, благодаря культуре, — он говорит о “глупости”, которая не исцелима, что выразил и народ в своей пословице: “пьяный проспится, — дурак — никогда!”»¹⁹. Под «горячим» впечатлением Оболенский написал резкую заметку и после обсуждения в кружке единомышленников, поместил ее в своем журнале²⁰.

Реакция «передовой» общественности на статью Оболенского превзошла все его ожидания. И как не пытался потом Оболенский оправдываться, его репутация оказалась существенно подмоченной. Даже трое сотрудников «Русского богатства» покинули журнал, заподозрив в «злополучной» заметке издателя-редактора какую-то «заднюю» мысль²¹. Вот как тогда было спорить с теми, кто, завоевав право называться «властителями дум», узурпировали право на истину и силой своего авторитета давили своих идейных противников даже из народнического лагеря.

В апреле 1884 г. правительство закрывает оппозиционные «Отечественные записки». Но охвативший народничество идейный кризис отразился и на «Русском богатстве» Оболенского. После 1885 г., окончательно убедившись в неготовности интеллигенции к объединению под одним общим идеалом, Л. Е. Оболенский все больше эволюционирует вправо и становится одним из яростных защитников морально-этических исканий Л. Н. Толстого. Отныне издатель «Русского богатства» будет развивать свои народнические идеи в

«толстовском» духе, т.е. делая упор на умственное и нравственное самосовершенствование личности, как главное условие всех позитивных общественных изменений.

Как уже отмечалось, Льву Толстому Оболенский уделил значительную (примерно $\frac{1}{4}$) часть своих воспоминаний. Он весьма подробно описывает свое знакомство с Толстым, для чего народнический публицист специально ездил в Москву, и его ближайшее окружение. По наблюдению Оболенского, Толстой находился тогда в состоянии напряженных духовных исканий. Особенно его интересовали вопросы этики, т.е. морали²². Отрицание «великим художником» вражды, злобы и насилия в отношениях людей делала его идеи и принципы созвучными теориям правого народничества 1880-х гг., также отрицавшим насилие в качестве движущей силы общественного прогресса.

Конечно, народники разделяли не все идеи Толстого и его последователей – толстовцев. Такова самая популярная толстовская теория «непротивления злу насилию», которая, по выражению Оболенского, как «китайская стена» отделяла писателя-реалиста от практической жизни и связывала его по рукам и ногам²³. Только это «прозрение» произойдет уже в 90-е годы XIX века²⁴.

В 1891 г. Оболенский был вынужден продать обремененное долгами «Русское богатство»²⁵ другому народническому публицисту – С. Н. Кривенко, а фактически – Н. К. Михайловскому, который делает его самым популярным народническим журналом рубежа XIX–XX вв.

После фиаско с «Богатством» Оболенский откажется от издательской деятельности, в то же время, продолжая выступать со статьями в столичных и провинциальных органах печати либерально-демократической ориентации. Но его активность, как публициста, литературного критика и романиста²⁶, будет неуклонно снижаться. И уже в конце 1890-х гг. он пожалуется Венгерову, что сидит почти без работы или на «черной работе» (делает переводы) и если вдруг умрет, то оставит свою семью «собирать милостыню на улицах»²⁷. Поэтому и литературные воспоминания Оболенского будут доведены лишь до 1892 г.

Оболенский скончался через четыре года после публикации своих мемуаров. Б. Г. Глинский в статье о нем заметит, что покойный был от природы человеком очень самолюбивым. Однако по ряду причин «он не мог иметь громадного успеха в широких кругах

читателей и оставался как бы на втором месте в журналистике, заслоненный публицистом-социологом [Н. К. Михайловским], гордо и с громким успехом шествовавшим под обаятельным для массы знаменем, на котором ярко значились слова: не эволюция, а революция». Отсюда, пишет Глинский, общественная уязвленность и неудовлетворенность Оболенского²⁸. Чтобы убедиться в истинности этих слов достаточно взглянуть на опубликованные письма Оболенского к Михайловскому середины 1880-х гг. В них Михайловский прямо обвиняется в идейном деспотизме («Вы действовали авторитетом, силой своей популярности, а не доводами»), якобы из-за которого идеи и доводы самого Оболенского не смогли обрести должной поддержки в обществе²⁹. Неслучайно в мемуарах Оболенского о Михайловском нет ни слова, а лишь намеки на какие-то «столкновения» с другими писателями.

Какой же интерес имеют воспоминания Оболенского для изучения истории народничества 60–80-х гг. XIX в., точнее его правого крыла?

Первое, на что надо обратить внимание, это прекрасная осведомленность Оболенского в данном предмете, т.к. он был одним из ведущих теоретиков легального народничества. По понятным причинам Оболенский рассказывает не обо всех событиях, участником или свидетелем которых ему довелось быть. Но и то, что вошло в его воспоминания по-своему уникально. Прежде всего, это относится к Каблицу-Юзову – самой знаковой фигуре в русском народничестве 1880-х гг., но почти забытой другими мемуаристами.

Оболенский, безусловно, тенденциозен, и в своих оценках прошлого, и в том, что сознательно «вычеркнул» из него лично неприятных ему людей, того же Михайловского. Но это его видение событий, его оригинальный взгляд на историю «литературного» народничества, который имеет право на существование. Более того, мемуары Оболенского заставляют задуматься об общих причинах их тенденциозности, которая, по словам самого писателя, является не его виной, а отражением тенденциозности всей общественной жизни России того времени³⁰.

¹ Литературу о Л. Е. Оболенском см.: Русские писатели. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 377–378.

² Подробнее см.: Мокшин Г. Н. Идеологи легального народничества о русской интеллигенции. Воронеж, 2007. С. 248–265.

³ Автобиография Л. Е. Оболенского. – РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 2646. Л. 4–6 об. В архиве С. А. Венгерова хранится также библиография основных трудов Л. Е. Оболенского за 1870–1890-е гг., составленная им самим.

⁴ *Оболенский Л. Е.* Литературные воспоминания и характеристики // Исторический вестник. 1902. № 1. С. 105–106.

⁵ Там же. С. 107, 115, 117, 119–120.

⁶ Там же. С. 119.

⁷ Автобиография Л. Е. Оболенского. Л. 6–6 об.

⁸ Там же. Л. 6 об.; *Оболенский Л. Е.* Литературные воспоминания и характеристики. № 1. С. 127.

⁹ Там же. С. 126–129.

¹⁰ *Оболенский Л. Е.* Литературные воспоминания и характеристики. № 1. С. 129. Кстати, в попытке объяснить возникновение русского народничества пробуждением у интеллигенции чувства долга пред народом, а не социально-историческими причинами, Оболенского еще в 1899 г. пытался уличить другой народнический теоретик – В. П. Воронцов. См. письмо Л. Е. Оболенского к В. П. Воронцову от 28 июля 1899. – РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 316. Л. 1.

¹¹ Прямо «народниками» ишутинцы, конечно, не назывались. Это понятие распространялось тогда только на участников движения демократической интеллигенции 1870-х гг. и их последователей.

¹² *Оболенский Л. Е.* Литературные воспоминания и характеристики. № 1. С. 129–131.

¹³ Там же. С. 133–134.

¹⁴ Там же. № 3. С. 887.

¹⁵ Там же. С. 883.

¹⁶ Там же. С. 885.

¹⁷ *Оболенский Л. Е.* Литературные воспоминания и характеристики. № 3. С. 889–890.

¹⁸ См.: *Успенский Г.* Из путевых заметок // Отечественные записки. 1883. № 5. С. 260.

¹⁹ *Оболенский Л. Е.* Литературные воспоминания и характеристики. № 3. С. 890.

²⁰ Решающее влияние на Л. Е. Оболенского оказало письмо из Самары от его товарища В. О. Португалова – известного врача-публициста – с «горячим» протестом против «очевидного поворота» в идеях Г. И. Успенского. – Там же. С. 890–891.

²¹ Там же. С. 891–892.

²² Там же. № 4. С. 77–86. Как известно, перелом в сознании Л. Н. Толстого пришелся на начало 1880-х гг., о чем свидетельствуют его религиозно-философские трактаты «Исследование догматического богословия» (1880), «Соединение и перевод четырех Евангелий» (1881) и «В чем моя вера» (1884).

²³ *Оболенский Л. Е.* Литературные воспоминания и характеристики. № 4. С. 95–96.

²⁴ В одном из писем 1890-х годов Л. Е. Оболенский признается: «я убедился всей моей жизнью, что непротивление только разжигает произвол...». – Письмо Л. Е. Оболенского к С. Н. Кривенко. 18 ноября 1896 г. – РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 163. Л. 6 об.

²⁵ В автобиографии Л. Е. Оболенского в качестве главной причины продажи «Русского богатства» называется тяжелая нервная болезнь (переутомление), из-за которой он будет вынужден срочно уехать за границу. – Автобиография Л. Е. Оболенского. Л. 7 об.

²⁶ Л. Е. Оболенскому принадлежит несколько романов о молодой русской интеллигенции, стремящейся работать для народа: «Запросы жизни», «Два полюса», «Без маяка» и др.

²⁷ Автобиография Л. Е. Оболенского. Л. 2.

²⁸ Глинский Б. Г. Памяти Л. Е. Оболенского // Исторический вестник. 1906. № 11. С. 631.

²⁹ Мокшин Г. Н. «Простите за правду». Письмо редактора журнала «Русское богатство» Л. Е. Оболенского Н. К. Михайловскому. 1885 г. // Исторический архив. 2003. № 4. С. 196.

³⁰ Автобиография Л. Е. Оболенского. Л. 8 об. Замечание Л. Е. Оболенского о тенденциозности относилось к его романам (критики считали, что все они написаны ради тенденции), но, на наш взгляд, оно может быть экстраполировано и на его мемуары.

К вопросу о роли В. П. Воронцова в народническом движении 70-90-х гг. XIX столетия

О Василии Павловиче Воронцове (1847–1918) написано достаточно большое количество работ. Внимание ученых к его персоне в основном определяется тем, что он являлся одним из главных идеологов народничества 1880–1890-х гг., и его взгляды с позиций этого учения отражали видение событий, происходивших в стране, глазами передовой интеллигенции.

В оценке социально-политической позиции Воронцова отсутствует единство, что характерно и для его современников и для более поздних исследователей, возвращающихся к теме народничества. Согласно сложившейся в исторической науке традиции, Воронцова относят к правому крылу реформаторского народничества, представители которого на первое место ставили не политические, а экономические преобразования страны. Но некоторые современные исследователи оспаривают такой подход, пытаясь доказать принадлежность публициста к так называемому «среднему» течению в народничестве, как это сделал он сам в книге «Наши направления» (1893). На наш взгляд, такой подход имеет право на существование, т.к. основывается на изучении эволюции идеологии народничества, обусловленной изменением идейно-политической ситуации в стране¹.

Целью настоящей работы является анализ историографических сведений о деятельности и взглядах Воронцова в период 70–90-х гг. XIX в. (с привлечением некоторых важнейших трудов «В. В.») с тем, чтобы оценить его вклад в развитие народничества как социально-политического движения и идеологии пореформенной демократической интеллигенции.

В. П. Воронцов был, прежде всего, известным русским экономистом. Его социально-экономические взгляды в наибольшей степени отражены в трудах «Судьбы капитализма в России» (1882), «Очерки теоретической экономии» (1895), «Очерки экономического строя России» (1906), «Судьба капиталистической России» (1907). Эти книги были собраны из статей, первоначально публиковавшихся в «Отечественных Записках», а затем в «Вестнике Европы», «Русской Мысли», «Северном Вестнике» и др. За 40 лет он издал 25 книг и

брошюр. В своих трудах Воронцов охватил наиболее актуальные и значимые для страны вопросы: теория политической экономии, развитие и специфика капитализма в России, история промышленности и торговли, история русской поземельной общины, земледелия и землевладения и т.д.

Родился Василий Воронцов 1 января 1847 года в селе Жеребец Александровского уезда Екатеринославской губернии в семье мелкопоместного дворянина. С 1868 г. он становится студентом медико-хирургической академии (МХА). Начало общественно-политической деятельности Воронцова приходится на период его обучения в академии (1868–1873).

В России того времени наблюдался значительный общественный подъем, вызванный Великими реформами, бурно развиваются революционные движения, массовыми тиражами расходуется неподцензурная литература. Вся неравнодушная к жизни часть общества заражается идеями либерализма, социализма, демократии, революции и пр. Хитрое сплетение западноевропейских идей касательно построения общества и модернизации государства, с одной стороны, и концепций сохранения самобытности и неповторимости русского пути развития, с другой, в первую очередь «поражает» умы передовой молодежи – студентов². Василия Воронцова эта участь не миновала и уже в 1869 году он принимает участие в студенческих волнениях, за что подвергается аресту в период с 15 по 29 марта. Спустя год (с 18 по 29 марта 1870 г.) он также был арестован за участие в беспорядках³. В годы обучения Воронцов был замечен в обществе «чайковцев-натансоновцев» и проявляет сочувствие идеям П. Л. Лаврова⁴.

Таким образом, начало общественно-политической деятельности Воронцова, положенное в годы студенчества, выразилось в увлечении социально-демократическими идеями, участии в нелегальных собраниях и кружках. Однако активным участником каких-либо революционных организаций он не стал. Об этом свидетельствует Н. Чарушин: «с Воронцовым многие из чайковцев были в близких отношениях и не раз пытались вовлечь его в кружок, но он отклонял предложения, мотивируя свой отказ тем, что подпольная революционная деятельность в русских условиях, не давая реальных результатов, всегда лишь усиливает реакцию и сокращает возможность культурной работы в народе»⁵.

Наиболее ярким периодом общественной деятельности Воронцова являются 70–80-е гг., когда происходит становление реформаторского направления народничества, что в первую очередь связано с деятельностью таких изданий, как «Отечественные записки», «Неделя», «Русское богатство», «Русская мысль», «Слово», «Мысль» и др. И хотя мы не найдем публикаций о Воронцове этого периода, его социальная-политическая позиция отражается в его статьях и книгах. Часть из них является реакцией на общественные события, другая же – критикой оппонентов или ответом на таковую со стороны других представителей народничества или иных общественно-политических движений.

Связь Воронцова с представителями демократически и революционно настроенной интеллигенции и работа в изданиях, публикующих статьи оппозиционного толка, определили отношение государственной власти к нему как «политически неблагонадежному» и требующему негласного присмотра⁶.

Чтобы охарактеризовать репутацию Воронцова в среде «пишущей» интеллигенции, необходимо рассмотреть его отношение к проблемам, наиболее обсуждаемым в прогрессивной печати: деятельность правящей власти, роль народа и интеллигенции в общественно-политических преобразованиях (революции), капитализация экономики России. Очень показательна в этом плане его статья «По вопросу об условиях революции в России», опубликованная в газете «Вперед!» № 31 от 15/3 апреля 1876 г., и опубликованные здесь же критические возражения на ее тезисы П. Л. Лаврова – идеолога революционного народничества. И хотя Воронцов со студенчества сочувствовал лавристам, он разошелся во взглядах со своим «идейным отцом» на перспективы революции в России. В ходе анализа крестьянских движений в России Воронцов приходит к выводу, что народ не является самостоятельной общественной силой, не считает себя вправе восстать против власти, дарованной свыше, и действует во имя царской власти. Успех же революции возможен после «умственной переорганизации массы», а значит перед интеллигенцией стоит задача «належь преимущественно на общественно-экономическое миросозерцание народа...»⁷. Лавров интерпретировал утверждения Воронцова как указывающие на невозможность социальной революции в России «не только в настоящую минуту, но и даже в ближайшем будущем» и счел их научно необоснованными⁸.

Итак, уже в начале своей писательской деятельности Воронцов заявляет свою социально-политическую позицию как нереволуционную, а роль интеллигенции (и свою в частности) как просветительскую и более в экономической сфере: «...в настоящее время народ экономически необеспечен...» и «...на почве экономической будут произведены ближайшие реформы...»⁹.

Биографические сведения о Воронцова указывают на то, что его социально-политические взгляды не расходились с жизненной позицией. По окончании МХА (в 1874 г.) он поступает на службу земским врачом Белозерского уезда Новгородской губернии. В 1879 г. Воронцов переводится на службу в г. Устюг. В 1881 г. он вместе с женой – политически ссыльной Ольгой Мельниковой – переселяется в село Новодевичье Сенгилеевского уезда Симбирской губернии, где продолжил службу земским врачом. В 1882 г. Воронцов оставляет службу и возвращается в Санкт-Петербург с тем, чтобы заняться исключительно литературной деятельностью. За период служения народу врачеванием он неоднократно подвергался допросам и обыскам в связи с его близостью к «неблагонадежным лицам», хранением запрещенной литературы и распространением «антиправительственных идей»¹⁰.

В 1880–1890-х гг. Воронцов постоянно публикуется в лучших периодических изданиях того времени: «Отечественные записки», «Русская мысль», «Слово», «Вестник Европы» и др. Энциклопедические словари, изданные в конце XIX века, представляют Воронцова как выдающегося русского экономиста, социолога и публициста, посвятившего свои главные труды изучению условий развития капитализма в России и его негативного влияния на состояние народного хозяйства. «Большая энциклопедия» в 1896 г. характеризует «писателя по экономическим и общественным вопросам» как наиболее последовательного и стойкого представителя народничества¹¹. С. Венгеров на страницах «Нового энциклопедического словаря» 1897 г., раскрывая суть народничества, называет Воронцова его главным теоретиком¹².

Изыскания Воронцова в области экономики с привлечением земской статистики, а также обращением к различным сторонам общественной жизни (истории, культуре, крестьянскому быту и пр.), легли в основу его учения о невозможности развития капитализма в России. Антикапиталистическая теория Воронцова «укрепила веру

русской интеллигенции в ее идеалы, в “общественный дух и артельные привычки” русского крестьянства, как залог и основание будущего социалистического строя... два десятилетия она служила главной линией обороны народнической веры»¹³. Изданная в 1882 году книга «Судьбы капитализма в России» принесла автору всероссийскую известность. В то же время изложенные в ней идеи и оценка капиталистических преобразований в России вызвали ожесточенные нападки со стороны «социально-демократического направления». Остановимся на приводимых им обоснованиях своей теории.

В статье «Капиталистическое производство и торговля» Воронцов задается вопросом: «есть ли необходимость для России повторять всецело историю западного промышленного развития?»¹⁴. И его ответ на этот вопрос, тогда еще носящий теоретический и прогностический для России и других стран молодого капитализма характер, сегодня может быть оценен как глубоко проработанный, раскрывающий наиболее важные обстоятельства, предопределяющие социально-экономическое развитие страны на десятилетия-столетия вперед. Оценка исторических особенностей развития капитализма и международных отношений, проведенная Воронцовым, справедлива и для современного состояния мировой экономики.

Так, не вдаваясь в научно-технические аспекты развития крупного производства, а оценив лишь географические и климатические условия, что доступно и понятно даже не специалистам, Воронцов указывает: издержки промышленности в России будут значительно превышать таковые в США и Западной Европе. Суровый климат России обязывает «строить более прочные, следовательно, и более дорогие постройки и тратиться на их отопление и освещение в продолжение длинной зимы»¹⁵. Тот же климат вынуждает больше тратить на содержание (одежду, питание, жилье) рабочих, а также сокращает период сельскохозяйственных работ, повышает стоимость транспортных услуг (замерзание рек зимой, очистка железнодорожных и иных путей от снега, отопление в вагонах и т.п.).

Другим негативным фактором в развитии капитализма являются необъятные просторы нашей Родины, удаленность друг от друга различных объектов производства, сырья, места сбыта и потребления, а также низкая плотность населения. «Из Москвы до Самары, например, перевезти товар стоит втрое дороже, чем из Англии в Москву...»¹⁶. Совокупность климатических, географических, демо-

графических и других особенностей России, учтенная в аналитической работе Воронцова, приводит к такой дороговизне конечного товара отечественного производства, что он не может конкурировать с западными аналогами. «Вот и извольте русскому капитализму принимать за образец Запад, извольте ему следовать совету разных благожелателей: завоевывать рынки, изгонять иностранцев и пр. Не ясно ли, что в России не существует элементарнейших условий для развития капиталистического производства, которое требует непременно возможности постоянных перемещений огромных масс продуктов и рабочих с одного конца страны в другой, перемещения скорого и дешевого»¹⁷.

С одной стороны Россия, равно как и другие страны, стоящие на начальных стадиях развития крупной промышленности, может воспользоваться «всеми формами, выработанными Западом, не переполняя черепашьям шагом с одной ступени на другую, т.е. имеет возможность развиваться очень быстро...»¹⁸. С другой стороны России придется конкурировать с опытными в промышленном отношении странами. Раскрывая подробно сказанное, Воронцов указывает на такие стороны капитализма, в которых представлен механизм обогащения стран и одновременно пагубное влияние на жизнь населения.

«Процесс организации труда капиталом основан на извращении истинного смысла развития общественной формы труда: вместо облегчения рабочего, – уменьшения времени работы при лучшем, однако, удовлетворении его разнообразных потребностей – процесс этот ведет к обременению трудящегося, к удлинению рабочего дня, возвышению его интенсивности с одновременным понижением расходов на содержание рабочего»¹⁹. Технологический прогресс и повышение производительности труда высвобождают дополнительное время, которое в интересах роста производства используется не для удовлетворения потребностей и организации досуга рабочего, а для увеличения продукта производства, что в свою очередь вынуждает к расширению рынка. «...Вся внешняя политика Англии была не чем иным, как именно такой жаждой рынка...»²⁰. И чем интенсивнее развивается капиталистическое производство, тем быстрее продукт питает внутренний рынок и все больше будет требовать расширения внешнего рынка. Рост производительности в отсутствии расширения рынка неминуемо приведет к экономическому кризису. В доказательство справедливости своих утверждений Воронцов приводит

пример: «В течение 1870–1873 годов общее производство десяти особенно выдающихся в промышленном отношении стран Европы и Америки почти удвоилось, между тем, как ни возрастание населения, ни возрастание его потребностей, а тем более заработной платы внутри страны, вовсе не оправдывали подобного расширения производства. Случись такое явление в одной стране, она могла бы спустить избыток продуктов в другие; но так как это произошло одновременно в нескольких странах, то каждая из них явилась по преимуществу продавцом, а не покупателем, расширение рынка не имело места, и дело разразилось кризисом 1873 года...»²¹.

Самой яростной критике антикапиталистическая теория Воронцова подверглась со стороны отечественных приверженцев учения К. Маркса. Представления народников-реформаторов о возможности миновать капиталистическую стадию развития Г. В. Плехановым и В. И. Лениным характеризовались как утопические. Степень научности такой критики с современных позиций удачно оценил В. В. Зверев: «Критикуя субъективную социологию, экономическую теорию народничества и практическую программу “малых дел”, Плеханов не обращал внимания на принципиальные расхождения, существовавшие в среде народников. Политик брал верх над исследователем, а эмоциональная публицистика заменяла взвешенный научный анализ»²². Однако на весь советский период народнической историографии закрепились традиции оценивать социально-экономические взгляды Воронцова однозначно критически. Классовый подход русских марксистов отводил народничеству роль представительства интересов мелкобуржуазного крестьянства. Вот ряд терминов, применяемый Лениным для обозначения народничества 80–90-х гг.: «чистейшие идеологи мелкой буржуазии», «крестьянский социализм», «мещанский социализм», «культурнический оппортунизм», «либеральное народничество» «либерально-народническое направление», «буржуазное реформаторство»²³.

Интересные сведения о столкновении народнической и марксистской концепций приводит И. Кравченко в своей вступительной статье к избранным экономическим трудам Воронцова. Он цитирует издание 1996 г. «Был ли у России выбор? (Н. И. Бухарин и В. М. Чернов в социально-философских дискуссиях 20-х годов)»: «Народники первыми, в том числе и перед Марксом, поставили великое множество новых вопросов, затронувших коренные устои уже сложившейся

в основном марксистской теории общественного прогресса. Эти проблемы для Маркса оказались столь новы и неожиданны, что изучению социально-экономических проблем России он отдал более десятилетия в конце своей жизни (факт малоизвестный), но так и не выработал для себя сколько-нибудь ясного ответа на поставленный народниками перед ним вопрос о том, куда идет Россия»²⁴.

Далее следуют выдержки из письма К. Маркса в редакцию «Отечественных записок», написанного в 1877 году в ответ на статью Н. К. Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского», опубликованную в «Вестнике “Народной воли”» (Женева, 1886 г., № 5). В частности: «Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя». Основным смыслом его ответа было утверждение о том, что в его знаменитом труде описан частный пример возможного развития, по которому пошла Западная Европа, а если быть точнее, то основные его постулаты отражают анализ развития классической страны капитализма – Англии. И совершенно не оправдано распространять этот опыт на все части света, «...события, поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, привели к совершенно разным результатам»²⁵.

Большой интерес представляет ответ автора «Капитала» на просьбу высказаться о перспективах исторического развития России, озвученную в письме В. Засулич от лица своих товарищей в 1881 году. Суть рассуждений К. Маркса сводится к следующему: «Фундаментальным фактором, определяющим историческое развитие и своеобразие России, является поземельная община, которая глубоко проникла в экономическую, социальную и политическую структуру общества». Ключевую роль общины в исторической судьбе России спустя тридцать лет признает другой немецкий мыслитель М. Вебер. Необходимо отметить, что ответ К. Маркса В. Засулич был впервые опубликован лишь в 1924 году, после его обнаружения в архиве группы «Освобождение труда», и с ним не был знаком Ленин. Отмечая противоположные выводы о судьбе России, сделанные Марксом и его идейными последователями в России, Кравченко одновременно указывает на единство во взглядах того же

Маркса и русских народников (в частности Воронцова, как одного из идеологов этого социального движения)²⁶.

На основании изложенного выше можно заключить, что корни противостояния приверженцев близких по содержанию учений (марксизма и народничества) лежат скорее не в научных заблуждениях той или иной стороны, а в их политические претензии. Неслучайно негативная оценка народнического учения вообще и социально-экономического учения Воронцова в частности, данная русскими марксистами, оспаривается многими современными исследователями. Есть все основания считать, пишет, например, доктор экономических наук В. Т. Рязанов, что «русские народники одними из первых в мировой экономической науке подошли к необходимости выбора отличной от западной модели пути формирования рынка с опорой на создание многоукладного хозяйства, активной ролью государства, учетом исторических особенностей общественно-экономического развития страны»²⁷.

Политические разногласия имели место и в рядах самих народников. Различные взгляды на способы достижения социальных свобод и демократии разделили лагерь народников на два противоборствующих крыла: левое (радикальное, объединившее сторонников политических завоеваний, революционных методов борьбы и свержения самодержавия) и правое (умеренное, либеральное или реформаторское, представленное сторонниками «малых дел» и культурно-просветительской деятельности в отношении народа). В отношении термина «либеральное народничество» (предложенном марксистами и используемого до настоящего времени) существует мнение о некорректном применении к правым народникам. Как справедливо отмечает В. В. Зверев, либерализм ориентирован на индивидуализм личности, тогда как народничество на первое место ставит коллектив. «Либерализм в качестве главного условия развития социума считает конкуренцию и столкновение интересов в различных областях жизни, народничество – обеспечение достойных условий существования всем членам общества»²⁸.

Воронцов, характеризуемый как один из пионеров теории «малых дел» и идеолог реформаторского народничества 1880–1890-х гг. занимал в народническом лагере особую позицию. Критикуя автора «Основ народничества» И. И. Каблицы-Юзова (представителя «умеренного» народничества), он характеризует его как «крайнего представителя» народнической мысли, учение которого требует поправок

и дополнений. Конфликт с Н. К. Михайловским – главным идеологом радикального народничества – стал ярким завершением кризиса народничества 1890-х. Свою позицию сам Воронцов характеризует как относящуюся «к среднему течению» народничества²⁹. Что же представляло собой «среднее течение» народничества?

Для получения ответа на этот вопрос исследователи часто обращаются к работе Воронцова «Наши направления». Именно в ней представлена глубокая, с привлечением сравнительно-исторического анализа и рассмотрения социально-психологических механизмов, проработка феномена отечественной интеллигенции и ее роли в общественном движении. Например, Б. П. Балугев, характеризуя легально-народнические учения, указывает на отсутствие у правых народников единой концепции о роли интеллигенции в общественном движении. Но обращает внимание, что «в наиболее полном виде система взглядов по данному вопросу была выражена такими представителями либерального народничества как В. П. Воронцов (В. В.) и И. И. Каблиц (Юзов)»³⁰. Научность трудов Воронцова и значимость их в развитии российского общества Балугев выразил так: «Воронцовскую модель пропагандировали либеральные профессора с университетских кафедр, в заседаниях Вольного экономического общества. От нелегального журнала своего учителя П. Л. Лаврова “Вперед!” в период “действенного народничества” до либеральной профессорской науки в 90-е годы – такова была эволюция Воронцова»³¹.

Суть народничества, споры относительно которой привели к кризису этого движения в конце XIX века, Воронцов выразил во вступлении к работе «Наши направления» следующим образом: «Интересы народа как цель, формы, вырабатываемые его коллективной мыслью или другие, соответствующие его желаниям, как средство, и самодеятельность населения как рычаг общественной эволюции – таковы три положения, характеризующие народничество, каким оно определилось пореформенную эпоху нашей истории»³². Концепция народничества, представленная Воронцовым, вызвала в обществе большой резонанс и спровоцировала бурную критику со стороны радикального крыла народничества. «Преклонение перед коллективной мыслью», «аполитичность» и «униженная» роль интеллигенции, определенная служить народу, подтолкнула Михайловского и компанию публично отказаться от чести называться «народником». Непри-

миримая идейная борьба Воронцова с радикалами привела к отказу в публикациях его работ на страницах «Русского богатства»³³.

Расцвет реформаторского народничества в 70–80 гг. XIX столетия, олицетворением которого была «теория малых дел», в конце века сменяется приоритетом радикальных планов политического переворота. Не случайно редактируемые Воронцовым и Кривенко журнал «Новое слово» и газета «Сын отечества» быстро прекратили существование, а обновленное «Русское богатство», меняя названия, пережило все три российские революции, и было закрыто большевиками в 1918 г.³⁴.

Ряд историков придерживается мнения, что «культурничество» правого народничества не выдержало конкуренции и проиграло сторонникам более радикальных политических преобразований. Однако нельзя отрицать, что благодаря тем представителям интеллигенции, что служили в деревне и полюбили русского мужика, занимались его просвещением и пробуждали его самостоятельность, народные массы «выросли», и в начале XX в. их революционная активность носила качественно иной характер, нежели в веке прошедшем.

Воронцов как один из наиболее преданных делу просвещения народа отстаивал идеи неповторимости и самобытности развития русского общества. Приводя аргументы и обоснования этих идей, он исключительным образом увязывал в единую концепцию все аспекты общественной жизни. Так, сравнивая различные формы хозяйствования, он совершает анализ социально-психологических аспектов этой проблемы: «Распределение производительных сил международного общества между отдельными промышленными отраслями не есть процесс, сознательно кем-либо направляемый..., он относится к области явлений стихийного характера... Отдельные лица устраивают свои промышленные предприятия, сознательно руководствуясь личной целью получения дохода... Регулирование производства при господстве натурального хозяйства совершается сознательно при помощи учета потребностей хозяйственной единицы с одной стороны, ее производительных сил – с другой... Организация современных обществ основана на принципе индивидуализма... весь процесс производства и распределения продукта не подчиняется общественному регулированию в целях общего блага»³⁵. Здесь в пользу традиционных способов хозяйствования решается проблема управления и

сознательного контроля экономической деятельности (исключающего кризисы и проблемы, свойственные капитализму).

Многие положения Воронцова относительно экономических вопросов жизни общества будут использовать последователи Маркса в России (планирование экономики, развитие коллективных хозяйств и др.), не упоминая их автора. В его же адрес в течение всего советского периода истории будут звучать обвинения подобные этому: «Дополненный экономическим романтизмом, субъективизм народников выразился в предлагаемой системе реформ “сверху”, демократический смысл которых был скрыт в оболочке реакционно-утопических фантазий»³⁶.

Говоря об ошибках Воронцова, оппоненты часто указывали на его субъективизм и чрезмерную идеалистичность. В подтверждение этого приведем одно из его высказываний в отношении к «товарищам по оружию»: «Русская прогрессивная интеллигенция, в отличие от западноевропейской.., характеризуется особенным демократизмом воззрений, большим вниманием к нуждам народа и проявляющимся в ней стремлением отнестись к народной стихии как к основному началу нашего развития, стремлением искать центр тяжести или опорную точку развития не в привилегированных классах, а в массе трудящегося народа»³⁷. Конечно, не вся русская интеллигенция соответствовала данной характеристике, а некоторая ее часть притворялась таковой, приобретая политическую выгоду от использования народа в качестве инструмента завоевания власти.

Изучая социально-политические взгляды Воронцова с позиций противников его учения (как его современников, так и историков советской эпохи, обязанных его критиковать в духе учения марксизма-ленинизма), мы рискуем недооценить его вклад не только в развитие общества, но и отечественной науки. Но и там мы можем найти много интересного с точки зрения науки, что-то мы можем объективно оценить только с современных позиций. В. Ф. Пустарнаков в 1968 г. характеризовал Воронцова как сторонника развития крупной промышленности под контролем государства, а мелкой промышленности – в руках артелей. Разве можно сейчас представить более эффективный способ хозяйствования? Далее, анализируя внимание Воронцова к чувственной сфере личности и влиянии ее на социально-экономические процессы в обществе, он причисляет Воронцова к представителям психологического направления в социологии³⁸.

Изучает ли отечественная социология наследие одного из своих «пионеров»? «Общественные отношения являются производным чувств человека, служащих выражением его потребностей»³⁹. Что можно добавить к этому емкому определению?

Смена политического режима с развалом СССР ослабила цензурный контроль над исторической наукой. Современные историки, экономисты и социологи возвращаются к исследованию социально-политической и научной деятельности Василия Павловича Воронцова и по-новому «рисуют» его исторический портрет. Однако мы все еще мало знаем «В. В.».

¹ Подробнее см.: *Мошкин Г. Н.* Проблема типологии идейно-тактических направлений в легальном народничестве // *Общественная мысль и общественное движение в России пореформенного времени*: Сб. ст. Воронеж, 2005. С. 85–88.

² *Олейников Д. И.* История России с 1801 по 1917 год. М., 2005. С. 209.

³ *Мошкин Г. Н.* В. П. Воронцов в общественном движении 1870-х гг. // *Общественная жизнь Центрального Черноземья России в XVII – начале XX века*: Сб. науч. тр. Воронеж, 2002. С. 159–161.

⁴ *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995. С. 55.

⁵ *Чарушин Н.* Что было на собрании у профессора Таганцева // *Каторга и ссылка*. 1925. Кн. 15. С. 100.

⁶ *Мошкин Г. Н.* В. П. Воронцов в общественном движении 1870-х гг. С. 162–165.

⁷ [*Воронцов В. П.*] В. В. От семидесятых годов к девятисотым: Сб. ст. СПб., 1907. С. 25.

⁸ См.: *Мошкин Г. Н.* В. П. Воронцов в общественном движении 1870-х гг. С. 164.

⁹ [*Воронцов В. П.*] В. В. От семидесятых годов к девятисотым. С. 25.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Большая энциклопедия*. СПб., 1896. Т. 5. С. 496.

¹² *Новый энциклопедический словарь*. СПб., 1897. Т. 27. С. 940.

¹³ *Wortman R.* The Crisis of Russian Populism. Cambridge, 1967. P. 160.

¹⁴ См.: *Воронцов В. П.* Экономика и капитализм: Избр. соч. М., 2008. С. 63.

¹⁵ Там же. С. 90.

¹⁶ Там же. С. 91.

¹⁷ Там же. С. 92.

¹⁸ Там же. С. 63.

¹⁹ Там же. С. 64.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX века. М., 1997. С. 11.

²³ Там же. С. 13.

²⁴ Кравченко А. И. Трудный путь русского капитализма // Воронцов В. П. Экономика и капитализм. С. 25.

²⁵ Там же. С. 26–27.

²⁶ Там же. С. 25–29.

²⁷ Рязанов В. Т. Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1999. С. 7.

²⁸ См.: Зверев В. В. Н. Ф. Даниельсон, В. П. Воронцов. Два портрета на фоне русского капитализма. М., 1997. С. 44.

²⁹ Мошкин Г. Н. Идеологи легального народничества о русской интеллигенции. Воронеж, 2007. С. 271.

³⁰ Балуев Б. П. Либеральное народничество и Г. В. Плеханов (проблема интеллигенции) // Революционеры и либералы России: сб. ст. М., 1990. С. 47.

³¹ Там же. С. 52.

³² Воронцов В. П. Интеллигенция и культура: Избр. соч. М., 2008. С. 105.

³³ Мошкин Г. Н. Идеологи легального народничества о русской интеллигенции. С. 273.

³⁴ Там же. С. 278.

³⁵ Воронцов В. П. Интеллигенция и культура. С. 113–116.

³⁶ Хорос В. Г. Народническая идеология и марксизм. М., 1972. С. 168.

³⁷ Воронцов В. П. Интеллигенция и культура. С. 154.

³⁸ Пустарнаков В. Ф. Либеральное народничество // История философии в СССР. Т. III. М., 1968. С. 290–292.

³⁹ Воронцов В. П. Интеллигенция и культура. С. 119.

**Деятельность партии социалистов-революционеров
среди крестьянства Воронежской губернии
(90-е гг. XIX в. – 1917 г.).**

В истории общественного движения начала XX столетия в Воронежском крае значительное место принадлежит деятельности партии социалистов-революционеров. Ведь именно ей, опираясь на ряд объективных предпосылок, удалось стать в указанный период наиболее массовой партией в губерниях Центрального Черноземья. Исследование деятельности ПСР тем более значимо потому, что, применительно к Воронежскому краю, эта деятельность до сих пор остается недостаточно изученной. Особенно интересными представляются взаимоотношения партии с самым многочисленным слоем населения России – крестьянством, провозглашенным эсерами социальной базой партии. Воронежская губерния, будучи типично аграрным регионом, с преобладанием крестьянского населения, а также устойчивыми народническими традициями была идеальным полем для деятельности эсеров в крестьянской среде.

Уже на заре существования эсеровского движения воронежские неонародники, сыгравшие немаловажную роль в консолидации многочисленных неонароднических кружков юга России в единую организацию, рассматривали вопрос о работе в крестьянской среде, как один из первоочередных на повестке дня. В августе 1897 г. на первом съезде т.н. «Южной партии социалистов-революционеров», состоявшемся в Воронеже, этот вопрос наряду с вопросом о терроре стал одним из вызвавших наиболее острую дискуссию¹. Суть ее сводилась к следующему: должна ли быть основным направлением деятельности организации работа «массовая», или же необходимо бросить все силы на террористическую деятельность? С другой стороны, был поднят вопрос о том, какие слои населения должны стать социальной базой будущей партии. Группы из некоторых городов, в частности полтавская, предлагали опираться главным образом на промышленный пролетариат. Воронежской группой был представлен доклад, в котором излагались основные положения программы и тактики зарождающейся организации. Одним из главных в докладе прозвучал тезис о возможности, и даже необходимости вести среди крестьян революционную работу и социалистическую пропаганду².

В дальнейшем этот тезис был включен в проект манифеста «южной» партии социалистов-революционеров, редактировавшийся Воронежской группой. Однако на следующем съезде, проходившем в Полтаве в ноябре того же года, манифест, к удивлению и возмущению воронежских представителей, был принят со значительными поправками, обозначившими резкий крен в сторону социал-демократии и передвинувшими вопрос о крестьянской работе на второстепенные позиции³. Несмотря на это, члены Воронежской организации продолжали придерживаться своего мнения о том, что задача поднять на революционную борьбу широкие крестьянские массы является для зарождающейся партийной организации первоочередной.

Эти тезисы воронежских социалистов-революционеров в самом скором времени стали находить свое применение на практике. В мае 1898 г. в Воронежской губернии имел место ряд проявлений крестьянского недовольства, наиболее яркими из которых стали покушения на жизнь арендаторов и представителей власти⁴. Эти события подтвердили уверенность воронежских эсеров в революционном потенциале крестьянства и подтолкнули их к активному развитию работы в деревне. Именно в этой сфере сосредоточивает свои основные усилия Воронежская группа в 1899–1900 гг.⁵ И если до майских событий воронежские эсеры не имели представителей за пределами губернского центра, а, следовательно, круг их деятельности ограничивался фабрично-заводскими рабочими, то теперь они начинают постепенно проникать в уезды. Деятельность организации в сельской местности на данном этапе заключалась в основном в разбрасывании, либо адресной рассылке различного рода литературы, и т.н. «завязывании связей», с помощью которых организация пыталась привлечь в свои ряды наиболее грамотных и наименее лояльных по отношению к правительству крестьян. Следует отметить, что деятельность Воронежской группы, руководство которой осуществляли С. А. Виткович, И. А. Прозоровский и А. В. Сазонов, отличалась глубокой конспирацией и крайней осторожностью, что позволило ей просуществовать без значительных потерь вплоть до 1906 г.⁶

Материалы Воронежского ГЖУ за 1900–1905 гг. изобилуют сообщениями о рассылке по различным адресам, в основном в уездных городах и сельской местности, листовок и брошюр антиправительственного характера. Особенно значительный наплыв нелегальной литературы берет свое начало в 1902 г. В сентябре этого года воззвания от партии социалистов-революционеров приходят на имя

самых разных лиц, проживающих в уездах губернии. Так, в Валуйском, Павловском, Нижнедевицком уездах полицией было обнаружено значительное число экземпляров эсеровских прокламаций «Ко всему русскому народу» и «К русскому обществу»⁷. В сентябре 1902 г. на имя учителя Бобровской прогимназии Одинцова было прислано приглашение принять участие в покушении на Харьковского губернатора кн. Оболенского⁸.

По факту распространения в селах Воронежской губернии антиправительственных изданий в апреле 1902 г. губернским жандармским управлением было возбуждено специальное дело. В нем, в частности говорилось о том, что в селах и деревнях Бобровского, Острогожского, Павловского, Нижнедевицкого, Коротоякского и Новохоперского уездов были найдены эсеровские прокламации в количестве нескольких десятков экземпляров. Причем немаловажным является тот факт, что некоторые из этих изданий были отпечатаны в Воронеже. Таким образом, к апрелю 1902 г. Воронежская организация ПСР сумела обзавестись собственной весьма успешно работавшей типографией⁹.

Наиболее популярными способами распространения нелегальной литературы в этот период были разбрасывание ее по улицам городов и сел, вдоль дорог и железнодорожного полотна, а также адресная рассылка. В последнем случае адреса, по которым рассылались издания, первоначально выбирались произвольно. Нередко это приводило к тому, что получатели, будучи людьми, абсолютно лояльными по отношению к правительству, ознакомившись лишь с первыми строками, а иногда и вообще не распечатывая конверта, сдавали полученную литературу представителям власти. То и дело встречаются сообщения о том, что тот или иной крестьянин, получив конверт, «не читая, отнес его сельскому старосте».

Пунктами отправления эсеровских изданий чаще всего служили железнодорожные станции. Такое решение кроме достаточной мобильности отправителей имело еще одно преимущество: отправление почты со станций способствовало надежной конспирации. Так, за указанный период ни в делах Воронежского ГЖУ, ни в канцелярии губернатора не прослеживается информация об аресте кого-либо из отправителей подобной корреспонденции.

Как видно из документов, на данном этапе работа Воронежской группы социалистов-революционеров, оформившейся к 1903 г. в комитет¹⁰, ограничивалась по большей части деятельностью, если

можно так выразиться, «заочно-пропагандистской». Однако уже в 1903 г. наблюдаются попытки поставить работу в уездах на организационную основу. Так, в 1904 г. существовали и успешно работали организации в Валуйском, Бобровском и Острогожском уездах¹¹. Этот процесс способствовал значительно более тесным контактам партийных деятелей с крестьянским населением, что позволило в дальнейшем вовлекать в партийные ряды наиболее решительно настроенных крестьян.

Эти группы, с одной стороны, пытались развивать деятельность в своих уездах, с другой же, установить и активно поддерживать связи с губернским центром. Судя по имеющимся источникам, трудно говорить о том, создавались ли уездные организации по прямой директиве из губернского центра, или же они возникли под влиянием отдельных людей, проживающих в данной местности и проникшихся духом эсеровской пропаганды. Видимо, некоторые из вышеперечисленных лиц восприняли народнические идеи независимо от Воронежской группы, другие же вошли в ряды партии под влиянием воронежских организаторов. Но очевидным остается факт, что неонароднические идеи находили весьма благоприятную почву в кругах разночинной интеллигенции Воронежской губернии, особенно проживавшей и работавшей в сельской местности.

Каковы же были результаты подобного внимания воронежских эсеров к крестьянскому населению? Смело можно сказать, что весьма значительны. Ссылаясь на материалы, содержащиеся в архивах канцелярии губернатора, можно оценить обстановку среди сельского населения губернии. В период с апреля по сентябрь 1902 г. в Бирюченском, Валуйском, Богучарском, Землянском и Павловском уездах произошел ряд крестьянских беспорядков. Так, в конце мая 1902 г. в слободе Грушевка Валуйского уезда крестьяне, вооруженные дубинами, производили массовые потравы¹². В июне того же года среди населения слободы Елизаветовки Павловского уезда также звучали призывы к совершению потрав в помещичьих владениях. Причем, характерно то, что при попытке местных властей прекратить одну из подобных акций, один из крестьян произнес в адрес представителей администрации следующую фразу: «Царь пишет бить вас»¹³. Это высказывание наглядно свидетельствует о том, что, с одной стороны, беспорядки произошли не без определенного влияния революционно настроенной интеллигенции (откуда в противном случае крестьяне могли узнать, что «пишет царь»), с другой

стороны, является показателем того, как пропагандисты вплоть до 1905 г. использовали в своих целях сохранившийся в крестьянском менталитете наивный монархизм.

Продолжая перечень сведений о крестьянских выступлениях в губернии, следует сказать о том, что в Землянском уезде в то же время среди крестьян циркулировали слухи о скорой конфискации помещичьих земель¹⁴. В Бирюченском уезде наблюдается беспокойство и возбужденное настроение среди крестьян, причем местный земский начальник усматривает здесь явное влияние антиправительственной пропаганды¹⁵. С одной стороны, эти факты вполне могли явиться результатом работы эсеров в деревне, хотя прямых указаний на то, что организация была каким-либо образом причастна к данным событиям, в источниках нет. С другой стороны, эти события сами послужили доводом в пользу дальнейшего развертывания эсеро-ской пропаганды в деревне. Логика была проста. Коль скоро крестьяне не довольны существующим положением дел, следовательно, любая антиправительственная агитация упадет на благодатную почву.

И хотя во многих случаях подобные беспорядки характеризовались властями как «чисто аграрные», то есть возникшие не на почве политической пропаганды, можно предположить, что происходили они не без влияния революционеров из интеллигентской среды. Так, например, в ряде районов Богучарского уезда взволнованность населения, по свидетельству земского начальника, спровоцирована влиянием лиц, подвергнутых административной высылке из столиц¹⁶. Источники не сообщают, принадлежали ли указанные лица к партии социалистов-революционеров, но очевидным становится тот факт, что брожение среди местных крестьян было спровоцировано революционной пропагандой.

С началом революции 1905–1907 гг. Воронежская губернская организация эсеров выходит на новый виток своей деятельности. Губернский комитет, не отвергая в принципе ни одного изложенного в программе партии направления работы, приоритетными для себя выбирает действия по максимально широкому вовлечению в партийную деятельность крестьянских масс. Для этого необходимо было создать на территории губернии целую сеть первичных крестьянских организаций. Создавая подобные ячейки, организация решала сразу несколько насущных для себя вопросов. Во-первых, представители местного населения были в состоянии не только гораздо лучше оценить имеющуюся обстановку, но и в значительной степени

контролировать ее. Во-вторых, партийные крестьяне вызывали у односельчан значительно большее доверие, нежели заезжие агитаторы из среды разночинной интеллигенции. В-третьих, постоянное присутствие в конкретном сельском поселении представителей партийной организации позволяло гораздо более оперативно реагировать на неизбежные в ходе развития революции изменения в настроениях масс. И именно революционные события 1905–1907 гг. создали все необходимые предпосылки для превращения эсеров в массовую партию, как в масштабах всей страны, так и непосредственно в Воронежской губернии.

До 1905 г. работа эсеров в деревне была, за редким исключением чисто пропагандистской и носила спорадический характер. М. И. Леонов, в частности, считает, что, в целом по России, на стадии образования партии, да и спустя несколько лет после того, «эсеры были, по существу, оторваны от своей социальной базы»¹⁷. В годы же революции, эта работа становится все более масштабной и организованной. Причин тому было несколько.

Во-первых, общая политическая обстановка в стране способствовала разворачиванию деятельности партии в массах. Во-вторых, именно на рубеже 1904–1905 гг. в партийной верхушке начинает преобладать установка на более активную работу среди крестьянства и наблюдается некоторый спад террористических настроений¹⁸. «Массовики» (сторонники массовой работы, особенно в крестьянской среде. – А. К.) (Е. К. Брешко-Брешковская, С. Н. Слетов, Д. А. Хилков, М. Ф. Селюк), – пишет Леонов, – обеспокоенные «страшно усилившимся влиянием сторонников исключительного значения политического террора... и преобладающего значения БО с ее специфическими чертами заговорщичества», начали кампанию за максимально широкое разворачивание организаторской и агитационной деятельности в массах»¹⁹. Кроме того, в ряде номеров «Революционной России», начиная с марта 1905 г., четко прослеживается установка на «объединение крестьянства вокруг партии, повсеместное образование братств и крестьянских союзов, комитетов, консолидацию действий деревенских агитаторов»²⁰.

Говоря о причинах, предопределивших подобный поворот политики социалистов-революционеров, необходимо учитывать и местные условия. Так, количество выступлений крестьян в Воронежской губернии с января по июнь 1905 г. выросло с одного до семнадцати²¹. Несмотря на то, что эти цифры были несколько меньше

соответствующих данных по Курской и Тамбовской губерниям, следует отметить, что они, в отличие от последних, имели четкую тенденцию к росту.

На протяжении всего 1905 г. не ослабевали беспорядки в различных уездах губернии. В декабре 1905 г. произошел ряд погромов в имениях, находящихся в Богучарском уезде²². Так, например в с. Высоковское Березовской волости Богучарского уезда крестьяне совершили налет на усадьбу землевладельца В. В. Степанова²³. 16 марта 1905 г. крестьяне сл. Веселой Бирюченского уезда сожгли контору в имении кн. Юсуповой, кроме того, разгромили дом управляющего. В августе 1905 г. произошли крестьянские беспорядки в селах Хмелевец, Шумилино и Дроново, направленные против землевладельца С. И. Шидловского²⁴. Вскоре к ним присоединились крестьяне соседних хуторов. И хотя в документах Воронежского ГЖУ говорится о том, что влияния со стороны революционных партий в указанных случаях не обнаружено, тем не менее, они точно фиксируют рост стихийного крестьянского протеста, который охватил Воронежскую губернию в годы революции и которым не замедлили воспользоваться эсеры²⁵.

Причин подобным беспорядкам было весьма много, но главной из них было аграрное перенаселение в Воронежской губернии и во всем Черноземном центре. Подобная ситуация, естественно, влекла за собой активное недовольство крестьян, связывавших решение всех своих проблем с наделением их бóльшим количеством пахотных земель. Именно на этом и сыграли представители ПСР, призывая к конфискации помещичьего земельного фонда.

С самого начала революционных событий и на протяжении всего 1905 г. эсеры, в том числе и представители Воронежского комитета, пытались взаимодействовать с крестьянскими массами посредством Всероссийского крестьянского союза. В августе 1905 г. в Воронеже прошло нелегальное собрание, на котором было учреждено воронежское отделение ВКС, а в декабре того же года был проведен съезд Крестьянского союза, на котором присутствовали представители фактически всех уездов Воронежской губернии²⁶. Однако уже к концу 1905 г. намечается ряд разногласий эсеров с ВКС. Результатом этого стал прозвучавший в марте 1906 года призыв заняться «деятельной организацией в недрах Союза наиболее сознательных крестьян в партийные братства»²⁷. И уже спустя четыре месяца Воронежский губернский комитет ПСР выступил с

возвращением, в котором недвусмысленно указывалось на то, что в связи с «неизбежностью в недалеком будущем всеобщего восстания... необходимо, с одной стороны, учесть свои силы, с другой же более организовать крестьянские массы»²⁸. Для этой цели всем работникам как ВКС, так и ПСР, проживающим в уездах, предлагалось в максимально короткие сроки провести уездные съезды для выяснения ряда насущных вопросов, среди которых, в частности, были вопросы об отношении крестьянства губернии к всеобщему вооруженному восстанию, а также об организации в селах крестьянских боевых дружин²⁹.

Таким образом, вполне очевидно, что на уровне губернского комитета присутствовала определенная уверенность в том, что крестьяне примут участие в вооруженных выступлениях против помещиков и администрации. Подобная уверенность просуществовала среди воронежских эсеров вплоть до окончания революционных событий 1905–1907 гг., а надежда на более или менее масштабные крестьянские выступления в губернии и даже на всеобщее вооруженное восстание не покидала их вплоть до февраля 1917 г.

Степень воплощения озвученных задач на практике отчетливо выявилась в ходе губернского съезда крестьянских работников ПСР, состоявшегося в Воронеже 29 августа 1906 г. На съезде присутствовали представители лишь пяти уездов (Воронежского, Нижнедевицкого, Острогожского, Бобровского и Землянского). Остальные, по различным причинам, явиться на съезд не смогли³⁰. Из их докладов явствовало, что подавляющее большинство крестьян в указанных уездах не питает абсолютно никаких надежд на легальную парламентскую борьбу и единственно эффективной формой протеста считает вооруженное восстание. Однако на деле крестьяне продолжали оставаться весьма пассивными. Так, представитель Землянского уезда констатирует, что ни в одном из охваченных работой населенном пункте крестьяне не пошли на открытое столкновение с властями. Более того, попытка созвать уездный съезд также провалилась по причине боязни репрессий со стороны местной администрации. Ту же «общую запуганность крестьянского населения губернии» отметил в своем докладе и представитель Воронежского уезда³¹. Прозвучавшие на съезде выступления продемонстрировали, что ожидания губкома, связанные с активной вооруженной борьбой крестьянства, были на указанный момент явно завышенными. В то же время определенная организационная работа в сельской местности велась и

давала положительные для партии результаты. Так, к августу 1906 г. в Бобровском уезде имелось, по словам делегата, 11 кружков, в которые входили преимущественно крестьяне. Представитель Воронежского уезда называет цифру в 12 первичных крестьянских организаций общей численностью около двухсот человек, оговариваясь при этом, что «некоторые из них еще не оформились»³². Несколько меньшими оказались успехи в Нижнедевицком уезде. По словам делегата, в уезде имелись «прочные связи» в девяти волостях из пятнадцати, в то время как сформировавшихся кружков насчитывалось всего лишь два. В целом же, представителям ПСР, проводившим работу среди крестьянства, пришлось столкнуться с рядом проблем, типичных для всех уездов Воронежской губернии. Главной проблемой стало определенное недоверие к ним со стороны крестьян и, как следствие, нежелание последних предпринимать какие-либо активные действия. Ситуация осложнялась еще и тем, что в первичные партийные организации, особенно на первых порах, вступали в основном молодые крестьяне, не имевшие должного авторитета среди односельчан и тем более какого-либо влияния на сельский сход³³.

В январе 1907 г. при Воронежском губернском комитете ПСР формируется специальная крестьянская комиссия. Первоначально в нее вошли шесть человек, среди которых были сестры П. Я. и Е. Я. Шабашевы, М. Д. Первеева и И. Д. Смирнов (как представитель губкома). В скором времени в состав комиссии вошли еще несколько работников, в том числе представители крестьян, в частности, выходец из с. Кочетовка Нижнедевицкого уезда Я. А. Мещеряков. В период наиболее активной деятельности число членов комиссии доходило до пятнадцати человек³⁴. В общих чертах комиссия с большей эффективностью должна была решать поставленные задолго до ее создания задачи, а именно: пропаганда социалистических идей среди крестьянского населения, подготовка к вооруженному восстанию, необходимым условием чего являлось формирование целой сети первичных сельских организаций, т.н. «крестьянских братств».

В №№ 4–5 газеты «Борьба и жизнь» за 1908 г., издававшейся Воронежским губернским комитетом ПСР, была опубликована статья под названием «История одного братства». Она представляла собой своеобразный отчет об образовании, структуре и деятельности организации в сл. Троицкой Новохоперского уезда, составленный самими ее членами³⁵. Из этого отчета следует, что Троицкое братство возникло в октябре 1905 г., как одно из местных отделений Крестья-

янского союза. Первоначально в братство вошло, по словам автора статьи, «очень много членов». Но впоследствии ряды организации стали значительно меньше. И лишь спустя примерно полтора года после возникновения, а именно 20 февраля 1907 г., братство приняло программу ПСР и уже через год в феврале 1908 г. оно насчитывало в своем составе до 500 человек³⁶.

Сходной является история образования братства в сл. Саловке Валуйского уезда. 17 октября 1905 г. местный учитель П. В. Гуков, собрав саловских крестьян в помещении школы, произнес перед ними речь, под влиянием которой более тридцати человек вписались в Крестьянский союз³⁷. И лишь спустя некоторое время, они также, как и троицкие крестьяне, приняли программу ПСР.

Следует отметить, что и до 1905 г. в Воронежской губернии возникали отдельные крестьянские организации. Так, например, в сл. Красной Новохоперского уезда, по инициативе местной интеллигенции кружок возникает еще в 1904 г. На первых порах в него входили лишь представители интеллигенции. Позже к ним присоединились крестьяне³⁸. Вполне возможно, что о некоторых организациях до 1906 г. в губернском центре просто не было известно. Однако массовым данное явление становится лишь спустя год после начала революции.

Так, большинство братств Острогожского уезда основаны в 1906 г. Среди них организации в сл. Россоши, сл. Поповка, с. Подгорном, а группа в с. Григорьевка начала свою деятельность только в 1908 г. Даты основания братств в Новохоперском уезде также приходятся на 1906–1907 гг.: с. Пыховка – октябрь 1906 г., сл. Троицкая – май того же года, сл. Новогальская – май 1907 г., с. Верхний Карачан – апрель того же года, с. Средний Карачан – первоначально в 1905 г., но в декабре организация распалась и вновь начала свое существование лишь в январе 1907 г.; с. Кирсановка – май 1907 г., с. Петровское – июнь 1906 г., в том же году образовано братство в Алферовке. То же самое можно сказать в отношении Нижнедевицкого и Павловского уездов³⁹. Как представляется, одной из причин спровоцировавших столь активное распространение крестьянских братств, является попытка правительства провести в ноябре 1906 г. аграрную реформу, направленную на разрушение крестьянской общины и создание в деревне индивидуального крестьянского хозяйства. Подобная попытка вызвала резкий протест значительной части сельского населения, вылившийся в столь своеобразную форму.

Недаром в программу действий почти каждого из братств входил пункт об активном противодействии столыпинскому землеустройству и выделению крестьян из общины.

Организационные принципы, на основе которых строилось большинство крестьянских братств, фактически не отличались друг от друга. Все они основывались, с теми или иными дополнениями, на уставе первой известной организации подобного рода, возникшей еще в 1897 г. в с. Павлодар Борисоглебского уезда Тамбовской губернии. Этот устав был вывезен за рубеж В. М. Черновым (принявшим активное участие в его разработке), где и был опубликован в 1899 г. Заграничным союзом социалистов-революционеров как «Устав братства для защиты народных прав»⁴⁰. Основной задачей братства, провозглашенной в уставе, была подготовка вооруженного восстания, все же остальные носили в той или иной степени подчиненный характер. Это и пропаганда среди не входивших в организацию крестьян, и вовлечение в нее новых членов, и создание материальной базы, как-то: сбор членских взносов и добровольных пожертвований, а также, по возможности закупка оружия и обучение членов организации элементарным навыкам боя. Несколько особняком стояли такие задачи, как занятие сельских административных постов членами братства или же, по крайней мере, сочувствующими крестьянами и проведение в выборщики или депутаты по крестьянской курии членов партии социалистов-революционеров.

Что касается последней из описанных задач, то в ее выполнении воронежские социалисты-революционеры, в том числе и члены крестьянских братств, в определенной степени преуспели. В большинстве уездов Воронежской губернии кандидаты в выборщики по крестьянской курии были представлены членами ПСР либо Крестьянского союза⁴¹. Исключение составили Задонский, Коротоякский, Нижнедевицкий и Павловский уезды (4 из 12). Депутатом от Острогожского уезда Воронежской губернии во II Государственную думу прошел сочувствующий неонародникам Н. С. Долгополов⁴².

В свете приведенных данных становится очевидным тот факт, что влияние социалистов-революционеров среди различных слоев населения губернии, в особенности среди сельского населения, в течение 1906–1907 гг. серьезно возросло. Выразилось это и в стремительном росте в 1907 г. количества крестьянских братств, а также численности их членов. Но прежде чем приводить соответствующие количественные данные необходимо сделать следующую оговорку.

Естественно, ни о какой официальной статистике по данному вопросу не могло быть и речи. Местная администрация могла отчитаться лишь по количеству раскрытых и ликвидированных, либо бывших на подозрении организаций, а факт существования некоторых братств еще в 1910–1912 гг. говорит о том, что в большинстве случаев состоявшие в них крестьяне соблюдали необходимую конспирацию. Проблема заключается в том, что даже губернский комитет не всегда и не вполне адекватно представлял себе ситуацию в деревне. Причин тому было несколько. Это и отсутствие прочных связей между губернным центром и уездами, а иногда и между уездными центрами и первичными сельскими организациями, и постоянная ротация кадров, нередко вынужденная, ибо преследования властей имели устойчивую тенденцию к усилению. Это и не совсем добросовестное информирование уездными организациями губернских представителей, иногда по собственному неведению, а иногда, возможно и сознательное, направленное на раздувание собственной значимости, а также своих заслуг в деле партийного строительства. Показателен пример слободы Калач. По данным, имевшимся в губкоме, там было в наличии два больших братства. При проверке же на месте оказалось, что существует лишь небольшой кружок численностью в 10 человек⁴³. Все эти причины, естественно, затрудняют составление абсолютно адекватной картины происходившего. Однако мы все же считаем возможным относительно точно описать степень проникновения ПСР в воронежскую деревню.

С момента возникновения Крестьянской комиссии при губкоме ПСР при ней был учрежден институт т.н. «разъездных». В их задачи входили поездки по уездам с целью выяснения местной обстановки, степени влияния партии на местное, в особенности крестьянское население, а также создание там, где это представлялось возможным, новых первичных организаций.

К лету 1907 г. благодаря деятельности «разъездных» губернский комитет сумел составить более или менее точную картину положения дел. Из двенадцати уездов Воронежской губернии та или иная информация имелась по десяти: Валуйскому, Острогожскому, Бобровскому, Новохоперскому, Нижнедевицкому, Коротоякскому, Задонскому, Воронежскому, Павловскому и Землянскому. Как самые организованные, с наибольшим количеством братств, фигурируют Валуйский, Острогожский, Новохоперский, Павловский и Нижнедевицкий уезды.

В Валуйском уезде еще в начале 1907 г. насчитывалось 10 братств. За год это число выросло до 21. Их численность в конце 1907 г. составляла приблизительно 1500 человек⁴⁴. Причем каждая из первичных организаций регулярно отчисляла взносы в кассу уездной организации.

На Острогожском уездном съезде, состоявшемся 26 апреля 1907 г. руководители уездной организации констатировали наличие в уезде шести крупных братств, а также нескольких мелких крестьянских групп. Наиболее крупные из них, такие как братства сел Всесвятское и Евстратовка, насчитывали в своем составе до 40 человек, а организация сл. Россошь даже подразделялась на четыре района, каждый из которых включал по 40–50 членов, что в совокупности составляло 150–200 человек⁴⁵.

Наряду с Валуйским впечатляющие результаты были достигнуты представителями ПСР в Новохоперском уезде. Последний обладал рядом особенностей по сравнению с прочими уездами губернии. Во-первых, вся организационная и прочая партийная работа в нем лежала фактически на плечах самих крестьян, в то время как в большинстве уездов организаторами и лидерами братств выступали представители сельской интеллигенции. Надо отметить, что функционирование некоторых из крестьянских организаций фактически прекращалось с отъездом из села последних. Во-вторых, в уезде проживало значительное количество сектантов различного толка, всегда весьма охотно примыкавших к антиправительственным движениям. По словам побывавших в уезде представителей ПСР, настроение крестьян в уезде «крайне взбудораженное» и они готовы в любой момент перейти к открытым антиправительственным действиям. В Новохоперском уезде к середине 1907 года насчитывалось 19 организаций общей численностью порядка 400 человек⁴⁶.

В Павловском уезде уже к началу 1907 года насчитывалось 14 братств общей численностью около 950 человек, охватывавших своим влиянием 37 населенных пунктов. Численность самых крупных организаций доходила до 120 человек⁴⁷.

Несколько скромнее были успехи партии в других регионах губернии. Так, например, в Воронежском уезде к середине 1907 г. насчитывалось всего лишь пять крестьянских организаций, самыми крупными из которых были братства сел Хреновое и Рогачевка (оба — численностью около 30 человек), а в Задонском уезде имелась лишь одна небольшая организация в с. Конь-Колодезь⁴⁸.

В целом же по губернии в период наивысшего подъема революционных настроений среди воронежского крестьянства, который пришелся на 1906 – начало 1908 гг., существовало чуть более 80 крестьянских братств общей численностью около 3700 человек. Кроме них существовал целый ряд более мелких и менее влиятельных сельских первичных организаций, именовавшихся «кружками» или «группами», а также весьма значительное число т.н. «сочувствующих», не причислявших себя к ПСР однако вполне лояльных к деятельности братств и принимавших отдельные пункты эсеровской программы. К этой категории причислялось иногда все жители населенного пункта, как, например, в случае со сл. Алферовка Новохоперского уезда⁴⁹.

Хотя, как уже было сказано, главной своей задачей в деревне партийные деятели считали подготовку к массовому участию крестьян в вооруженном восстании (с каковой целью, собственно говоря, и организовывались крестьянские братства), добиться скольконибудь масштабных организованных антиправительственных акций воронежским эсерам так и не удалось. Деятельность подавляющего большинства братств Воронежской губернии сводилась к вполне мирным занятиям, как-то: совместное чтение и обсуждение нелегальной литературы, попытки привлечения в братство новых людей, продвижение членов братств на выборные сельские должности. Часть братств практиковала пассивное сопротивление властям, главным образом в виде саботажа выплаты податей. Еще меньшая часть действительно занималась подготовкой к вооруженному выступлению, закупая оружие и отрабатывая элементарные навыки ведения боя.

Исключением из этого правила стали два достаточно крупных братства, находившихся на территории Нижнедевицкого уезда в селах Кочетовка и Турово, которые решились на проведение открытых акций. В октябре 1907 г. члены Туровского братства взорвали бомбу в здании волостного правления, а в декабре того же года совершили нападение на усадьбу местного землевладельца А. А. Русанова⁵⁰. Естественно, эти события повлекли за собой фактически полный разгром Туровской организации. В феврале 1908 года представители Кочетовского крестьянского братства вступили в вооруженное столкновение с местными властями. Однако на сей раз столкновение отчасти было спровоцировано последними. В ходе столкновения стражники открыли огонь по толпе сбежавшихся на набат

крестьян, в результате чего было убито шесть человек, в том числе одна женщина⁵¹.

Анализируя описанные события, приходится констатировать, что, с одной стороны, они никоим образом не были санкционированы ни губернским комитетом, ни уездной партийной организацией, с другой стороны, они не повлекли за собой активного протеста со стороны крестьян даже соседних сел, не говоря уже о массовом вооруженном выступлении. Охарактеризовать эти акции можно скорее как стихийные проявления недовольства или (в случае Туровского братства) как практику пресловутого «аграрного террора», которая в описываемый период не только не приветствовалась, но даже активно осуждалась губернским комитетом партии.

Тем не менее, столь активное вступление воронежских крестьян в партийную организацию недвусмысленно говорит о том, что социалисты-революционеры Воронежской губернии в период революции 1905–1907 гг. сделали весьма серьезный шаг на пути привлечения в партию широких масс и превращения относительно замкнутой, преимущественно интеллигентской организации в массовую партию. Более того, в годы Первой русской революции некоторым выходцам из крестьянской среды удалось блестяще проявить себя на ниве партийной работы. В частности, уже упоминавшийся крестьянин с. Кочетовка Нижнедевицкого уезда Я. А. Мещеряков и крестьянин с. Евстратовка Острогожского уезда К. С. Сопляков (Бурево́й) были членами губкома партии. Последнему удалось сыграть одну из ведущих ролей на политической арене края в период между февралем и октябрём 1917 г.

В 1908 г. Воронежская организация пережила серьезный удар. Волна арестов затронула все уровни, начиная с губернского комитета и заканчивая крестьянскими братствами даже в небольших населенных пунктах.

Но, несмотря на это, она продолжала свое существование. Некоторые крестьянские братства, возникшие в губернии в период Первой русской революции, сохранились и после 1908 г. Так, например, в Землянском уезде продолжало существовать Больше-Вере́йское крестьянское братство, которое не только не было затронуто арестами, но и пыталось возобновить свою агитационно-пропагандистскую деятельность среди крестьян близлежащих сел и деревень. В июне 1909 г. функционировало крестьянское братство в сл. Россошь, насчитывавшее в своем составе 52 человека. Также сохранилось

братство в с. Кондобаровы Липяги (правда, объединявшее всего 19 человек)⁵². В некоторых уездах крестьяне не только сохраняли уже имеющиеся организации, но и пытались основывать новые.

Настроение воронежского крестьянства в целом продолжало оставаться весьма возбужденным. По сведениям, поступавшим из губернии в Департамент полиции, многие крестьяне сочувствовали как арестованным, так и оставшимся на свободе эсерам. При этом Воронежская губерния оставалась к концу 1911 г. фактически единственной губернией, где в период между революциями сохранялись действующие первичные сельские организации. В Нижнедевицком уезде даже в 1912 г. всерьез полагали, что вооруженное восстание отнюдь не за горами, а должно случиться в феврале. Кочетовские крестьяне активно готовились к этому событию, и даже запасались доступным оружием⁵³.

Таким образом, даже в период общего затухания революционной деятельности, как в целом по стране, так и в Воронежской губернии, в различных ее уголках продолжали теплиться революционные настроения, в основе которых лежали определенные пункты эсеровской программы. В свете этого неудивителен тот факт, что в феврале 1917 г. политическая жизнь всколыхнула воронежскую деревню с новой силой и главный вектор этой жизни определила именно ПСР. Характерно, что уже в марте состоялся съезд представителей волостных и уездных исполнительных комитетов, на котором делегаты фактически единогласно приняли все пункты программы ПСР, а на I Губернском крестьянском съезде, состоявшемся в Воронеже 21–23 апреля, были избраны делегаты на Всероссийский крестьянский съезд, в задачи которых входило, в первую очередь, вхождение во фракцию социалистов-революционеров.

К лету 1917 г. начинается активнейший процесс вступления воронежских крестьян в партию эсеров. Вплоть до осени влияние ПСР в сельской местности продолжало стремительно возрастать. За один только август в различных уездах было образовано 25 новых сельских партийных организаций общей численностью более двух тысяч человек⁵⁴. Показателен следующий пример: 25 июля 1917 г. сразу двести(!) крестьян с. Чертовицкое Воронежского уезда приняли эсеровскую программу и записались в состав Крестьянского союза ПСР⁵⁵. Основным полем деятельности данных организаций была агитация за своих кандидатов в различные волостные, уездные и губернские органы, сбор денег в пользу уездных и губернского Советов

Крестьянских депутатов, а также ознакомление сельских жителей с решениями административных органов различного уровня.

Особо показательным примером, характеризующим настроения воронежского крестьянства летом 1917 г., явился II Губернский крестьянский съезд, который состоялся в Воронеже 20 июля 1917 г. На съезде присутствовало свыше 500 делегатов от всех уездов Воронежской губернии. В президиум съезда вошли исключительно представители ПСР (председатель – М. Л. Коган-Бернштейн, товарищи председателя – В. П. Кобытченко, К. С. Буревой, секретарь – Д. П. Пьяных)⁵⁶. Более того, в составе делегации, избранной от крестьян губернии в Воронежский Совет, подавляющее большинство было представлено также социалистами-революционерами⁵⁷.

Наряду с созывами Губернских крестьянских съездов, весьма серьезную роль в политической жизни губернии играла крестьянская секция Воронежского совета. За все время ее существования эсеры преобладали в ней абсолютно. Так, уже в августе, когда эсеровское влияние в Советах пошатнулось, при очередном переизбрании крестьянской секции ее вновь избранный президиум был представлен пятью членами ПСР⁵⁸.

Все эти события происходили на фоне постоянного недовольства крестьян сложившейся политической ситуацией. Крестьянские волнения, выражавшиеся в основном в самовольных захватах помещичьих земель, или же самовольной, никем не санкционированной порубке леса, либо потраве лугов продолжали в течение всего 1917 г. нарастать, несмотря на то, что представители ПСР на всех уровнях вплоть до сельских сходов резко осуждали подобные действия.

К октябрю 1917 г. эти акции приобрели угрожающие масштабы, о чем свидетельствует обращение комиссара Валуйского уезда (кстати, члена ПСР) к губернским властям с просьбой о введении в уезде военного положения, а также о присылке воинской команды для прекращения крестьянских беспорядков⁵⁹. Казалось бы, складывалась парадоксальная ситуация: с одной стороны крестьяне поддерживали эсеров в выборных органах, с другой же игнорировали их директивы. Однако противоречие здесь представляется только внешним. Во многом подобные действия крестьян были спровоцированы самой же партией, категорично заявившей о невозможности немедленного раздела помещичьих земель и подорвавшей таким образом веру крестьян в наиболее близкий для многих из них (и, пожалуй, единственно близкий для некоторых) пункт партийной

программы. Впоследствии это расхождение сыграло для партии роковую роль, подтолкнув многих крестьян к поддержке большевиков. Однако воронежские крестьяне в основной своей массе продолжали оставаться лояльными в отношении ПСР.

Так, 26 октября, уже после знаменательных событий в столице, Крестьянская секция Воронежского совета приняла резолюцию, в которой осудила захват большевиками власти и обещала «бороться с ними нашими мужицкими средствами»⁶⁰.

Спустя три дня после описанных событий, Крестьянская секция Совета, несомненно, под влиянием «правых» эсеров приняла резолюцию об отделении от Совета и создании Совета Крестьянских депутатов, безраздельное влияние и все ключевые посты в котором принадлежали представителям ПСР⁶¹.

21–23 ноября в Воронеже проходил III Губернский крестьянский съезд, вновь продемонстрировавший сколь сильно влияние эсеров на воронежское крестьянство. Из 552 присутствовавших делегатов к ПСР принадлежали 487 человек, в то время как большевиков на съезде присутствовало 35 человек, количество же представителей иных партий было крайне незначительно. Места в президиуме съезда были безраздельно заняты представителями ПСР⁶². На съезде развернулась острейшая дискуссия между эсерами и большевиками по целому ряду политических вопросов. В конечном счете, 450 голосами против 27 была принята эсеровская резолюция, осудившая «октябрьский переворот» и призывавшая к отказу от поддержки большевистского правительства и всемерной поддержке Учредительного собрания⁶³.

Однако с декабря 1917 г. влияние ПСР среди крестьян Воронежской губернии начинает постепенно падать. Причинами этого послужил с одной стороны раскол в самой партии, с другой же нерешительность «правых» эсеров в земельном вопросе. Показателем этого могут служить проведенные в декабре 1917 г. два параллельных крестьянских съезда, один из которых был созван большевиками и левыми эсерами, другой же «правыми» эсерами. Оба съезда избрали депутатов на Всероссийский крестьянский съезд, причем полномочия делегатов обоих съездов были признаны⁶⁴. И хотя на «правоэсеровском» съезде делегатов с правом решающего голоса было в два раза больше, нежели на «большевистском», эти два события наглядно демонстрируют наметившуюся тенденцию к потере «правыми» эсерами своего влияния в крестьянской среде, поскольку на предыдущих

крестьянских съездах эсеры господствовали практически безраздельно. Одновременно с этим к апрелю 1918 г. «правые» эсеры фактически теряют свое влияние на политической арене края, все больше и больше проигрывая большевикам в Советах, и, теряя, таким образом, возможность легально влиять на настроения крестьянства.

Таким образом, подводя итоги, можно констатировать, что партия социалистов-революционеров в своих взаимоотношениях с крестьянством Воронежской губернии прошла несколько этапов. На первом из них, оставаясь по существу относительно замкнутой организацией революционно настроенной интеллигенции, губернская партийная организация стремилась распространить свое влияние на широкие крестьянские массы путем рассылки пропагандистской литературы, при этом вступая в эпизодические контакты с представителями крестьянства.

С началом Первой русской революции воронежские эсеры форсируют свою деятельность по проникновению в деревню, делая основной упор уже на организационную сторону вопроса и создавая многочисленные первичные крестьянские организации. В силу уже названных причин в губерниях Центрального Черноземья эта деятельность имела особый успех. На этом этапе можно вполне обоснованно говорить, по крайней мере, применительно к Воронежской губернии, о превращении ПСР в полноценную массовую политическую партию. Благодаря тому, что пункт эсеровской программы о социализации земли нашел самый горячий отклик среди представителей воронежского крестьянства, ПСР сохраняла свое влияние в этой среде вплоть до конца 1917 г. Однако определенная нерешительность социалистов-революционеров в претворении этого пункта в жизнь в ходе революционных событий 1917 г. постепенно подтолкнула крестьянство в сторону большевиков, предложивших более радикальное решение проблемы.

При этом некоторые губернские партийные деятели, на взгляд автора, несколько переоценивали приверженность крестьян программным установкам партии, в то время как многие крестьяне видели в эсеровской программе лишь путь к скорейшему переделу помещичьих земель в свою пользу. Тем не менее, партии социалистов-революционеров удалось сыграть, пожалуй, наиболее значительную, по сравнению с другими политическими силами, роль в деле распространения социалистических и революционных идей среди воронежского крестьянства и вовлечении его в политическую жизнь в

переломные для жизни общества моменты. Некоторые же пункты аграрной программы партии были претворены в жизнь в первые годы советской власти, правда, уже их главными политическими противниками.

¹ ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 301. Л. 2.

² Там же.

³ *Слетов С. Н.* К истории образования партии социалистов-революционеров. Пг., 1917. – С. 81–82.

⁴ Там же. С. 55.

⁵ ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 301. Л. 5.

⁶ Там же.

⁷ ГАВО. Ф. И–1. Оп. 1. Д. 195. Л. 2–3.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Д. 196. Л. 114–118 об.

¹⁰ См.: *Спиридович А. И.* Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1918. С. 75.

¹¹ ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 301. Л. 26.

¹² ГАВО. Ф. И–6. Оп. 1. Д. 485. Л. 57 об.–58.

¹³ Там же. Л. 88.

¹⁴ Там же. Л. 90.

¹⁵ Там же. Л. 37.

¹⁶ Там же. Л. 45.

¹⁷ *Леонов М. И.* Деятельность эсеров в деревне на рубеже XIX–XX вв. // Крестьянское движение в трех русских революциях. Куйбышев, 1982. С. 38–39.

¹⁸ См.: *Леонов М. И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 34–35.

¹⁹ Там же. С. 35.

²⁰ Там же. С. 159.

²¹ *Степынин В. А.* Крестьянство Черноземного Центра в революции 1905–1907 гг. Воронеж, 1991. С. 34.

²² ГАВО. Ф. И–1. Оп. 1. Д. 544. Л. 17.

²³ Там же. Л. 23.

²⁴ Там же. Л. 53.

²⁵ Там же. Д. 543. Л. 12 об.

²⁶ ГАВО. Ф. И–1. Оп. 2. Д. 181. Л. 116, 130–201; Д. 217. Л. 9–14, 26, 127, 137.

²⁷ *Леонов М. И.* Партия социалистов-революционеров... С. 255.

²⁸ ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 301. Л. 53.

²⁹ Там же. Л. 54.

³⁰ Там же. Л. 55.

³¹ Там же. Л. 59, 61.

³² Там же.

³³ Там же. Л. 59–60.

³⁴ Там же. Л. 65.

-
- ³⁵ Там же. Л. 120–124 об.
- ³⁶ ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 298. Л. 33.
- ³⁷ Там же. Д. 301. Л. 95.
- ³⁸ Там же. Л. 40.
- ³⁹ Там же. Л. 103, 104, 106, 116–118, 141, 145.
- ⁴⁰ *Леонов М. И.* Деятельность эсеров в деревне... С. 31.
- ⁴¹ ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 301. Л. 71–72.
- ⁴² *Коноваленко М. П.* Государственная дума и деятельность в ней депутатов от губерний Центрального Черноземья: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1999. С. 93.
- ⁴³ ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 301. Л. 112.
- ⁴⁴ Там же. Л. 94–95.
- ⁴⁵ Там же. Л. 102–106.
- ⁴⁶ Там же. Л. 113–117 об.
- ⁴⁷ Там же. Л. 140–141.
- ⁴⁸ ГАВО. Ф. И–6. Оп. 2. Д. 188. Л. 5.
- ⁴⁹ ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 301. Л. 117 об.
- ⁵⁰ ГАВО. Ф. И–6. Оп. 2. Д. 158. Л. 5.
- ⁵¹ Там же. Д. 143. Л. 33.
- ⁵² ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 239. 1909. Д. 9. Ч. 11. Л. 33, 64 об., 86 об.
- ⁵³ Там же. Л. 77 об.
- ⁵⁴ ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 299. Л. 1–2.
- ⁵⁵ Социалист-революционер. 1917. 26 июля.
- ⁵⁶ Социалист-революционер. 1917. 22, 26, 28 июля.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Социалист-революционер. 1917. 22 авг.
- ⁵⁹ *Лавыгин Б. М.* 1917 год в Воронежской губернии. [Хроника]. Воронеж, 1928. С. 120.
- ⁶⁰ Голос труда. 1917. 2 ноября.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Воронежский телеграф. 1917. 22, 23, 25 ноября.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ См.: *Переверзев А. Я.* Социалистическая революция в деревне Черноземного центра России (Октябрь 1917–1918 гг.). Воронеж, 1976. С. 83.

Воронежские неонародники о крестьянской политике в 1920-е гг.

Народничество, как система взглядов о возможности перехода России на некапиталистический путь развития, долгое время доминировало в общественно-политическом сознании русской интеллигенции. На это были свои причины. Торжество принципов буржуазного либерализма на Западе обернулось резким социальным расслоением и, как представлялось многим гуманистам, отчетливо выраженной несправедливостью в распределении материальных благ. Зародившееся в европейском обществе представление о социализме как естественном ответе на пороки буржуазного господства уже в середине XIX в. стало достоянием быстро формировавшейся в России демократической интеллигенции. Однако русский социализм, родоначальниками которого по праву считались А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский, не мог копировать социализм европейский. Полное доминирование крестьянства в структуре отечественного общества предопределило поиск особого, непролетарского пути к социализму в России. Таким поиском и была отмечена идейная жизнь русской демократической интеллигенции, выступавшей под флагом народничества. Начиная с эпохи отмены крепостного права и вплоть до революционных потрясений начала XX в. русские народники связывали социалистические надежды с традиционными формами крестьянской жизни, прежде всего с сельской общиной. Социально-экономическое освобождение и окультуривание общины народники неизменно рассматривали как залог успешного перехода России к социализму¹.

Между тем, судьба русской общины в начале XX в. оказалась под большим вопросом. Октябрьская революция 1917 г. застала деревню в фазе глубокого реформирования. Взятый указом 9 ноября 1906 г. курс на приватизацию надельной земли был направлен на решительное изменение традиционных устоев народной жизни. Правительство П. А. Столыпина рассчитывало такой политикой достичь многих целей. Прежде всего, оно стремилось создать условия для развития гражданственности в крестьянской среде и избавить

^а Статья написана при поддержке РГНФ, проект № 03-01-008-10-а/ц.

Россию от хронической угрозы тяжелой социальной смуты. Кроме того, реформаторы полагали, что ликвидация архаичного общинного землевладения позволит перевести сельское хозяйство России с преимущественно экстенсивных путей развития на интенсивные. Столыпинский аграрный курс был, следовательно, диаметрально противоположен социальным надеждам народников. Впрочем, в одном аспекте столь разные варианты аграрного развития все же пересекались. Как и народники, творцы новой аграрной политики стремились к ликвидации господства кулаков в общине. П. А. Столыпин и его сторонники считали, что выделение из общины крепких и трезвых хозяев даст возможность вести эффективное товарное производство. А это, в свою очередь, должно положить предел распространению в деревне ростовщичества (или кулачества), когда деятельный крестьянин богател не за счет развития производства, а за счет спекулятивных операций внутри общины.

Важной особенностью нового аграрного курса можно считать целенаправленные усилия администрации и общества по подъему культуры русского крестьянства, по распространению в деревне общих и специальных знаний. В этом отношении столыпинская аграрная политика также имела определенный момент совпадения с представлениями народников, но только тех из них, которые представляли умеренно-реформаторское течение в рамках своего движения. Организаторы реформы были убеждены, что само по себе выделение крестьян из общины недостаточно. Перешедшие к индивидуальному хозяйствованию крестьяне должны своим примером доказать экономические и социальные преимущества нового образа жизни. Сделать это они смогут только в том случае, если почувствуют реальную поддержку, если выход из общины будет обеспечен финансовой, организационно-технической, в том числе кооперативной и агрономической помощью.

Несомненным достоинством столыпинских преобразований был их конструктивный характер. Позитивные перемены невозможно было отрицать. Даже открытые противники самодержавия отмечали явные признаки прогресса в русской деревне. Известный исследователь аграрного строя России Б. Д. Бруцкус, при всей нелюбви к монархии, признавал: «Можно прямо утверждать, что именно в эпоху контрреволюции (т.е. в годы столыпинского премьерства. – М. К.) русское крестьянское хозяйство сдвинулось с той мертвой точки, на которой оно стояло в течение десятилетий. И как бы отрицательно

не относились к старому режиму, несомненно, что он, поскольку это было совместимо с его природой, стремился прогресс крестьянского хозяйства поддержать»².

В Воронежской губернии столыпинская аграрная политика пользовалась значительной общественной поддержкой. Многие представители администрации, деятели земских и научных учреждений активно включились в процессы реорганизации сельского хозяйства. Уже в 1910–1911 гг. в губернии появилась участковая агрономическая служба. Во всех уездах создавались опытные поля и участки, открывались сезонные и постоянные сельскохозяйственные курсы. В 1912 г. было принято решение о создании в Воронеже сельскохозяйственного института, развернувшего подготовку агрономов для Центрального Черноземья³. Быстрые темпы набирало кооперативное движение. С неподдельным энтузиазмом работали как правительственные, так и земские агрономы⁴.

Особенно плодотворно на ниве крестьянского просвещения трудились специалисты, приглашенные земством агрономы С. К. Чаянов (двоюродный брат известного экономиста А. В. Чаянова), Н. Н. Марфин, Б. Л. Брук, Ю. Е. Макаренко и др. Работам по подъему крестьянской культуры активно содействовали профессора Воронежского СХИ А. Н. Минин, И. Л. Ямзин, В. А. Шадрин, И. В. Якушкин. На глазах этих интеллигентов-практиков происходили позитивные сдвиги в жизни воронежской деревни, и они всячески способствовали преодолению культурной отсталости крестьянства. При этом большинство из этих специалистов стояло на так называемых неонароднических позициях. Они полагали, что общий подъем культуры в аграрном секторе экономики должен и будет сопровождаться укреплением хозяйственной устойчивости крестьянского двора. Так называемая моральная экономика кооперированного крестьянства рассматривалась как лучшая альтернатива социальным контрастам рыночного производства. Арестованный органами ОГПУ проф. Минин в 1931 г. откровенно говорил следователям, что является «сторонником демократического республиканского образа правления», что в 1917 г. «был членом народно-социалистической партии и принимал участие в выборах в Учредительное собрание»⁵. Практически все воронежские специалисты-агроarii в то время солидаризировались с взглядами Минина.

Вихри социальных потрясений 1917–1918 гг. круто изменили ход событий и нанесли тяжелый удар по надеждам неонароднической

интеллигенции. Одним из ближайших последствий Октябрьской революции стала, как известно, национализация всей земли. Ликвидация права на частные земельные владения разрушила практически все плоды столыпинского землеустройства. Правда, появилась почва для возрождения старых народнических общинных иллюзий. Большинство общинников и до революции с чувством враждебности относились к вышедшим на отруба или хутора односельчанам. Вполне естественно, поэтому, что крушение старого режима привело к своеобразному реваншу общинной деревни: процесс приватизации был остановлен, и община вернула себе бывшее полновластие в вопросах распоряжения земельными угодьями⁶.

Однако жизнь русских крестьян после революции лучше не стала. Скорее, наоборот. Годы гражданской войны и военного коммунизма нанесли колоссальный ущерб крестьянской экономике. Насильственная продразверстка фактически лишила крестьян возможности вести успешное хозяйство, что, разумеется, вело к быстрому росту их недовольства новыми властями. Антоновское восстание на Тамбовщине, захватившее и некоторые уезды Воронежской губернии, мятеж 1921 г. в Кронштадте вынудили большевиков перейти к новой экономической политике. Отмена продразверстки и введение прогрессивного продналога сопровождалось развитием элементов рыночной экономики; в деревне допускалась и даже поощрялась инициатива индивидуальных крестьянских хозяйств.

Воронежские специалисты-неонародники в большинстве своем отрицательно отнеслись к захвату большевиками власти и к их первым социальным мероприятиям. Во время гражданской войны многие из них симпатизировали белым. В октябре 1919 года большая группа профессоров и бывших земских интеллигентов даже ушла из города вместе с отступившими войсками генерала Мамонтова. Однако переход к НЭПу породил в их среде надежды на восстановление нормальной экономики и на вероятное изменение характера самой власти. Стоит заметить, что такие ожидания были свойственны многим; даже убежденные большевики нередко воспринимали НЭП как признак банкротства идей мировой революции.

Советская власть, в свою очередь, при переходе к хозяйственному строительству остро нуждалась в знаниях и опыте старых специалистов. Одной преданности коммунистическим идеалам оказалось мало для восстановления экономического потенциала страны. Поэтому бывшие земские и правительственные агрономы в 1920-е гг.

были довольно широко представлены в местных учреждениях наркомата земледелия, в плановых и финансовых органах управления и в сфере сельскохозяйственного образования. В Воронежском СХИ продолжали работать А. Н. Минин, Н. П. Макаров, И. В. Якушкин, И. Л. Ямзин и другие профессора дореволюционной формации.

Пока в экономике господствовали принципы НЭПа, старые специалисты пользовались несомненным авторитетом. Опыт, полученный ими в годы столыпинского землеустройства, пригодился для возрождения крепких крестьянских хозяйств. При их прямом содействии, а нередко и под их руководством в губернии велась успешная работа по преодолению чересполосицы и дальнотемелья, по рациональному размещению крестьянских селений, по кооперированию мелких сельских товаропроизводителей. Делали это воронежские специалисты с очевидным успехом, опираясь на прямую поддержку руководства Наркомзема, где в годы НЭПа большим влиянием пользовались сторонники аграрных теорий А. В. Чаянова, А. Н. Челинцева и Н. Д. Кондратьева. Будущее России эти специалисты связывали с устойчивым развитием индивидуальных крестьянских хозяйств. При этом огромное значение придавалось развитию общих и специальных знаний, кооперации, сбалансированной экономической политике государства. Лучшие перспективы социально-экономического и политического развития страны эти теоретики связывали не с индустриализацией, а с хозяйственным и культурным развитием русского общинного крестьянства.

Ученые-агрии хорошо понимали, что начать восстановление разрушенного политикой военного коммунизма хозяйства могли, прежде всего, инициативные крестьяне, умевшие и желавшие хорошо работать. При этом они не скрывали, что предприимчивое меньшинство крестьянства очень скоро может приобрести признаки мелкой буржуазии. Бояться этого, полагали специалисты, не следует. Выступая в августе 1922 г. на губернской бюджетно-плановой конференции, проф. А. Н. Минин с надеждой указал на то, что деревня возрождается и при этом неизбежно расслаивается. «Появилась, – говорил он, – и будет расти деревенская буржуазия, имеющая рабочий скот. Этот новый слой, эти верхушки нужно щадить, давая им возможность крепнуть». Только крепкий и трезвый труженик, считал профессор, мог отвести от страны костлявую руку голода, а потом обеспечить рост накоплений для грядущего экономического роста. Между тем, вокруг хороших хозяев уже немало крутиться

тех, кто желал бы по революционной привычке воспользоваться правом бесконтрольного дележа чужих доходов. Докладчик опасался, что «низшие агенты власти» в своем налоговом усердии, в своем стремлении «подстричь» плательщика, «даже и при самых лучших намерениях, подорвут хозяйство новых пионеров возрождающейся деревни».

Надо заметить, что газета местных коммунистов весьма осторожно сочла «спорным» утверждение Минина, что хозяйственную дифференциацию воронежской деревни надо принять «как неизбежное явление современности и поэтому приветствовать»⁷. Разумеется, «спорными» утверждения Минина могли казаться только в начале НЭПа; через несколько лет они станут представляться властям откровенно вражескими.

Опытные агрономы хорошо понимали особенности мировоззрения крестьянства, присущую ему крайнюю осторожность при выборе новых форм хозяйствования. Выступая в апреле 1922 г. на проходившем в Воронеже съезде землеустроителей, тот же проф. А. Н. Минин, высказался, между прочим, по вопросу о перспективах сельской общины. Революция, как известно, привела к ликвидации подворного землеустройства, что отрицательно оценивалось многими специалистами-агряриями. Как юридический институт, говорил, в частности, Минин, общинная форма землепользования «без сомнения является совершенно отжившей». Но быстро избавиться от нее едва ли удастся, «общинное землепользование, несомненно, просуществует еще 1–2 поколения, так как оно слишком крепко въелось в представление крестьянства о земле и формах владения ею»⁸.

С точки зрения Минина архаичные порядки в деревне, да и во всей стране можно преодолеть только путем подъема крестьянской культуры. Пройдет совсем немного времени и профессор убедится, что с общинным строем деревни советская власть суме покончить быстро, нанеся удар по нему с совершенно неожиданной для ученого стороны. Если Минин и его единомышленники рассчитывали на постепенный прогресс рационально устроенных крестьянских хозяйств, то руководители страны рассчитывали победить общину ее же оружием – форсированной коллективизацией, но уже не только земли, а и средств производства, включая труд самих крестьян. К началу первой пятилетки высшие руководители партии и Советского государства пришли к твердому убеждению, что ближайшая перспектива развития СССР должна состоять в форсированной индуст-

риализации экономики. Ставка на подъем промышленности неизбежно сопровождалась ускоренным раскрестьяниванием русской деревни. Пути партийно-политического руководства и неонародников окончательно разошлись. Можно вспомнить, что в 1920-е гг. А. В. Чаянов создавал весьма популярную в неонароднических кругах версию о будущем развитии России. Его «путешествие брата Алексея» рисовало социалистическую страну без больших городов и при полном преобладании гораздо более нравственной, по мнению народника, экономики крепких и культурных крестьянских дворов.

В годы НЭПа, в условиях очевидного оживления хозяйственной жизни всей страны, а деревни особенно, агрономы делали свое дело. С трудом, но неуклонно крестьянское хозяйство Воронежской губернии восстанавливало подорванный в годы гражданской войны потенциал. К 1926 г. сельская экономика губернии вышла по основным показателям продуктивности на средний уровень довоенного пятилетия. Была в этих успехах и очевидная заслуга агрономов столыпинского времени. Но на подозрении «буржуазные» специалисты оставались и в годы хозяйственного подъема. С ними мирились поневоле, но слежку все-таки начали. Подготовленный в 1931 г. чекистами особый «Меморандум» сообщал, что в Воронежский губотдел ОГПУ уже с 1923 г. «стали поступать агентурные материалы о контрреволюционной деятельности группы агрономов, выразившейся в пропаганде неонароднических идей среди агроперсонала и использования советского аппарата с целью усиления экономического положения кулацких и зажиточных слоев крестьянства»⁹.

Примечательно, что заботы о деревенской зажиточности квалифицировались как неонародничество и контрреволюция. По такой логике культивирование крестьянской бедности следовало расценивать как дело, совпадающее с интересами советской власти. Впрочем, об опоре на бедноту руководители ВКП (б) говорили неизменно; получалось, что сокращение крестьянской бедности подрывало устойчивость пролетарского государства.

«Меморандум» далее сообщал, что по сведениям политического сыска уже к 1924 г. группа агрономов-неонародников «охватила своим влиянием Средне-Черноземное общество сельскохозяйственного кредита и промысловой кооперации». В этом обществе оппозиционных советской власти кооператоров возглавлял проф. СХИ Н. И. Щукин, «который считал, что настоящая кооперация была в до-революционный период, а сейчас ее нет». К числу таких оппонентов

следствие отнесло Д. Г. Лихоносова, Н. И. Попова, П. П. Пономарева, И. М. Нигрова, А. И. Дикова, Н. В. Цимбалиста и других специалистов в области кредита и кооперации¹⁰. Секретный осведомитель ОГПУ доносил, что на сходках кооператоров-оппозиционеров фигурировали А. Н. Минин, С. К. Чаянов, а также видный экономист профессор Воронежского СХИ П. Н. Першин. Разговоры специалисты вели самые крамольные. Минин, например, демонстрировал явное несогласие с марксистским классовым подходом. Нам, профессорам, заявлял он, «нужно, чтобы студенты имели желание получить знание для передачи их в дальнейшем крестьянам, какого оттенка будет студент – белого, красного, зеленого и т.д. – для профессора не важно»¹¹. Сильное влияние на позиции этой группы оказывал проф. Н. П. Макаров, который считал, что крестьянское хозяйство развивается по особым законам и в него нельзя врываться с марксистскими принципами классовой борьбы¹².

Переход к политике сплошной и, зачастую, принудительной коллективизации прервал недолгое сотрудничество «буржуазных» специалистов с советской властью. Сталинское руководство, в отличие от неонародников, стало рассматривать зажиточных крестьян не как носителей культурного прогресса русской деревни, а как очевидных и чрезвычайно опасных противников социалистической перестройки сельского хозяйства. Роль классовой опоры при проведении такой политики должна была выполнить сельская беднота, которую власть легко могла вдохновить на «раскулачивание», а фактически на беспрецедентное в истории массовое ограбление наиболее состоятельных и предприимчивых слоев деревни. Термин «кулак», являвшийся синонимом ростовщика, мироеда и спекулянта, был распространен на всех крепких крестьян, независимо от источников их благосостояния. Вполне понятно, что в такой ситуации конфликт старых специалистов с советской властью стал неизбежен.

На рубеже 1920–1930-х гг. органы ОГПУ провели целую серию арестов. Вскоре было объявлено, что чекистами раскрыта и ликвидирована нелегальная организация, носившая название «Трудовой крестьянской партии», члены которой намеревались изменить государственный и социально-экономический строй советской страны. Отделение этой партии было «обнаружено» и в Воронеже¹³. Актив воронежского отделения составили те самые специалисты, которые энергично поддерживали до революции курс столыпинской аграрной модернизации, а в годы НЭПа усердно трудились над восста-

новлением крестьянских хозяйств. Историю фабрикации этого дела обстоятельно осветили воронежские исследователи. Наиболее подробное описание репрессий в отношении специалистов-агровладельцев предпринял В. Н. Плаксин¹⁴. Наличие труда этого автора делает излишним описание конкретных обстоятельств печальной истории расправы с агрономами и профессорами. Здесь же следует обратить внимание на некоторые очень симптоматичные детали обвинений, выдвинутых против специалистов, считавшихся до ареста вполне лояльными работниками советских учреждений. Именно эти детали иллюстрируют глубочайшее различие в понимании перспектив развития русской деревни, абсолютную несовместимость устремлений реформаторов дореволюционной поры с планами преобразователей эпохи сталинских пятилеток.

Объективно говоря, конфликт с властью был неизбежен. Политика сплошной и фактически принудительной коллективизации решительно расходилась с представлениями агрономов о путях развития крестьянской экономики. Организаторы «великого перелома» это хорошо понимали. Своеобразная социальная «зачистка» проводилась ради пресечения любых возможных проявлений недовольства мероприятиями высшего руководства страны.

Что же, в конце концов, доказывало следствие? Из материалов дела следовало, что в Воронеже еще в первые годы советской власти сгруппировались контрреволюционно настроенные специалисты, объединившиеся в 1922 г. в «общество агрономов». В его состав вошли С. К. Чаянов, Н. Н. Марфин, Ю. Е. Макаренко, А. Н. Минин, Н. П. Макаров, бывший губернский агроном М. П. Иванов, бывшие уездные агрономы Б. Л. Брук и Н. М. Чеболак, бывший ректор СХИ проф. К. Д. Глинка, проф. П. Н. Першин и ряд других специалистов. Все эти люди сошлись на почве поддержки мероприятий по ликвидации частной (прежде всего помещичьей) земельной собственности, но при этом считали, что свободное крестьянское хозяйство не может развиваться по марксистским принципам. Арестованный по делу «ТКП» Б. Л. Брук говорил на следствии, что воронежские агрономы находились под влиянием неонароднических идей. Основу же этих идей составляло убеждение, что крестьянскую экономику России нельзя ломать в угоду любой идеологической схемы, в том числе марксистской. Душой воронежского общества агрономов, показывал Брук, был С. К. Чаянов, призывавший вести практически полезную для крестьян работу и при большевистском руководстве¹⁵.

Следователям важно было установить контрреволюционный характер общества агрономов. Поэтому они особенно подчеркнули тот факт, что многие из специалистов уходили из Воронежа вместе с отступавшими белыми войсками осенью 1919 г. Как выяснилось, навсегда покинуть советскую Россию довелось далеко не всем. Возвращение многих беглецов в Воронеж расценивалось следствием как стремление замаскировавшихся контрреволюционеров внедриться в структуры советского и хозяйственного аппарата для его расшатывания изнутри. Тем более, что вскоре после их возвращения в стране начался НЭП. Как известно, ленинское руководство встало тогда на единственно возможный спасительный для страны (и для себя) путь: крестьянство получило возможность делать накопления и заниматься предпринимательской деятельностью. К деревне был обращен лозунг «Обогащайтесь!», позволивший в относительно короткие сроки оживить хозяйственные отношения и поднять производство столь нужного стране продовольствия.

Следствие обратило внимание на то, что новый экономический курс агрономы встретили с энтузиазмом. Сильное подозрение теперь вызывало то, что старые специалисты с большим успехом повели деятельность, направленную на последовательную защиту и поддержку интересов индивидуальных крестьянских хозяйств¹⁶. Из материалов дела видно, что агрономы-рационализаторы переоценили политические возможности новой экономической политики. Большинство из них надеялось, что возрождение (пусть и очень ограниченное) рыночных отношений в экономической жизни рано или поздно приведет к перерождению советского строя в демократическом направлении. Поэтому практическая работа специалистов рассматривалась как одно из косвенных условий ожидаемого политического успеха.

Ничего похожего, однако, не произошло. Пережив разруху и трудные (в политическом отношении) годы хозяйственного возрождения сталинское руководство взяло курс на свертывание НЭПа. Форсированное и зачастую насильственное проведение сплошной коллективизации крестьянства положило конец иллюзиям интеллигентов-агрономов. Советской власти стали не нужны специалисты, делавшие ставку на развитие крепких крестьянских хозяйств. Более того, они теперь рассматривались – и не без оснований – как идейные противники социалистических преобразований по планам большевистского руководства. Репрессии против старых специалистов

стали необходимым условием победы социализма сталинского типа. Еще совсем недавно, когда требовалось решить жгучую проблему недостатка продуктов, власти поощряли работы по развитию культурного землеустройства, теперь эти же работы стали расцениваться как проявление классово враждебной политики. Следователи ОГПУ чутко прислушивались к руководящим указаниям вождя. И. В. Сталин, между тем, прекрасно понимал, что идеология сплошной коллективизации сельского хозяйства несовместима с мировоззрением ученых-аграриев, отстаивавших теорию устойчивости мелкого крестьянского хозяйства. «Непонятно только, – писал он в декабре 1929 г., – почему антинаучные теории “советских” экономистов типа Чаяновых должны иметь свободное хождение в нашей печати, а гениальные труды Маркса – Энгельса – Ленина о теории земельной ренты и абсолютной земельной ренты не должны популяризироваться и выдвигаться на первый план, должны лежать под спудом?»¹⁷. После таких сентенций не только прекращалось свободное хождение чуждых теорий в печати; исчезали и их носители.

Арестованным специалистам приходилось каяться в том, что еще совсем недавно считалось не преступлением, а заслугой перед советским государством. Тамбовский агроном В. С. Сабо, явно под диктовку следователей, показывал, что заботы специалистов об укреплении хороших хозяйств проводились с вражеским умыслом. Землеустроители, например, очень старались рационально расположить участки крепких крестьян. Поскольку такая помощь предоставлялась не всем подряд, а заинтересованным в ней крестьянам (т.е. точно также как в годы столыпинских преобразований!), постольку в глазах следствие это выглядело, как злонамеренное стремление сорвать коллективизацию. «Таким образом, – говорил агроном, – все землеустройство проводилось в интересах главным образом зажиточных и крепких хозяев и шло по пути развития собственнических тенденций и укрепления капиталистических элементов в деревне»¹⁸.

Показательна в этом отношении судьба Ю. Е. Макаренко одного из наиболее деятельных тружеников на ниве культурного развития воронежской деревни. Родился Юрий Емельянович в 1881 г. в Роменском уезде Полтавской губернии в семье украинца-казака. В 1902 г. он окончил в г. Лубны сельскохозяйственную школу, а затем на многие годы связал свою судьбу с Воронежским краем. Вскоре после начала столыпинской земельной реформы он занял должность

помощника губернского агронома и с большим усердием принялся проводить курс на рационализацию сельского хозяйства и на просвещение крестьянства. Ежегодно, начиная с 1909 г., Макаренко руководил поездками воронежских крестьян в те районы России, где успешно велось не общинное, а индивидуальное хозяйство. С особым вниманием группы воронежских крестьян изучали опыт ведения сельского хозяйства расселившимися в России немцами и чехами¹⁹. В 1917–1919 гг. Макаренко занимал должность председателя губернского общества кооператоров, а накануне коллективизации был одним из руководителей Облсельбанка.

Естественно, что и Макаренко попал в заключение за классово враждебную советской власти финансовую политику, направленную якобы на насаждение кулачества. Как это с точки зрения следствия происходило? Очень просто. Макаренко, как выяснилось, предпочитал давать банковские кредиты состоятельным и кредитоспособным, а не бедным крестьянам. В данном случае, замечал следователь, «мы имеем ту же идеологию по отношению к кредитованию бедноты, которую часто выражал Минин, что беднота кредиты прогуляет, и что вложенный государством рубль должен дать стране два, т.е. что государственные деньги должны пойти тому, кто их может возвратить»²⁰. По этой абсурдной логике, экономическая выгода противоречила политическому расчету: если даже бедняк прогуляет кредит, он останется классово своим, а приносящее прибыль хозяйство зажиточного крестьянина только укрепляло «кулацкий», а, значит, враждебный советской власти слой деревенского населения.

На следствии некоторые неонародники не скрывали своей антипатии к большевистским экспериментам. Проф. Минин, в частности, мужественно и честно заявил о своем несогласии с политикой ВКП (б). Октябрьский переворот он воспринял как «олигархический захват власти». В силу этого, пояснял Минин, «я не могу сочувственно относиться к советской власти, система которой покоится на диктатуре класса, который в настоящее время составляет меньшинство населения страны». Я надеялся, говорил профессор, что «наступит время, когда у власти будут стоять представители страны, выбранные на началах всеобщего голосования. А так как большинство нашей страны составляют крестьяне, то я надеялся, что наступит время, когда страной будет править власть, опирающаяся на крестьянство и защищающая его интересы, подобно тому, как в настоящее время в ряде стран, почти не имеющих помещиков, у власти

стоят аграрные партии, отражающие и защищающие интересы крестьянства»²¹.

Судьба агрономов-рационализаторов была предрешена. Расправа была суровой: репрессиям подверглись самые деятельные участники агрономической и просветительской деятельности в воронежской деревне 1920-х гг. Профессор А. Н. Минин погиб в лагере, в Восточно-казахстанской ссылке умер Ю. Е. Макаренко, к заключению в концлагерь и к ссылке были приговорены Б. Л. Брук, профессор И. В. Якушкин, профессор В. А. Шадрин, профессор Н. П. Макаров, агроном В. С. Сабо и многие другие квалифицированные специалисты. Все они были реабилитированы много лет спустя, после XX съезда КПСС²².

Подытоживая можно сказать следующее. В начале XX столетия Россия вообще, а Воронежская губерния в частности, стояли перед необходимостью решения неимоверно трудной проблемы избыточности аграрного населения. Потребности модернизации, а точнее, ускоренного промышленного и культурного развития неотвратимо требовали резкого сокращения доли сельского населения. Каким путем можно было решить эту колоссальную по сложности и по последствиям задачу? Столыпинский курс, деятельно поддержанный многими воронежскими специалистами, исходил из задачи сохранения и укрепления наиболее предприимчивых слоев крестьянства, «крепких хозяев». На переквалификацию в города и на транспорт должны были уйти те, кто не справлялся рыночными условиями хозяйствования. Сталинский аграрный курс имел прямо противоположную социальную направленность. В коллективизированной деревне политическое лидерство сохраняла беднота. Миллионы же крепких хозяев, произвольно причисленные к кулакам или подкулачникам, подверглись массовой экспроприации. Выбор был сделан, а альтернатива, на которую надеялись воронежские специалисты, не состоялась.

¹ Очерки русской культуры XIX века. Т. 4. М., 2003. С. 199–225.

² Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг., 1922. С. 6.

³ Шевченко В. Е., Филоненко С. И., Плаксин В. Н., Логунов В. И. Первый вуз Центрального Черноземья России. Воронеж, 2002.

⁴ Карпачев М. Д. Воронежское земство и аграрные реформы начала XX века // Общественная жизнь Центрального Черноземья России в XVII – начале XX века. Воронеж, 2002. С. 78–100.

⁵ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 1. Д. п-10083. Т. 7. Л. 28.

⁶ Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 104–105.

⁷ Воронежская коммуна. 1922. 3. авг.

⁸ Воронежская коммуна. 1922. 28 апр.

⁹ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 1. Д. п-10083. Т. 17. Л. 1.

¹⁰ Там же. Л. 3.

¹¹ Там же. Л. 5.

¹² Там же. Л. 154.

¹³ Болхоева А. Б., Николаев К. Б. Воронежское дело «Трудовой крестьянской партии» и его место в политических репрессиях 1930-х гг. // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2000. Вып. 8. С. 160.

¹⁴ Плаксин В. Н. Сталинизм и агрономическая интеллигенция: как делались «дела»... Воронеж, 2003. Ч. 1–2.

¹⁵ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 1. Д. п-10083. Т. 11. Л. 157.

¹⁶ Там же. Л. 158.

¹⁷ Сталин И. В. Сочинения. М., 1949. Т. 12. С. 152.

¹⁸ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 1. Д. 10083. Л. 11.

¹⁹ Отклики воронежских крестьян об экскурсиях на хутора и отруба (1909–1914 годы) // Источниковедение: поиски и находки. Воронеж, 2000. Вып. 1. С. 214.

²⁰ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 1. Д. п-10083. Т. 11. Л. 128.

²¹ Там же. Т. 7. Л. 36.

²² Плаксин В. Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 117–133. См. также: Базилевская В. Вспомним их... // Из небытия. Воронежцы в тисках сталинщины. Воронеж, 1992. С. 20–39.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР	– Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
БО	– Боевая организация
ВГУ	– Воронежский государственный университет
ВКП (б)	– Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВСК	– Всероссийский крестьянский союз
ГАВО	– Государственный архив Воронежской области
ГАОПИ ВО	– Государственный архив общественно- политической истории Воронежской области
ГЖУ	– Губернское жандармское управление
С. Е. И. В. К.	– Собственная Его Императорского Величия Канцелярия
ИК	– Исполнительный комитет
МГУ	– Московский государственный университет
МХА	– Медико-хирургическая академия
НЭП	– Новая экономическая политика
ОГПУ	– Объединенное государственное политическое управление
ПСР	– Партия социалистов-революционеров
РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства
РГИА (СПб)	– Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд
РО ИРЛИ	– Рукописный отдел Института русской литературы
СХИ	– Сельскохозяйственный институт

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпачев Михаил Дмитриевич – д-р ист. наук, проф., заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного университета.

Квасов Олег Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Воронежской государственной лесотехнической академии.

Кирчанов Максим Валерьевич – канд. ист. наук, доцент кафедры международных отношений и регионоведения Воронежского государственного университета.

Ключникова Наталья Леонидовна – соискательница кафедры истории России Воронежского государственного университета.

Куцеволов Андрей Анатольевич – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры теологии, историко-правовых и общегуманитарных дисциплин филиала Российского государственного социального университета в г. Воронеже.

Мокишин Геннадий Николаевич – д-р ист. наук, доцент кафедры истории России Воронежского государственного университета.

Пеньков Алексей Иванович – преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Воронежского института Государственной противопожарной службы МЧС России.

Перегудов Александр Викторович – канд. ист. наук, преподаватель кафедры политической истории Воронежского государственного университета.

Савицкая Елизавета Александровна – аспирантка кафедры истории России Воронежского государственного университета.

Сафронов Олег Семенович – канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного авиационного инженерного университета.

БИБЛИОГРАФИЯ ВОРОНЕЖСКОГО НАРОДНИКОВЕДЕНИЯ

1921

Шестаков А. В. Предтечи революции / А. В. Шестаков // Воронежская Коммуна. – 1921. – № 76, 80, 82.

1922

Татарчуков А. Н. Материалы по истории революционно-социалистического движения в Воронежской губернии. 70–90-е годы. Вып. 1. / А. Н. Татарчуков. – Воронеж, 1922. – 74 с.

1926

Тарадин И. П. Отголоски 1 марта 1881 г. в Воронежской губернии (К 45-летней годовщине) / И. П. Тарадин // Известия Воронеж. краеведческого общества. – 1926. – № 7–9. – С. 5–10; № 10–12. – С. 1–6.

1928

[*Алексеев В. Н.*] *В. А.* Великий русский ученый и критик (К столетнему юбилею со дня рождения Н. Г. Чернышевского) / В. А. // Ленинский путь. – 1928. – № 9. – С. 57–60.

1929

[*Алексеев В. Н.*] *В. А.* Из материалов о революционном движении до 1905 г. / В. А. // Ленинский путь. – 1929. – № 2. – С. 44–60.

[*Алексеев В. Н.*] *В. А.* К пятидесятилетию первого революционного съезда (Липецк-Воронеж) / В. А. // Ленинский путь. – 1929. – № 10. – С. 45–52; № 11–12. – С. 108–115.

Алексеев В. Н. В эпоху семидесятых годов. К пятидесятилетию съездов землевольцев / В. Н. Алексеев. – Липецк-Воронеж : Коммуна, 1929. – 32 с.

Алексеев В. Н. Революционное прошлое ЦЧО. (Краткий очерк). – Воронеж : Коммуна, 1929. – 56 с.

1930

Алексеев В. Исторические корни народовольческого социализма (По поводу юбилея «Народной воли») / В. Алексеев // Ленинский путь. – 1930. – № 5–6. – С. 90–94.

Алексеев В. Н. Революционное движение в Центрально-Черноземной области. Ч. 1. / В. Н. Алексеев. – М.; Воронеж : Работник просвещения, 1930. – 139 с.

1934

Фомичев С. К. 40-летию работы В. И. Ленина «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?» / С. Фомичев, В. Тюнин // Ленинский путь. – 1934. – № 7. – С. 45–54.

1935

Алексеев В. Н. Очерки истории революционного движения в Воронежской и Курской областях. Ч. 1 / В. Н. Алексеев. – Воронеж : Коммуна, 1935. – 222 с.

1940

Воронков И. Разгром мятежа «левых» эсеров в 1918 г. / И. Воронков // Ленинский путь. – 1940. – № 7–8. – С. 52–60.

1945

Замятнин В. Н. Н. Г. Чернышевский как экономист / В. Н. Замятнин // Тр. ВГУ. – Воронеж, 1945. – Т. 13. – Вып. 1. – С. 60–61.

1947

Замятнин В. Н. Н. Г. Чернышевский как критик буржуазной политической экономии / В. Н. Замятнин // Тр. ВГУ. – Воронеж, 1947. – Т. 14. – Вып. 2. – С. 102–140.

1948

Замятнин В. Н. Экономическое учение Н. Г. Чернышевского / В. Н. Замятнин. – Воронеж : Вперед, 1948. – 47 с.

Костин Г. А. Раннее творчество А. И. Эртеля – «Записки степняка» / Г. А. Костин // Известия Воронеж. гос. пед. ин-та. – Воронеж, 1948. – Т. 10. – Вып. 3. – С. 49–71.

1949

Замятнин В. Н. Н. Г. Чернышевский о стоимости и деньгах / В. Н. Замятнин // Тр. ВГУ. – Воронеж, 1947. – Т. 15. – С. 207–222.

Замятнин В. Н. Н. Г. Чернышевский о предмете и методе политической экономии / В. Н. Замятнин // Известия Акад. наук СССР. Отд. экономики и права. – М., 1949. – Т. 4. – С. 255–272.

1950

Замятнин В. Н. Н. Г. Чернышевский об общественных классах и распределении общественного продукта / В. Н. Замятнин // Тр. ВГУ. Сб. работ по истории. – Воронеж, 1950. – Т. 20. – С. 59–92.

1951

Замятнин В. Н. Экономические взгляды Чернышевского / В. Н. Замятнин. – М. : Госполитиздат, 1951. – 448 с.

1952

Замятнин В. Н. Академическое либерал-народническое направление в русской экономической науке (1870–1900 гг.) : автореф. дис. ... д-ра экон. наук / В. Н. Замятнин. – Воронеж, 1952. – 28 с.

1953

[*Замятнин В. Н.*] Исаев Андрей Алексеевич // Большая советская энциклопедия. – М., 1953. – Т. 18. – С. 472.

1954

Разумникова И. Я. Н. Г. Чернышевский о буржуазной демократии в США / И. Я. Разумникова // Тр. ВГУ. – Харьков, 1954. – Т. 29. – С. 79–94.

Шуляковский Е. Г. Борьба Н. В. Шелгунова против дворянско-буржуазной историографии в 60-х годах XIX в. / Е. Г. Шуляковский // Тр. ВГУ. – Л., 1954. – Т. 25. – С. 15–30.

Тупикин В. М. Проблемы истории средних веков в освещении Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. М. Тупикин. – Воронеж : ВГУ, 1954. – 20 с.

1955

Бороздин И. Н. Н. Г. Чернышевский о славянстве / И. Н. Бороздин // Тр. ВГУ. – Воронеж, 1955. – Т. 42. – Вып. 3. – С. 35–38.

Костин Г. А. А. И. Эртель : Жизнь и творчество / Г. А. Костин. – Воронеж, 1955. – 122 с.

Костин Г. А. Писатель-демократ : (К 100-летию со дня рождения А. И. Эртеля) / Г. А. Костин. // Лит. Воронеж. – 1955. – № 36. – С. 224–243.

Шуляковский Е. Г. К вопросу о распространении «Колокола» Герцена в Воронеже / Е. Г. Шуляковский // Тр. ВГУ. – 1955. – Т. 42. – Вып. 3. – С. 23–25.

1957

Гусев В. В. А. И. Герцен и некоторые вопросы исторической науки 30–40-х годов XIX века / В. В. Гусев // Тр. ВГУ. – Воронеж, 1957. – Т. 60. – Вып. 2. – С. 31–38.

Замятнин В. Н. Экономические воззрения Н. Г. Чернышевского и их место в истории экономической мысли : автореф. дис. ... д-ра экон. наук / В. Н. Замятнин. – М., 1957. – 39 с.

Размустов Б. А. Проблема долга в этике Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова / Б. А. Размустов // Тр. ВГУ. – Воронеж, 1957. – Вып. 1. – С. 27–33.

Разумникова И. Я. Н. Г. Чернышевский о гражданской войне в Соединенных Штатах Америки 1861–1865 гг. / И. Я. Разумникова // Тр. ВГУ. – Воронеж, 1957. – Т. 47. – С. 34–55.

Степанова З. Н. Русские революционные демократы о Востоке / З. Н. Степанова // Тр. ВГУ. – Воронеж, 1957. – Т. 59. – С. 39–52.

1958

Замятнин В. Н. Экономические воззрения Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова / В. Н. Замятнин. – М., 1958. – 54 с.

Костин Г. А. Александр Иванович Эртель : (К 50-летию со дня смерти писателя) / Г. А. Костин // Подъем. – 1958. – № 1. – С. 146–152.

1959

Гусев В. В. А. И. Герцен и вопросы историографии новой истории : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. В. Гусев. – Воронеж : ВГУ, 1959. – 14 с.

1960

Бердников Г. В. Н. Г. Чернышевский о франко-итальянской войне 1859 г. / Г. В. Бердников // Историографический сб. – Воронеж : ВГУ, 1960. – С. 45–58.

Дунаевский В. А. Н. А. Добролюбов о национально-освободительном движении в Италии нач. 60-х годов XX в. (к столетию события) / В. А. Дунаевский // Там же. – С. 27–44.

1961

Демидов Р. Г. Начало большого пути. Воронежская молодежь в революционном движении (1872–1919 гг.) / Р. Г. Демидов. – Воронеж : ВГУ, 1961. – 45 с.

Тяжелов П. П. Революционное народничество и крестьянство // Очерки ист. Воронежского края / П. П. Тяжелов. – Воронеж : ВГУ, 1961. – Т. 1. – С. 274–284.

1962

Пастревич Л. П. Экономические взгляды П. Н. Ткачева / Л. П. Пастревич // Науч. докл. высш. шк. Экономические науки. – 1962. – № 5. – С. 123–124.

Шуляковский Е. Г. «Колокол» в Воронеже / Е. Г. Шуляковский, М. М. Шевченко // Подъем. – 1962. – № 4. – С. 129–132.

1965

Бережанский А. Детские и юношеские годы Г. В. Плеханова / А. Бережанский // Подъем. – 1965. – № 6. – С. 117–124.

Ласунский О. Г. В. И. Дмитриева и В. Г. Короленко / О. Г. Ласунский // Сб. работ аспирантов ВГУ. – Воронеж, 1965. – Вып. 1. – С. 265–269.

Ласунский О. Г. В. И. Дмитриева – писательница из народа / О. Г. Ласунский // Подъем. – 1965. – № 4. – С. 107–114.

Чесноков В. И. В. И. Невский как историк русского революционного движения / В. И. Чесноков // История и историки : Историография ист. СССР. – М. : Наука, 1965. – С. 371–196.

1966

Чесноков В. И. В. И. Невский как историк революционного движения в России : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. И. Чесноков. – Воронеж : ВГУ, 1966. – 22 с.

1967

Бахмут В. Ф. Критика взглядов либеральных народников на земледельческую артель в работах В. И. Ленина / В. Ф. Бахмут // Сб. работ аспирантов ВГУ. – 1967. – Вып. 3. – Ч. 1. – С. 3–7.

Ласунский О. Г. Творчество писательницы В. И. Дмитриевой и литературное движение конца XIX – нач. XX вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж : ВГУ, 1967. – 19 с.

1968

Дмитриев Г. М. Организация «Наши» и ее деятельность / Г. М. Дмитриев // Ист. СССР. – 1968. – № 3. – С. 188–192.

Загоровский В. П. История нашего края. – 2-е изд., испр. и доп. / В. П. Загоровский, Ф. С. Олейник, Е. Г. Шуляковский. – Воронеж : ЦЧКИ, 1968. – 176 с.

1969

Дмитриев Г. М. П. Г. Зайчневский и его последователи в революционном движении 70-х годов XIX века / Г. М. Дмитриев // Революционное и общественное движение в России XIX века. Тез. докл. и сообщ. на науч. конф. – Воронеж : ВГУ, 1969. – С. 74–77.

Дмитриев Г. М. «Хождение в народ» (1874–1875 гг.) на территории Центрально-черноземных губерний России / Г. М. Дмитриев // Из ист. Воронежского края. [Вып. 3]. – Воронеж : ВГУ, 1969. – С. 128–146.

Иванов Ю. Н. Жизнь – подвиг [О С. М. Кравчинском] / Ю. Н. Иванов // Подъем. – 1969. – № 2. – С. 167–169.

Иванов Ю. Н. Кризис «Земли и воли» в освещении С. М. Кравчинского / Ю. Н. Иванов // Революционное и общественное движение в России XIX в. : Тез. докл. и сообщ. на науч. конф. – Воронеж : ВГУ, 1969. – С. 49–52.

Иванов Ю. Н. Отражение революционно-народнического движения в литературном наследии С. М. Степняка-Кравчинского : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ю. Н. Иванов. – Воронеж : ВГУ, 1969. – 18 с.

Иванов Ю. Н. Публикации С. М. Степняка-Кравчинского в оценке английской прессы 80-х годов XIX в. / Ю. Н. Иванов // Из ист. нового и новейшего времени. Вып. 2. – Воронеж : ВГУ, 1969. – С. 169–182.

Иванов Ю. Н. У истоков революционной журналистики (Ранняя публицистика С. М. Степняка-Кравчинского) / Ю. Н. Иванов // Вопросы журналистики. – Вып. 1. – Воронеж : ВГУ, 1969. – С. 94–110.

Карпачев М. Д. Основные этапы истории военной организации «Народной воли» / М. Д. Карпачев // Революционное и общественное движение в России XIX века. Тез. докл. и сообщ. на науч. конф. – Воронеж : ВГУ, 1969. – С. 59–63.

Проторчина В. М. Отражение борьбы революционного народничества в творчестве русских художников второй половины XIX века / В. М. Проторчина // Там же. – С. 77–81.

Чесноков В. И. В. И. Невский солдат революции и исторического фронта / В. И. Чесноков // Вопросы истории и историографии СССР. – Воронеж : ВГУ, 1965. – С. 60–75.

Чесноков В. И. Революционные народники и рабочие : Некоторые аспекты постановки проблемы в советской историографии / В. И. Чесноков // Революционное и общественное движение в России XIX века. Тез. докл. и сообщ. на науч. конф. – Воронеж : ВГУ, 1969. – С. 100–103.

1970

Игнатов И. И. А.И. Эртель / И. И. Игнатов // Очерки литературной жизни Воронежского края. XIX – начало XX в. – Воронеж : ЦЧКИ, 1970. – С. 247–269.

Кузнецов В. И. Г. И. Недетовский (О. Забытый) / В. И. Кузнецов // Очерки литературной жизни Воронежского края. XIX – начало XX в. – Воронеж : ЦЧКИ, 1970. – С. 270–293.

Ласунский О. Г. В. И. Дмитриева / О. Г. Ласунский // Там же. – С. 337–356.

Ласунский О. Г. Н. М. Астырев / О. Г. Ласунский // Там же. – С. 324–336.

Переверзев А. Я. Из истории борьбы РКП(б) с левыми эсерами в 1918 г. / А. Я. Переверзев // Сб. работ аспирантов ВГУ. – Воронеж, 1970. – Вып. 5. – С. 86–88.

1971

Бережанский А. Годы на родине [из жизни Г. В. Плеханова] / А. Бережанский // *Собеседник : Портреты. Этюды. Ист. повествования. Очерки.* – Воронеж : ЦЧКИ, 1971. – С. 78–91.

Дмитриев Г. М. Движение революционного народничества в Центрально-черноземных губерниях России в первой пол. 70-х годов XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Г. М. Дмитриев. – Воронеж : ВГУ, 1971. – 24 с.

1972

Корнилов Е. Г. Земская демократическая интеллигенция и ее участие в революционном движении 70-х годов XIX века / Е. Г. Корнилов // *Сб. науч. работ аспирантов ВГУ.* – Воронеж, 1972. – Вып. 6. С. 220–225.

Чесноков В. И. Поиски материалов о Г. В. Плеханове в воронежских архивах в 1920 г. / В. И. Чесноков // *Из ист. Воронежского края.* Вып. 4. – Воронеж : ВГУ, 1972. – С. 33–46.

1973

Карпачев М. Д. [Рецензия] / М. Д. Карпачев // *Вопросы ист.* – 1973. – № 9. – С. 156–157. – Рец. на кн. : *Сводный каталог нелегальной и запрещенной печати XIX века : (Книги и периодические издания) : в 9 ч.* – М. : Издание библиотеки им. Ленина, 1971.

Карпачев М. Д. Англо-американская буржуазная историография об отношении К. Маркса и Ф. Энгельса к революционному народничеству / М. Д. Карпачев // *Вестник МГУ. Сер. Ист.* – 1973. – № 5. – С. 29–39.

Карпачев М. Д. Русское революционное народничество в освещении английской и американской буржуазной историографии : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. Д. Карпачев. – Воронеж : ВГУ, 1973. – 23 с.

1974

Карпачев М. Д. Англо-американская историография о роли теоретиков в формировании идеологии революционного народничества / М. Д. Карпачев, В. Г. Джангирян // *Тр. РУДН.* – М., 1974. – Т. 72. – Вып. 5. – С. 33–57.

1975

Карпачев М. Д. К оценке Липецкого и Воронежского съездов «Земли и Воли» в современной буржуазной исторической литературе / М. Д. Карпачев // *Из ист. Воронежского края.* Вып. 5. – Воронеж : ВГУ, 1975. – С. 91–99.

1977

Слинько А. А. Из истории русской демократической критики : литературно-критическое наследие Н. К. Михайловского / А. А. Слинько. – Воронеж : ВГУ, 1977. – 173 с.

1978

Карпачев М. Д. Англо-американская буржуазная историография об истоках движения революционного народничества в России / М. Д. Карпачев // *Ист. СССР.* – 1978. – № 6. – С. 206–216.

Слинько А. А. К изучению литературно-критического наследия Н. К. Михайловского в дореволюционном литературоведении / А. А. Слинько // *Индивидуальность и литературно-общественный процесс.* – Воронеж : ВГУ, 1978. – С. 97–105.

1979

Карпачев М. Д. Русские революционеры-разночинцы и буржуазные фальсификаторы / М. Д. Карпачев. – М. : Мысль, 1979. – 212 с.

Малкин В. А. Н. Г. Чернышевский об А. Ф. Писемском / В. А. Малкин // Индивидуальность и литературно-общественный процесс. – Воронеж : ВГУ, 1979. – С. 110–118.

1980

Слинько А. А. Н. К. Михайловский и русское общественно-литературное движение второй половины XIX – начала XX веков : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. А. Слинько. – Л., 1980. – 46 с.

Слинько А. А. Н. К. Михайловский и демократическая критика его времени / А. А. Слинько // Рус. литература. – 1980. – № 2. – С. 59–72.

Смагин Ю. Н. Значение использования ленинских работ при изучении академического либерально-народнического направления в русской экономической науки / Ю. Н. Смагин // Ленинское экономическое учение и современность. – Воронеж, 1980. – С. 145–148.

1982

Слинько А. А. Н. К. Михайловский и русское общественно-литературное движение второй половины XIX – начала XX века. – 2-е изд. / А. А. Слинько. – Воронеж : ВГУ, 1982. – 272 с.

Шевченко М. М. «Колокол» А. И. Герцена в Воронеже : Новые документы / М. М. Шевченко // Подъем. – 1982. – № 8. – С. 109–118.

1983

Карпачев М. Д. Революционное движение в Воронежском крае в землевольческий период (вторая пол. 1870-х гг.) / М. Д. Карпачев, Г. М. Дмитриев // Классовая борьба и революционное движение в Воронежском крае. – Воронеж : ВГУ, 1983. – С. 40–51.

Карпачев М. Д. В. Я. Яковлев-Богучарский : (К истории жизни и деятельности) / М. Д. Карпачев, Л. М. Искра // Вопросы отечественной и всеобщей ист. в трудах рус. историков XIX – нач. XX века. – Воронеж : ВГУ, 1983. – С. 44–54.

Карпачев М. Д. Писатель-демократ Н. М. Астырев в Воронежском крае. (Из истории позднего народничества) / М. Д. Карпачев // Классовая борьба и революционное движение в Воронежском крае. – Воронеж, 1983. – С. 52–63.

1985

Карпачев М. Д. Очерки истории революционно-демократического движения в России (60-е – нач. 80-х гг. XIX в.) / М. Д. Карпачев. – Воронеж : ВГУ, 1985. – 248 с.

Ласунский О. Г. Литературно-общественное движение в русской провинции : (Воронежский край в «эпоху Чернышевского») / О. Г. Ласунский. – Воронеж : ВГУ, 1985. – 211 с.

1986

Дмитриев Г. М. Влияние произведений К. Маркса на развитие социалистической мысли в народнических кружках Воронежского края (70-е годы

XIX века) / Г. М. Дмитриев // Общественное движение в Воронежском крае в XVII – начале XX века : Сб. науч. тр. – Воронеж : ВГУ, 1986. – С. 71–93.

Карпачев М. Д. Общественно-политические взгляды А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского в современной английской и американской буржуазной историографии / М. Д. Карпачев // Ист. СССР. – 1986. – № 6. – С. 185–199.

1987

Карпачев М. Д. Общественное движение в России 1860–1880 годов в освещении английской и американской буржуазной исторической литературы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / М. Д. Карпачев. – Воронеж : ВГУ, 1987. – 40 с.

Карпачев М. Д. Проблема государства в идеологии русского революционного народничества // Государственный строй и политико-правовые идеи России второй пол. XIX столетия / М. Д. Карпачев. – Воронеж : ВГУ, 1987. – С. 68–84.

1988

Карпачев М. Д. Американский публицист Джордж Кеннан о революционном движении в России / М. Д. Карпачев, Т. В. Логунова // Ист. СССР. – 1988. – № 5. – С. 189–199.

1989

Загоровский В. П. Воронеж : историческая хроника / В. П. Загоровский. – Воронеж : ЦЧКИ, 1989. – 255 с.

1990

Бережанский А. С. Г. В. Плеханов : от народничества к марксизму / А. С. Бережанский. – Воронеж : ВГУ, 1990. – 208 с.

Карпачев М. Д. Либерал А. И. Шингарев и его «Вымирающая деревня» / М. Д. Карпачев, Л. М. Искра // Общественное движение в Черноземном центре России в XVII – нач. XX века. – Воронеж : ВГУ, 1990. – С. 63–73.

Карпачев М. Д. Общественно-политическая деятельность Ф. А. Щербины в Воронежском крае / М. Д. Карпачев // Там же. – С. 52–63.

Минаков А. Ю. Феномен нечаевщины должен быть переосмыслен / А. Ю. Минаков // Вопросы ист. – 1990. – № 11. – С. 186–187.

1991

Карпачев М. Д. [Рецензия] / М. Д. Карпачев // Вопросы ист. – 1991. – № 1. – С. 250–251. – Рец. на кн. : Пирумова Н. М. Александр Герцен – революционер, мыслитель, человек. – М. : Мысль, 1989. – 254 с.

Карпачев М. Д. Истоки российской революции : Легенды и реальность / М. Д. Карпачев. – М. : Мысль, 1991. – 269 с.

Мамонтов В. И. Общественно-политическое движение в русской армии и на флоте в 60-е – нач. 80-х годов XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. И. Мамонтов. – Воронеж : ВГУ, 1991. – 23 с.

Минаков А. Ю. Нечаев и ... Ленин / А. Ю. Минаков // Радуга. – Таллинн. – 1991. – № 9. – С. 57–67.

Панова В. И. История Воронежского края в курсе истории СССР / В. И. Панова. – Воронеж : ЦЧКИ, 1991. – 239 с.

Степынин В. А. Крестьянство Черноземного центра в революции 1905–1907 годов / В. А. Степынин. – Воронеж : ВГУ, 1991. – 166 с.

1992

Загоровский В. П. Алексеев Владимир Николаевич / В. П. Загоровский // Воронежская ист. энциклопедия / В. П. Загоровский. – Воронеж : Истоки, 1992. – С. 8.

Загоровский В. П. «Наши» / В. П. Загоровский // Там же. – С. 151–152.

Загоровский В. П. «Хождение в народ» / В. П. Загоровский // Там же. – С. 230–231.

Слинько А. А. Герцен А. И. К старому товарищу / А. А. Слинько // Пророческие слова о русской революции. – Воронеж : ВГУ, 1992. – С. 30–45.

1993

Карпачев М. Д. [Рецензия] / М. Д. Карпачев // Вопросы ист. – 1993. – № 2. – С. 181–182. – Рец. на кн. : Алексеева Г. Д. Народничество в России в XX в. – М. : Наука, 1990. – 246 с.

Карпачев М. Д. О религиозных корнях русского народничества // Церковь и ее деятели в ист. России : Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1 / М. Д. Карпачев. – Воронеж, 1993. – С. 111–120.

Минаков А. Ю. История общества «Народная расправа» : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. Ю. Минаков. – Воронеж : ВГУ, 1993. – 21 с.

Минаков А. Ю. Феномен «нечаевщины» и его роль в истории российской тоталитарной традиции / А. Ю. Минаков // Нестор. ист.-культурные исследования. Альманах. Вып. 2. – Воронеж : ЦЧКИ, 1993. – С. 89–108.

Мокшин Г. Н. Проблема общественного прогресса в публицистике С. Н. Кривенко / Г. Н. Мокшин // Там же. – С. 69–80.

Тупикин В. М. Н. Г. Чернышевский об университетском преподавании истории / В. М. Тупикин // Российские университеты в XIX – нач. XX века. – Воронеж : ВГУ, 1993. – Вып. 1. – С. 38–57.

Шпилевая Г. А. Жанровая эволюция циклов очерков Г. И. Успенского («Нравы растеряевой улицы», «Разоренье», «Власть земли») : дис. ... канд. филол. наук / Г. А. Шпилевая. – Воронеж, 1993. – 186 с.

1994

Минаков А. Ю. К вопросу о формировании идеологии тоталитарного общественного устройства : бланкизм и большевизм (Нечаев, Ткачев, Ленин) / А. Ю. Минаков // Тоталитаризм и антитоталитарные движения : Междунар. науч. конф. – Харьков, 1994. – С. 145–154.

Мокшин Г. Н. С. Н. Кривенко об особенностях исторического развития России и путях ее преобразования / Г. Н. Мокшин // Нестор. Историко-культурные исследования. Альманах. Вып. 3. – Воронеж : ЦЧКИ, 1994. – С. 119–132.

1995

Мокшин Г. Н. С. Н. Кривенко и Борисоглебский кружок народников (1869–1871 гг.) / Г. Н. Мокшин // Общественная жизнь в Центр. России в XVI – нач. XX вв. : Сб. науч. тр. – Воронеж : ВГУ, 1995. – С. 104–118.

Мокшин Г. Н. Общественно-политические взгляды и деятельность С. Н. Кривенко (1847–1906) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Г. Н. Мокшин. – Воронеж : ВГУ, 1995. – 21 с.

1996

Карпачев М. Д. Писатель-демократ Н. М. Астырев о духовном состоянии воронежского крестьянства / М. Д. Карпачев // Филол. записки. Вып. 7. – Воронеж, 1996. – С. 178–186.

Минаков А. Ю. Ленинизм и нечаевщина : опыт сравнительного анализа / А. Ю. Минаков // Вестник ВГУ. Сер. Гуманитар. науки. – 1996. – № 2. – С. 124–144.

Минаков А. Ю. Нечаевщина и сербские революционеры. К истории распространения идей «Катехизиса революционера» С. Нечаева / А. Ю. Минаков // Вопросы ист. славян. – Воронеж : ВГУ, 1996. – Вып. 11. – С. 122–127.

Сафронов О. С. Агитационная деятельность П. А. Кропоткина в обществе «чайковцев» / О. С. Сафронов // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук : Межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж : ВГЛТА, 1996. – Вып. XI. – С. 14–17.

Слинько А. А. Апостол истины и справедливости. Н. К. Михайловский : личность, публицистика, литературная критика / А. А. Слинько // Вестник ВГУ. Сер. Гуманитар. науки. – 1996. – № 2. – С. 145–160.

1997

Жеребятьев М. А. Народничество / М. А. Жеребятьев // Энциклопедический словарь по культурологии. – М. : Центр, 1997. – С. 276.

Карпачев М. Д. [Рецензия] / М. Д. Карпачев // Вопросы ист. – 1997. – № 7. – С. 141–143. – Рец. на кн. : Балув Б. П. Либеральное народничество в России на рубеже XIX–XX веков. – М. : Наука, 1995. – 267 с.

Минаков А. Ю. Нечаевско-бакунинская агитационная кампания 1869–1870 гг. // Революционный радикализм в России : век девятнадцатый / А. Ю. Минаков. – М. : «Археографический центр». РАН. Ин-т рос. ист., 1997. – С. 173–201.

Минаков А. Ю. С. Г. Нечаев и П. Н. Ткачев : к вопросу об идейной идентификации «нечаевщины» / А. Ю. Минаков // Россия и реформы. Вып. 4. – М., 1997. – С. 74–108.

Слинько А. А. Антропологический принцип в народнической публицистике : Н. К. Михайловский и Н. Г. Чернышевский / А. А. Слинько // Первый Рос. философский конгресс. – СПб., 1997. – Т. 2. – С. 205–209.

1998

Искра Л. М. [Рецензия] / Л. М. Искра // Ист. записки : Науч. тр. ист. ф-та ВГУ. Вып. 6. – Воронеж : ВГУ, 2000. – С. 8–25. – Рец. на кн. : Революционный радикализм в России : век девятнадцатый. Документальная публикация / Под. Ред. Е. Л. Рудницкой. – М. : «Археографический центр». РАН. Ин-т рос. ист., 1997. – 576 с.

Карпачев М. Д. Н. М. Астырев об общинных порядках Воронежской деревни в конце XIX в. / М. Д. Карпачев // Россия в новое время : образ России

в духовной жизни и интеллектуальных исканиях конца XIX – нач. XX вв. : Материалы межвуз. науч. конф. – М., 1998. – С. 11–20.

Квасов О. Н. Обоснование террористической борьбы из анализа российской истории / О. Н. Квасов // Российская цивилизация : ист. и современность : Межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж : Истоки, 1998. – Вып. 1. – С. 143–154.

Мокшин Г. Н. Крестьянский монархизм в интерпретации М. А. Бакунина / Г. Н. Мокшин // Вестник ВГУ. Сер. Гуманитар. науки. – 1998. – № 1. – С. 162–167.

Мокшин Г. Н. С. Н. Кривенко. Очерк жизни и деятельности (1847–1906) / Г. Н. Мокшин. – Воронеж : ВГУ, 1998. – 145 с.

1999

Бережанский А. Г. В. Плеханов и царская охранка / А. Бережанский // Подъем. – 1999. – № 5. – С. 217–233.

Мокшин Г. Н. Н. А. Бердяев о народопоклонстве русской интеллигенции / Г. Н. Мокшин // Страницы ист. и историографии отечества : Сб. науч. тр. Вып. 2. – Воронеж : ВГУ, 1999. – С. 50–63.

Мокшин Г. Н. В. П. Воронцов о развитии политического сознания крестьянства в период первой русской революции / Г. Н. Мокшин // Тр. молодых ученых ВГУ. Вып. 1. – Воронеж : ВГУ, 1999. – С. 327–330.

Савченко В. Л. Возникновение Воронежской эсеровской организации, ее структура и деятельность на начальном этапе : вторая половина 1890-х годов – 1904 год / В. Л. Савченко // Страницы ист. и историографии отечества : Сб. науч. тр. – Воронеж : ВГУ, 1999. – Вып. 2. – С. 131–150.

Степынин В. А. Крестьянские братства Воронежской губернии в период 1905–1907 гг. / В. А. Степынин // Российская цивилизация : История и современность. – Воронеж, 1999. – Вып. 5. – С. 3–15.

2000

Болхоева А. Б. Воронежское дело «Трудовой крестьянской партии» и его место в политических репрессиях 1930-х гг. / А. Б. Болхоева, К. Б. Николаев // Из ист. Воронежского края. Вып. 8. – Воронеж, 2000. – С. 160–171.

Квасов О. Н. Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья в начале XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. Н. Квасов. – Воронеж, 2000. – 24 с.

Карпачев М. Д. Изучение истории общественного движения на кафедре истории России / М. Д. Карпачев // Ист. записки : Науч. тр. ист. ф-та ВГУ. Вып. 6. – Воронеж : ВГУ, 2000. – С. 8–25.

Сафронов О. С. Петр Алексеевич Кропоткин как теоретик и пропагандист анархизма, как историк : автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. С. Сафронов. – Воронеж : ИПЦ ВГПУ, 2000. – 24 с.

Слинько А. А. Диалог Н. К. Михайловского и Ф. М. Достоевского о судьбах России / А. А. Слинько // Филологические записки. – 2000. – Вып. 14. – С. 210–213.

2001

Болотина А. В. В. Я. Богучарский по архивным материалам и в воспоминаниях современников / А. В. Болотина // Страницы ист. и историографии отечества : Сб. науч. тр. Вып. 3. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 49–84.

Карпачев М. Д. [Рецензия] / М. Д. Карпачев // Отечественная ист. – 2001. – № 4. – С. 185–188. – Рец. на кн. : Итенберг Б. С. Российская интеллигенция и запад. Век XIX. Очерки. – М. : Наука. – 232 с.

Мокшин Г. Н. В. П. Воронцов и Н. К. Михайловский (К истории раскола в народническом журнале «Русское богатство» в середине 1890-х гг.) / Г. Н. Мокшин // Акценты. Новое в массовой коммуникации. Альманах. Вып. 3–4. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 63–67.

Мокшин Г. Н. «Интеллигенция и народ» в идеологии русского легального народничества (Общая постановка проблемы) / Г. Н. Мокшин // Страницы ист. и историографии отечества : Сб. науч. тр. Вып. 3. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 114–128.

Разиньков М. Е. Воронежская группа Трудовой народно-социалистической партии в годы первой российской революции / М. Е. Разиньков // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук : Межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж : ВГЛТА, 2001. – Вып. XXVI. – С. 44–46.

2002

Мокшин Г. Н. В. П. Воронцов в общественном движении 1870-х гг. / Г. Н. Мокшин // Общественная жизнь Центрального Черноземья России в XVII – нач. XX века : Науч. тр. ист. ф-та. – Воронеж, 2002. – С. 158–169.

Мокшин Г. Н. Идеологи легального народничества об исторической миссии русской интеллигенции / Г. Н. Мокшин // Вестник ВГУ. Сер. Гуманит. науки. – 2002. – № 2. – С. 231–240.

Мокшин Г. Н. Радикальная интеллигенция и народ в идеологии партии «Народная воля» / Г. Н. Мокшин // Ист. записки : Науч. тр. ист. ф-та ВГУ. Вып. 8. – Воронеж : ВГУ, 2002. – С. 94–107.

Сафронов О. С. Духовность как основа процесса межличностного взаимодействия (на примере категории «взаимопомощь» П. А. Кропоткина) / О. С. Сафронов // Вестник ВГТУ. Сер. Гуманитар. науки. Вып. 9.1. – Воронеж, 2002. – С. 47–51.

2003

Денисова М. А. Творчество А. П. Чехова в восприятии либерально-народнической критики конца XIX – начала XX вв. : Н. К. Михайловский, А. М. Скабичевский, М. А. Протопопов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. А. Денисова. – Воронеж, 2003. – 22 с.

Карпачев М. Д. Разночинная интеллигенция как феномен политической культуры пореформенного времени / М. Д. Карпачев // Освободительное движение в России. Вып. 20. – Саратов : СГУ, 2003. – С. 78–89.

Литвинов Н. Антигосударственный террор в Российской империи. Исторический очерк / Н. Литвинов, А. Литвинова // Новый мир. – 2003. – № 11. – С. 124–151.

Макаров В. В. Общественно-политическая деятельность А. И. Шингарева : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. В. Макаров. – Воронеж : ВГУ, 2003. – 24 с.

Минаков А. Ю. К портрету Сергея Нечаева / А. Ю. Минаков // Духовность : журнал гуманитар. исследований. – Сергиев Пасад, 2003. – Кн. 3. – С. 8–13.

Мокшин Г. Н. В. П. Воронцов. Исторический портрет / Г. Н. Мокшин // Вопросы ист. – 2003. – № 9. – С. 57–73.

Мокшин Г. Н. Идеологи легального народничества 70–90-х гг. XIX в. о долге интеллигенции перед Родиной / Г. Н. Мокшин // Интеллигенция и мир. – 2003. – № 1–2. – С. 62–66.

Мокшин Г. Н. К вопросу о «культе» Н. К. Михайловского в новейшей историографии русского легального народничества / Г. Н. Мокшин // Россия : история, наука, культура. Материалы VI Всерос. науч.-теоретич. конф. – М. : РУДН, 2003. – С. 36–41.

Мокшин Г. Н. Л. Е. Оболенский как идеолог легального народничества 1880-х гг. / Г. Н. Мокшин // Вестник ВГУ. Сер. Гуманитар. науки. – 2003. – № 2. – С. 246–256.

Мокшин Г. Н. «Простите за правду». Письмо редактора журнала «Русское богатство» Л. Е. Оболенского Н. К. Михайловскому. 1885 г. / Г. Н. Мокшин // Ист. архив. – 2003. – № 4. – С. 184–201.

Мокшин Г. Н. Реформаторское народничество и проблемы самоидентификации русской интеллигенции / Г. Н. Мокшин // Ист. исследования в России-II. Семь лет спустя. – М. : АИРО-XX, 2003. – С. 363–388.

Сафронов О. С. Справедливость как выражение равенства в оценке П. А. Кропоткина / О. С. Сафронов // Вестник ВГТУ. Сер. Гуманитар. науки. Вып. 9.2. – Воронеж, 2003. – С. 14–17.

2004

Карпачев М. Д. Общественно-политическая мысль пореформенной эпохи / М. Д. Карпачев // Очерки рус. культуры XIX в. Т. 4. – М. : МГУ, 2004. – С. 197–398.

Квасов О. Н. Анархисты в Воронежской губернии в начале XX века : К постановке проблемы / О. Н. Квасов, М. Е. Разиньков // Воронежский вестник архивиста : Науч.-информационный бюллетень. Вып. 2. – Воронеж : Истоки, 2004. – С. 77–86.

Макаров В. В. Трудный путь к «политической благонадежности» (А. И. Шингарев и Воронежское губернское жандармское управление в 1892–1907 годах) / В. В. Макаров // Ист. записки : Науч. тр. ист. ф-та ВГУ. – Воронеж : ВГУ, 2002. – Вып. 8. – С. 107–125.

Мокшин Г. Н. Народники-реформисты о социально-исторических условиях образования и функционирования интеллигентского слоя в России / Г. Н. Мокшин // Ист. записки : Науч. тр. ист. ф-та ВГУ. Вып. 10. – Воронеж : ВГУ, 2004. – С. 24–34.

Мокшин Г. Н. «Малые» или «большие» дела : легальные народники в поисках механизма общественных преобразований страны / Г. Н. Мокшин // Российская империя : стратегии стабилизации и опыты обновления. – Воронеж : ВГУ, 2004. – С. 230–242.

Мокшин Г. Н. Развитие идеи «народной интеллигенции» в легально-народнической публицистике 80–90-х гг. XIX в. / Г. Н. Мокшин // Интеллигенция и общество : Сб. ст. – Воронеж : ВГУ, 2004. – С. 58–62.

Мокшин Г. Н. [Рецензия] / Г. Н. Мокшин // Вестник РУДН. Сер. Ист. России. – 2004. – № 3. – С. 190–193. – Рец. на кн. : В. В. Зверев. Народники в ист. России. – М. : Просвещение, 2003. – 144 с.

Сафронов О. С. Дискуссионные вопросы Российской истории в интерпретации П. А. Кропоткина / О. С. Сафронов // Вестник ВГТУ. Сер. Гуманит. науки. Вып. 9.3. – Воронеж, 2004. – С. 33–36.

Шипилова Н. А. Поэтика очеркистки Г. И. Успенского (цикл «Письма с дороги») : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Шипилова. – Воронеж, 2004. – 22 с.

2005

Баранова Н. О. Д. А. Перелешин и его общественно-политическая деятельность в Воронежском крае / Н. О. Баранова // Новик. Вып. 10. – Воронеж, 2005. – С. 71–83.

Дорошенко Н. Е. «Нечаевщина» и ее отражение в русской литературе XIX в. / Н. Е. Дорошенко, Е. А. Жуков // Интеллигенция и экстремизм : Сб. ст. – Воронеж : ВГУ, 2005. – С. 40–47.

Зайцев А. Б. Л. А. Тихомиров – как критик легального народничества / А. Б. Зайцев // Там же. – С. 53–58.

Искра Л. М. Н. К. Михайловский и русская интеллигенция / Л. М. Искра // Там же. – С. 5–16.

Карпачев М. Д. О научном и педагогическом наследии профессора М. Г. Седова / М. Д. Карпачев // «Будущего нет и не может быть без наук...» (Памяти профессора Московского университета Михаила Герасимовича Седова). – М. : МГУ, 2005. – С. 11–51.

Квасов О. Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX века (1901–1911 гг.) / О. Н. Квасов. – Воронеж : ВГУ, 2005. – 223 с.

Квасов О. Н. Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья, 1901–1911 годы / О. Н. Квасов // Вопросы ист. – 2005. – № 8. – С. 93–103.

Куцеволов А. А. Партия социалистов-революционеров в Воронежской губернии. От истоков до 1908 года / А. А. Куцеволов. – Воронеж : Истоки, 2005. – 138 с.

Минаков А. Ю. У истоков левого терроризма : С. Г. Нечаев и нечаевское дело / А. Ю. Минаков // Власть и общественное движение в России имперского периода. – Воронеж : ВГУ, 2005. – С. 174–352.

Мокшин Г. Н. Вопрос об интеллигенции в легальной печати начала 1880-х гг. / Г. Н. Мокшин // Ист. записки : Науч. тр. ист. ф-та ВГУ. Вып. 11. – Воронеж : ВГУ, 2005. – С. 17–30.

Мокшин Г. Н. Концепция «народа» в социально-революционной доктрине русского народничества / Г. Н. Мокшин // Вестник ВГУ. Сер. Гуманитар. науки. – 2005. – № 1. – С. 358–367.

Мокшин Г. Н. Культурничество / Г. Н. Мокшин // Общественная мысль России XVIII – начала XX века : Энциклопедия. – М. : РОССПЭН, 2005. – С. 241–242.

Мокшин Г. Н. Народники-реформисты о событиях 1 марта 1881 года / Г. Н. Мокшин // Интеллигенция и экстремизм : Сб. ст. – Воронеж : ВГУ, 2005. – С. 22–26.

Мокшин Г. Н. Проблема типологии идейно-тактических направлений в легальном народничестве / Г. Н. Мокшин // Общественная мысль и общественное движение в России пореформенного времени : Сб. ст. – Воронеж : Истоки, 2005. – С. 80–93.

Мокшин Г. Н. [Рецензия] / Г. Н. Мокшин // Отечественная ист. – 2005. – № 3. – С. 196–197. – Рец. на кн. : В. В. Блохин. Историческая концепция Николая Михайловского. – М. : Пробел, 2001. – 267 с.

Мокшин Г. Н. Русское легальное народничество 60–90-х XIX века. Очерки ист. и историографии / Г. Н. Мокшин. – Воронеж : Истоки, 2005. – 179 с.

Слинько А. А. Анархистские тенденции в русском революционизме : история и современность / А. А. Слинько // Интеллигенция и экстремизм : Сб. ст. – Воронеж : ВГУ, 2005. – С. 35–40.

2006

Дорофеева О. П. Бюджетные исследования Ф. А. Щербины в Воронежском крае / О. П. Дорофеева // Общественное движение и культурная жизнь Центр. России XIV–XX веков : Сб. науч. тр. – Воронеж : ВГУ, 2006. – С. 135–149.

Дорофеева О. П. Деятельность Ф. А. Щербины в Воронежском крае в конце XIX – нач. XX веков / О. П. Дорофеева // Памяти Федора Андреевича Щербины. Слово Щербины и – о нем... – Краснодар : ИМСИТ, 2006. – С. 112–121.

Дорофеева О. П. Жизнь и научная деятельность Ф. А. Щербины в трудах воронежских ученых. Историографический обзор / О. П. Дорофеева // Там же. – С. 129–141.

Дорофеева О. П. Ф. А. Щербина о новых явлениях в хозяйственной жизни воронежской деревни / О. П. Дорофеева // Вестник ВГУ. Сер. Ист. Политология. Социология. – 2006. – № 2. – С. 144–153.

Карпачев М. Д. Общественно-политическая деятельность Ф. А. Щербины в Воронежском крае / М. Д. Карпачев // Федор Андреевич Щербина и народы юга России : ист. и современность. – Краснодар, 2006. – С. 53–66.

Квасов О. Н. Вырождение революционного террора отступающей революции : (1905–1907 годы) / О. Н. Квасов // Общественное движение и

культурная жизнь Центральной России XIV–XX вв. : Сб. науч. тр. – Воронеж : ВГУ, 2006. – С. 218–227.

Куцеволов А. А. Крестьянские братства социалистов-революционеров в Воронежской губернии / А. А. Куцеволов // Вестник ВГУ. Сер. Гуманитар. науки. – 2006. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 260–273.

Куцеволов А. А. Эсеры Воронежской губернии. От зарождения партии до 1905 года / А. А. Куцеволов // Общественное движение и культурная жизнь Центр. России XIV–XX веков : Сб. науч. тр. – Воронеж : ВГУ, 2006. – С. 228–248.

Литвинов Н. Д. Объект покушения – царь всея Руси, 1879–1881 / Н. Д. Литвинов, И. С. Суровцев. – Воронеж : ВГАСУ, 2006. – 334 с.

Литвинова А. Н. Первая кровь России : зарождение революционно-террористического движения в Российской империи 1861–1879 гг. / А. Н. Литвинова, Н. Д. Литвинов. – Воронеж : Общонац. центр «Антитеррор», 2006. – 288с.

Мокшин Г. Н. Взгляды на проблему интеллигенции неонародников и идейное наследие легального народничества / Г. Н. Мокшин // Вестник ВГУ. Сер. Ист. Политология. Социология. – 2006. – № 2. – С. 57–64.

Мокшин Г. Н. «Народ учить или у народа учиться?» : семидесятники-легалисты о задачах русской интеллигенции / Г. Н. Мокшин // Ист. записки : Науч. тр. ист. ф-та ВГУ. – Воронеж : ВГУ, 2006. – Вып. 12. – С. 50–66.

Мокшин Г. Н. Народники-реформисты о причинах демократизма русской интеллигенции / Г. Н. Мокшин // Общественное движение и культурная жизнь Центральной России XIV–XX веков : Сб. науч. тр. – Воронеж : ВГУ, 2006. – С. 150–172.

Мокшин Г. Н. С. Н. Кривенко о русской кооперации и благосостоянии народа / Г. Н. Мокшин // Кооперация. Страницы ист. : в 3 т. – М. : Наука, 2006. – Т. 1. – Кн. 3. – Ч. 1. – С. 45–74.

Сафронов О. С. Спорные проблемы средневековой истории России в понимании М. А. Бакунина / О. С. Сафронов // Вестник ВГТУ. Сер. Гуманитар. науки. Том 2. № 2. – Воронеж, 2006. – С. 27–30.

2007

Дорофеева О. П. Общественно-политическая деятельность Ф. А. Щербини в конце XIX – нач. XX веков в Воронежском крае : автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. П. Дорофеева. – Воронеж : ВГУ, 2007. – 23 с.

Искра Л. М. Революционный народник В. Я. Яковлев-Богучарский / Л. М. Искра // Страницы ист. и историографии отечества. – Воронеж : ВГУ, 2007. – Вып. 4. – С. 3–23.

Карпачев М. Д. Идейные истоки «русского социализма» демократической интеллигенции / М. Д. Карпачев // Актуальные вопросы истории, философии и культуры : Сб. ст. – Воронеж, 2007. – С. 112–131.

Куцеволов А. А. Деятельность партии социалистов-революционеров в Воронежской губернии (конец XIX в. – 1918 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. А. Куцеволов. – Воронеж : ВГУ, 2007. – 23 с.

Литвинов Н. Д. Террор и агентура в Российской империи : 1861–1917 / Н. Д. Литвинов. – Воронеж : Альбом, 2007. – 482 с.

Мокшин Г. Н. Идеологи легального народничества о русской интеллигенции / Г. Н. Мокшин. – Воронеж : Научная книга, 2007. – 357 с.

Мокшин Г. Н. Типология русской интеллигенции в публицистике легальных народников / Г. Н. Мокшин // Вестник ВГУ. Сер. Ист. Политология. Социология. – 2007. – № 1. – С. 52–62.

2008

Акинъшин А. Н. Карпачев Михаил Дмитриевич / А. Н. Акинъшин // Воронежская энциклопедия : в 2 т. – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2008. – Т. 1. – С. 356.

Акинъшин А. Н. Леважа Андрей Михайлович / А. Н. Акинъшин // Там же. – Т. 1. – С. 439.

Баранова Н. О. Перелешин Дмитрий Александрович / Н. О. Баранова // Там же. – Т. 2. – С. 85–86.

Инютин В. В. Н. М. Астырев и его книга «В волостных писарях» / В. В. Инютин // Известия науч.-координационного центра по профилю «Филология» (ВГПУ–ВОИПК и ПРО). – Воронеж, 2008. – Вып. VI. – С. 130–132.

Карпачев М. Д. Богучарский Василий Яковлевич / М. Д. Карпачев // Воронежская энциклопедия : в 2 т. – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2008. – Т. 1. – С. 89.

Карпачев М. Д. Воронежский съезд «Земли и воли» / М. Д. Карпачев // Там же. – С. 168.

Карпачев М. Д. Заславский Евгений Осипович / М. Д. Карпачев // Там же. – С. 301.

Карпачев М. Д. Лодыгин Александр Николаевич / М. Д. Карпачев // Там же. – С. 456.

Карпачев М. Д. Плеханов Георгий Валентинович / М. Д. Карпачев // Там же. – Т. 2. – С. 100–101.

Карпачев М. Д. Чубаров Сергей Федорович / М. Д. Карпачев // Там же. – С. 374.

Карпачев М. Д. Щербина Федоров Андреевич / М. Д. Карпачев // Там же. – С. 405.

Куцеволов А. А. Крестьянские братства / А. А. Куцеволов // Там же. – Т. 1. – С. 413.

Куцеволов А. А. Социалисты-революционеры (эсеры) / А. А. Куцеволов // Там же. – Т. 2. – С. 225.

Ласунский О. Г. Астырев Николай Михайлович / О. Г. Ласунский // Там же. – Т. 1. – С. 407.

Ласунский О. Г. Дмитриева Валентина Иововна / О. Г. Ласунский // Там же. – С. 255.

Ласунский О. Г. Кранихфельд Владимир Павлович / О. Г. Ласунский // Там же. – С. 56.

Ласунский О. Г. Кривенко Сергей Николаевич / О. Г. Ласунский // Там же. – С. 415.

Ласунский О. Г. Пругавин Александр Степанович / О. Г. Ласунский // Там же. – Т. 2. – С. 132.

Ласунский О. Г. Слинько Анатолий Александрович / О. Г. Ласунский // Там же. – С. 212.

Ласунский О. Г. Эртель Александр Иванович / О. Г. Ласунский // Там же. – С. 414.

Мокшин Г. Н. Проблемы периодизации истории легального народничества / Г. Н. Мокшин // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 3. – С. 292–296.

Сафронов О. С. Политические и исторические взгляды П. А. Кропоткина / О. С. Сафронов. – Воронеж : ВАИУ, 2008. – 436 с.

2009

Квасов О. Н. «Истинный сын революции Иван Голощапов» или судьба «анархиста-мстителя» / О. Н. Квасов // Воронежский вестник архивиста : Науч.-информационный ежегодник. Вып. 7. – Воронеж, 2009. – С. 223–232.

Квасов О. Н. Структурные субъекты российского революционного терроризма начала XX века / О. Н. Квасов // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 2. – С. 214–218.

Квасов О. Н. Террористический дискурс в начале XX и XXI веков / О. Н. Квасов // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 1. – С. 206–209.

Минаков А. Ю. Нечаев Сергей Геннадиевич / А. Ю. Минаков // Общественная мысль Русского зарубежья : Энциклопедия. – М., 2009. – С. 450–452.

Мокшин Г. Н. Легальные народники и проблема государства как субъекта общественных преобразований / Г. Н. Мокшин // Вестник ВГУ. Сер. Ист. Политология. Социология. – 2009. – № 2. – С. 104–109.

Мокшин Г. Н. Проблема возникновения легального народничества / Г. Н. Мокшин // Вестник ВГУ. Сер. Ист. Политология. Социология. – Воронеж, 2009. – № 1. – С. 59–64.

Мокшин Г. Н. Социокультурная концепция идейной эволюции легального народничества / Г. Н. Мокшин // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 2. – С. 210–213.

Мокшин Г. Н. Этимология и содержание понятия «легальное народничество» / Г. Н. Мокшин // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 1. – С. 195–199.

Савицкая Е. А. Общие тенденции в развитии революционного народничества первой половины 90-х годов XIX века : (на примере партии «Народного права») / Е. А. Савицкая // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2009. – № 2. – С. 206–209.

Савицкая Е. А. Эволюция идей революционного народничества в 80-е – 90-е годы XIX века / Е. А. Савицкая // Образ прошлого. Ист. сознание и его

эволюция : Материалы науч. конф. – Воронеж : Научная книга, 2009. – С. 59–165.

Сафронов О. С. Исторические взгляды идеологов русского анархизма (вторая половина XIX века) / О. С. Сафронов. – Воронеж : ВАИУ, 2009. – 244 с.

Сафронов О. С. Проблема генезиса государства в интерпретации идеолога анархизма П. А. Кропоткина / О. С. Сафронов // Федерализм. 2009. № 4 (56). – С. 171–181.

Чеботарева Е. М. «Народная воля» перед судом европейской общественности / Е. М. Чеботарева // Новик. Вып. 14. – Воронеж, 2009. – С. 93–105.

Ячевский В. В. Человек, общество, государство в концепции Н.К. Михайловского / В. В. Ячевский // Социально-политические противоречия современного мира и русская литература. – Воронеж, 2009. – С. 71–77.

2010

Карпачев М. Д. Интеллигенция в пореформенной России / М. Д. Карпачев // Вопросы ист. славян. Вып. 20. – Воронеж, 2010. – С. 60–77.

Квасов О. Н. Количественные параметры жертв революционного терроризма начала XX века / О. Н. Квасов // Вестник ВГУ. Сер. Ист. Политология. Социология. – 2010. – № 2. – С. 24–32.

Квасов О. Н. Развитие террористических тенденций в российском революционном движении начала XX века / О. Н. Квасов // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки : Научно-образовательный и прикладной журнал. – 2010. – № 5. – С. 98–101.

Мокшин Г. Н. Идеиная эволюция легального народничества во второй половине XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Г. Н. Мокшин. – Саратов : СГУ, 2010. – 42 с.

Мокшин Г. Н. Изучение идейной эволюции легального народничества : основные подходы и концепции / Г. Н. Мокшин // Ист. записки : науч. тр. ист. ф-та ВГУ. – Воронеж, 2010. – Вып. 14. – С. 144–161.

Мокшин Г. Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. / Г. Н. Мокшин. – Воронеж : Научная книга, 2010. – 298 с.

Савицкая Е. А. От «Народной воли» к социал-демократии / Е. А. Савицкая // Новик. Вып. 15. – Воронеж : Истоки, 2010. – С. 36–43.

Сафронов О. С. История России XVII–XIX веков в трактовке П. А. Кропоткина / О. С. Сафронов // Вестник ВГУ. Сер. Ист. Политология. Социология. – Воронеж, 2010. № 2. – С. 41–49.

Сафронов О. С. Теория революции в понимании П. А. Кропоткина / О. С. Сафронов // Научные ведомости БГУ. Сер. Ист. Политология. Экономика. Информатика. – Белгород, 2010. № 7 (78). – С. 145–150.

2011

Квасов О. Н. Источники изучения проблемы терроризма в начале XX в. / О. Н. Квасов // Вестник архивиста. – 2011. – № 3. – С. 47–54.

Квасов О. Н. Комплекс информационного сопровождения актов революционного терроризма в годы первой российской революции / О. Н. Квасов // Общественные науки. Всероссийский научный журнал. – М. : Изд-во МИИ Наука, 2011. – № 3. – С. 368–374.

Квасов О. Н. Мария Федорова – террористка и жертва террора / О. Н. Квасов // Новый ист. вестник. – 2011. – № 1. – С. 89–104.

Квасов О. Н. «Организация боевых сил вполне самостоятельна...» / О. Н. Квасов // Ист. архив. – 2011. – № 5. – С. 190–191.

Квасов О. Н. Террористическая экспроприация как форма революционной борьбы в Российской империи начала XX века / О. Н. Квасов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 3. – Ч. 1. – С. 61–65.

Мошкин Г. Н. Основные факторы идейной эволюции легального народничества / Г. Н. Мошкин // Вестник ВГУ. Сер. Ист. Политология. Социология. – 2011. – № 1. – С. 131–134.

Мошкин Г. Н. Что такое «легальное народничество»? / Г. Н. Мошкин // Известия Саратовского университета. Сер. Ист. Международные отношения. – 2011. – № 2. – С. 21–29.

Савицкая Е. А. К вопросу о происхождении «Молодой партии “Народной воли”» / Е. А. Савицкая // Вестник ВГУ. Ист. Политология. Социология. – 2011. – № 2. – С. 162–165.

Чеботарева Е. М. Концепция террора в российском революционном движении / Е. М. Чеботарева // Новик. Вып. 16. – Воронеж, 2011. – С. 29–40.

2012

Мошкин Г. Н. Идеи и жизнь «артельного человека» С. Н. Кривенко (1847–1906) / Г. Н. Мошкин. – 2-е изд., испр. и доп. – Воронеж : ВГУ, 2012. – 195 с.

Научное издание

ВОРОНЕЖ НАРОДНИКОВЕДЧЕСКИЙ

На обложке
репродукция с картины Леонида Золотарева
«Март. Каменный мост, Воронеж».

Художественный редактор *Е. Ю. Бочарникова*

Компьютерная верстка *Г. Н. Мокшин*

Издательство «ИСТОКИ»
394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 73, оф.102
Телефон/факс (473) 253-57-97
E-mail: istoki-vrn@mail.ru

Подписано в печать 24.05.2012 г. Формат 60х80 1/16.
Гарнитура «Times New Roman» Печать офсетная.
Бумага офсетная. Объем 12,25 п. л. Тираж 500 экз.
Заказ № 337.

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета.

Типография «ИСТОКИ»
394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 73
Телефон/факс (473) 261-94-88